

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

БАЖАНОВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ ПО
ФОРМИРОВАНИЮ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Киселев Сергей Георгиевич,
доктор философских наук,
профессор

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка.....	32
1.1. Теоретико-методологические и концептуально-доктринальные основы исследования нового мирового порядка.....	32
1.2. Зарубежный опыт внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка	71
Глава 2. Состояние и перспективы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка	115
2.1. Современное состояние, успехи и проблемы во внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка	115
2.2. Приоритетные направления повышения эффективности внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка.....	150
2.3. Стратегические прогнозы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка	174
Заключение.....	193
Список литературы.....	200
Приложение 1	250

Введение

Актуальность исследования. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью научного осмысления трансформации внешнеполитической деятельности Российской Федерации в условиях структурных изменений современной системы международных отношений.¹ Новый мировой порядок, который формируется в настоящее время, представляет собой сложную и динамичную систему, в которой страны и международные организации взаимодействуют друг с другом в различных областях. Россия, как ведущая мировая держава, занимает важное место в формировании нового мирового порядка. Исследование проблем становления нового мирового порядка может помочь лучше понять мотивацию и цели России на международной арене и предсказать ее будущие шаги.

Современный этап международных отношений характеризуется усилением противоречий между Западом и развивающимися государствами², нарастание конфликтов в сфере безопасности, экономики и технологий свидетельствуют о кризисе сложившегося мирового порядка, что формирует потребность в уточнении теоретических и прикладных подходов к анализу внешней политики государств. В данных условиях внешняя политика России требует осмысления не просто как ответ на внешние вызовы, а как система целенаправленных действий, через которые закрепляется определенное видение будущего мироустройства.

Важным условием корректного анализа является разграничение понятий «мировая система» и «мировой порядок». В настоящем исследовании они не рассматриваются как синонимы. Под мировой системой понимается структурная конфигурация международной среды, включающая распределение центров силы, ресурсов, зависимостей, институтов и устойчивых каналов взаимодействия между

¹ Лукьянов Ф. А. Борьба за мир через силу // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 5. С. 5–8.

² Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 52–64

акторами.³ Мировой порядок, в свою очередь, представляет собой нормативно-институциональный способ организации этой системы, то есть совокупность норм, правил и признанных форматов участия государств в принятии международно значимых решений. Следовательно, трансформация мировой системы означает изменение структуры международных отношений, тогда как формирование нового мирового порядка предполагает изменение правил, институтов и принципов, на которых эта структура функционирует. Таким образом, формирование нового мирового порядка происходит в условиях трансформации мировой системы, но не сводится к ней, оно предполагает борьбу за закрепление новых норм, институтов и принципов взаимодействия государств на мировой арене.

Научная актуальность исследования обусловлена тем, что в современной политической науке сохраняется потребность в более целостном осмыслении внешнеполитической деятельности России в условиях формирования нового мирового порядка. В современной научной литературе достаточно подробно рассмотрены отдельные аспекты российской внешней политики, включая вопросы безопасности, санкционного противостояния, энергетической дипломатии и регионального взаимодействия. Вместе с тем недостаточно раскрыта взаимосвязь этих направлений с более широкими процессами трансформации мирового порядка, кризисом международных институтов, принципов и норм международного права. В результате отдельные аспекты внешней политики России не рассматриваются как элементы единой внешнеполитической деятельности, направленной на участие в формировании новой международной архитектуры.

Кроме того, в научных исследованиях отсутствует единая интерпретация роли России как инициатора институциональных и нормативных изменений в мировой политике. Отличие настоящего исследования от уже имеющихся работ состоит в том, что внешнеполитическая деятельность России рассматривается не через отдельные направления, а как система взаимосвязанных приоритетов,

³ Зуйков Р. С. Международные отношения начала XXI века: анализ критериев системности: диссертация кандидата политических наук / Зуйков Руслан Сергеевич. – М.: Отдел международно-политических проблем Учреждения Российской академии наук Института мировой экономики и международных отношений РАН, 2010. – 248 с.

инструментов и практик, посредством которых Россия стремится влиять на трансформацию мирового порядка, формирование новых центров силы и изменение принципов глобального управления. Указанные процессы требуют уточнения теоретических моделей международных отношений и переоценки роли государств в условиях перехода к новому мировому порядку.

Практическая актуальность исследования определяется возрастающим запросом со стороны внешнеполитической практики на научно обоснованные рекомендации в условиях изменения глобальной среды. Формирование нового мирового порядка происходит на фоне кризиса механизмов коллективной безопасности, снижения эффективности универсальных международных организаций, трансформации институтов БРИКС, усиления санкционного давления, технологической конкуренции и финансово-экономической фрагментации. В этих условиях для России особое значение приобретает определение таких внешнеполитических приоритетов и инструментов, которые позволят сочетать защиту национальных интересов с участием в формировании более устойчивой и справедливой международной архитектуры.

Если Мюнхенская речь В. В. Путина в 2007 г. обозначила публичную критику однополярной модели международных отношений⁴, то в Концепции внешней политики Российской Федерации курс на формирование «справедливого и устойчивого мироустройства» уже закреплен как одна из основных задач внешней политики.⁵ Кроме того, в Концепции зафиксировано определение России, как «государства-цивилизации», которое не вписывается в прежнюю систему координат международных отношений. Следовательно, речь идет не только о политической риторике, но и о направлении стратегического планирования, институционального взаимодействия и практической дипломатии.

⁴ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России: официальный сайт. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 17.05.2026).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. ст. 2406.

Таким образом, обращение к исследованию внешнеполитической деятельности России в условиях формирования нового мирового порядка обусловлено как научной необходимостью восполнения существующих теоретических и эмпирических пробелов, так и практической потребностью в разработке эффективных стратегий внешнеполитического взаимодействия.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы теоретического осмысления нового мирового порядка, его сущности и содержания исследуются в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. В отечественной политической науке значительное внимание уделяется теоретическому осмыслению мирового порядка, его структуры и контуров формирующейся международной системы. В работах М. М. Лебедевой⁶, А. И. Никитина⁷, а также Гринина Л. Е.⁸, Коротаева А. В.⁹, Громыко А. А.¹⁰, Примакова Е. М.¹¹ раскрываются вопросы изменения баланса сил, кризиса прежней институциональной архитектуры, перехода к многополярности и становления новых форм политической организации мира. Значение этих исследований состоит прежде всего в разработке понятийных и теоретических оснований анализа мирового порядка.

⁶ Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. 2020. № 4. С. 24.; Лебедева М. М. БРИКС в трансформирующейся политической организации мира // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 4 (103). С. 66-84.

⁷ Никитин А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. // Полис. 2018. № 6. С.32-36.; Никитин А. И. Мировые державы и трансформация миропорядка // Философия политики и права. 2019. № 10. С. 168-186.

⁸ Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2025. 464 с. ISBN 978-5-7057-6373-3.

⁹ Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С.124.

¹⁰ Громыко А. А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. – 2012. – № 3. – С. 18-32.

¹¹ Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.; Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.: Издательство ТПП РФ; Российская газета, 2016. 320 с. URL: https://www.airo-xxi.ru/2009-12-27-19-12-47/cat_view/124 (дата обращения: 06.09.2026).

Теоретические аспекты трансформации мирового порядка раскрываются в исследованиях Баталова Э. Я.¹², Богатурова А. Д.¹³, Цыганкова П. А.¹⁴ Эти авторы рассматривают мировой порядок как систему международных отношений, которая меняется под воздействием распределения силы, роли государств, состояния международных институтов и конкуренции политических интересов. Для настоящего исследования данные работы важны тем, что позволяют рассматривать формирование нового мирового порядка как длительный и противоречивый процесс, в котором наряду с глобальными изменениями существенное значение сохраняют региональные балансы, национальные интересы и представления государств о справедливом устройстве международной системы.

Значительный вклад в изучение эволюции миропорядка внесли Косолапов Н. А.¹⁵, Стрежнева М. В.¹⁶, Михайленко А. Н.¹⁷ Н. А. Косолапов рассматривает проблемы глобального управления в условиях, когда международная взаимозависимость усиливается, а прежние институты все менее эффективно справляются с согласованием интересов государств. М. В. Стрежнева анализирует многосторонность как один из ключевых принципов современного международного взаимодействия, показывая, что между нормативной приверженностью многосторонним механизмам и реальной политической практикой сохраняются заметные противоречия. А. Н. Михайленко связывает

¹² Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25.; Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. 374, [1] с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_881614/ (дата обращения: 06.09.2026).

¹³ Богатуров А. Д. Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 4 (103). С. 46-65.

¹⁴ Цыганков А. П., Цыганков П. А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 161-176

¹⁵ Косолапов Н. А. Глобальное управление на старте 2020-х годов // Запад – Восток – Россия. 2020. С. 24.

¹⁶ Стрежнева М. В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 3.;

¹⁷ Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 143.; Михайленко А.Н. Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41). С. 83; Михайленко А. Н. Формирование нового мирового порядка и интеграционные процессы в ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2018. 1040 с.; Михайленко А. Н., Алиев У.С. Тенденции развития нового мирового порядка // Известия Юго—Западного государственного университета Серия: История и право Научный журнал. 2019. Том 9. № 5. С. 134.; Михайленко А. Н. Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 1431-1448.

становление полицентричного мира с развитием интеграционных процессов и изменением роли России в международной системе, что особенно важно для анализа евразийского направления российской внешней политики.

Среди зарубежных исследователей особое внимание проблемам формирования мирового порядка уделяют Дж. Миршаймер¹⁸, Г. Киссинджер¹⁹, Ф. Закария²⁰, Х. Булл²¹, А. Ачарья²², Р. Саква²³, Б. Бузан²⁴. В работах Дж. Миршаймера акцент сделан на структурных ограничениях либерального международного порядка и на сохраняющемся значении силовой конкуренции между великими державами. Г. Киссинджер рассматривает мировой порядок как результат исторически сложившегося баланса между легитимностью, силой и дипломатическим согласованием интересов. Ф. Закария связывает трансформацию международной системы с изменением распределения глобального влияния и усилением роли незападных центров. Х. Булл раскрывает значение международного общества, правил и институтов, без которых взаимодействие государств не может быть устойчивым даже в условиях анархичной международной среды. В исследованиях А. Ачарьи особое внимание уделяется идее множественности мировых порядков и возрастающей роли региональных и незападных акторов. Р. Саква анализирует кризис постбиполярного порядка и противоречия между универсалистскими претензиями Запада и принципом суверенного равенства государств. Б. Бузан рассматривает трансформацию мирового порядка в связи с изменением структуры международного общества и

¹⁸ Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J.J. Mearsheimer // *International Security*. – 2019. – Vol. 43, no. 4. – P. 9.

¹⁹ Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Penguin Books, 2015. P. 9.

²⁰ Закария Ф. *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа, 2009. С. 55.

²¹ Bull H. *The Anarchical Society A Study of Order in World Politics*, 4th ed. / H. Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 330 p.

²² Acharya A. Dialogue and discovery: In search of International Relations theories beyond the West // *Millennium*. 2011.; Buzan B. *Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations* / B. Buzan, A. Acharya. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 188 p.

²³ Sakwa R. *The International System and Models of Global Order* / R. Sakwa // *Russia in Global Affairs*. – 2019. – Vol. 17, no. 3. – P. 24-25.

²⁴ Buzan B. *An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach* / B. Buzan. – Cambridge: Polity Press, 2014. – P. 130.

перераспределением влияния между западными и незападными участниками мировой политики.

Концепции либерального и реалистического подходов к мироустройству анализируются в работах Дж. Икенберри²⁵, Л. Х. Миллера²⁶, Р. Кагана²⁷, З. Бжезинского^{28,29}. Дж. Икенберри объясняет устойчивость либерального международного порядка через систему институтов, правил и союзнических обязательств, тогда как Л. Х. Миллер обращает внимание на нормативные основания мирового порядка и роль представлений о справедливости в международной политике. Р. Каган и З. Бжезинский, напротив, в большей степени связывают стабильность международной системы с американским лидерством, стратегическим превосходством и способностью Запада сохранять влияние в ключевых регионах мира. Сопоставление этих подходов важно для настоящего исследования, поскольку позволяет показать, что дискуссия о новом мировом порядке в зарубежной политической науке ведется не только вокруг вопроса о балансе сил, но и вокруг проблемы обладания правом формулировать правила международного взаимодействия и на каких принципах должна строиться будущая мировая система.

Вопросы перераспределения влияния в международной системе и роль ключевых акторов: России, Китая, США, ЕС, стран Африки, Латинской Америки и Индии исследуются в работах Тренина Д. В.³⁰, Лукина А. В.³¹, Бордачева Т. В.³²,

²⁵ Ikenberry J.G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton: University Press, 2000. P. 22.

²⁶ Miller L.H. *Global Order: Values and Power in International Politics* / L.H. Miller. Boulder: Westview Press, 1998. P. 11.

²⁷ Kagan R., Kristol W. *Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy*. New York: Encounter Books, 2000. P. 69.

²⁸ Бжезинский З. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения, 2010. 256 стр.

²⁹ Бжезинский З. *Еще один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы* / Збигнев Бжезинский; [пер. с англ. Ю. В. Фирсов]. Москва: Международные отношения, 2007. 237 с.

³⁰ Тренин Д. В. *Россия и мир в XXI веке*. М.: Эксмо, 2015. 384 с.; Тренин Д. В. *Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия*. М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с.; Тренин Д. В. *Многополярный мир: от идеологии к проектированию* // Российский совет по международным делам. 29.04.2026. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnyy-mir-ot-ideologii-k-proektirovaniyu/> (дата обращения: 06.09.2026).

³¹ Лукин А. В. *Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015-2024)* / ред.-сост. О. С. Пугачева; Институт Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2024. 958 с. ISBN 978-5-8381-0476-2. URL: https://mgimo.ru/library/new_books/january-february-2025/ (дата обращения: 06.09.2026).

³² Бордачев, Т. *Евразийская интеграция: есть ли повод для беспокойства?* [Электронный ресурс] / Т. Бордачев // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-bespokoystvo/> (дата обращения: 01.05.2026).

Шаклеиной Т.А.³³, Мантусова В. Б.³⁴, Давыдова В. М.³⁵, Яковлева П. П.³⁶ В этих исследованиях показано, что современная трансформация мирового порядка связана не только с ослаблением прежней модели западного доминирования, но и с усилением политической субъектности России, Китая, Индии, государств Африки и Латинской Америки. Д. В. Тренин анализирует изменение места России в международной системе в условиях обострения противоречий с Западом и перехода к более самостоятельной внешнеполитической линии. А. В. Лукин раскрывает значение китайского фактора и российско-китайского взаимодействия для формирования новой конфигурации сил в Евразии и в мировой политике в целом. В работах Т. В. Бордачева особое внимание уделяется становлению незападных центров влияния и поиску новых форм международного взаимодействия, не сводимых к прежним иерархическим моделям.

Т. А. Шаклеина рассматривает трансформацию мирового порядка через призму отношений России и США, проблемы лидерства, стратегической конкуренции и изменения роли великих держав. В. Б. Мантусов обращает внимание на экономическое измерение международных процессов, включая интеграционные связи и влияние мирохозяйственных факторов на политическое устройство современного мира. Исследования В. М. Давыдова и П. П. Яковлева важны для понимания возрастающей роли Латинской Америки и других регионов незападного мира, которые все активнее участвуют в формировании

³³ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: научное издание. Издательство «Аспект Пресс», 2017. 336 с.; Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. №4. С. 5-19.; Шаклеина Т. А. Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 4 (861). С. 45-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-protsessy-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-v-seredine-2020-h-godov> (дата обращения: 06.09.2026).

³⁴ Мантусов, В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. М.: Юнити-Дана, 2011. 64 с.; Гладков А. Р., Липатова Н. Г., Мантусов В. Б. Перспективы регионального торгового соглашения на базе Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Российской таможенной академии. 2025. № 4. С. 176-188.

³⁵ Давыдов В.М., Кодзоев М.А.М. Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 1. С. 39-52.

³⁶ Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47–58.; Яковлев П. П. Восхождение стран Глобального Юга и геоэкономические параметры нового миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 6-28.

международной повестки и стремятся к большей самостоятельности в глобальном управлении.

В последние годы проблематика мирового порядка все более активно разрабатывается не только в западной, но и в незападной академической среде. Особое значение для настоящего исследования имеют работы исследователей из Индии, Китая, Турции, стран Африки и Латинской Америки, в которых трансформация международной системы осмысливается через категории постзападного порядка. Это работы таких исследователей, как А. Ачарья, К. Субраманьям, Ш. Саран и Ш. Менон, Б.С. Чимни, К. Баджпай и С. Маллаварапу, С. Джайшанкар и Ч. Раджа Мохан из Индии³⁷; Цинь Яцин, Янь Сюэтун, Чжао Тиньян из Китая³⁸; А. Мазруи, Ф. Фанон, А. Сезер, А. Мбембе, Ф. Денг из стран Африки³⁹; Р. Пребиш, Ф. Энрике Кардозу, Э. Фалетто, Т. Дус Сантус, Х.К. Пуйга, Э. Хагуарибе, Р. Рассел, Х.Г. Токатлян, Х.А. Санахуха, Р. Бернал-Меза, А. Сербин,

³⁷ Acharya, A. *The End of the American World*. Cambridge: Polity, 2nd edition, 2018; K. Subrahmanyam. *NAM or Never: Proactive Agenda for a Polycentric World* // *The Times of India*. 1998. 26 Aug. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/> (дата обращения: 17.05.2026); Saran S. *How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century*. New Delhi: Juggernaut Books, 2017.; Menon S. *Choices: Inside the Making of India's Foreign Policy*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016; Chimni B.S. *International Law and World Order: A Critique of Contemporary Approaches*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Bajpai K., Mallavarapu S., eds. *India, the West, and International Order*. New Delhi: Orient BlackSwan, 2019; Jaishankar S. *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: HarperCollins India, 2020; Mohan C. Raja. *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*. Noida: HarperCollins India, 2015.

³⁸ Qin Yaqing. *A Relational Theory of World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.; Yan Xuotong. *Leadership and the Rise of Great Powers*. Princeton: Princeton University Press, 2019; Tingyang Z. *Tianxia tixi: Shijie zhidu zhexue Daolun* [Tianxia system: An introduction to the philosophy of world institutions]. – Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe, 2005. –P. 54–67

³⁹ Mazrui A. A. *The Africans: A Triple Heritage*. London: BBC Publications, 1986. 336 p.; Mazrui A. A. *Afrabia: Africa and the Arabs in the New World Order* // *Ufahamu*. 1992. Vol. 20, no. 3. P. 51–62. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9896d35t> (дата обращения: 17.05.2026); Fanon F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1963. 255 p; Césaire A. *Discourse on Colonialism*. New York: Monthly Review Press, 2000. 102 p.; Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001. 274 p. Deng F. M., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Zartman I. W. *Sovereignty as Responsibility: Conflict Management in Africa*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996. 265 p.

Л.Э. Родригес Эрнандес из стран Латинской Америки⁴⁰; А. Давутоглу, И. Калын, П. Бильгин, М. Ешилташ, Б. Араса из Турции⁴¹.

Анализ российской внешней политики и ее роли в формировании нового мирового порядка представлен в работах: Зоной Т. В.⁴², Суслова Д. В.⁴³, Барабанова О. Н.⁴⁴, Лукьянова Ф. А.⁴⁵ В этих исследованиях российская внешняя политика рассматривается в контексте кризиса постбиполярной модели международных отношений, обострения противоречий между Россией и западными государствами, а также поиска новых форм международного

⁴⁰ Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. New York: United Nations, 1950. 59 p.; Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. 227 p.; Dos Santos T. The Structure of Dependence // The American Economic Review. 1970. Vol. 60, № 2. P. 231–236; Frank A. G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil. New York: Monthly Review Press, 1967. 343 p.; Puig J. C. Doctrinas internacionales y autonomía latinoamericana. Caracas: Instituto de Altos Estudios de América Latina, Universidad Simón Bolívar, 1980. 302 p.; Jaguaribe H. Autonomy for the Peripheral Countries // International Social Science Journal. 1979. Vol. 31, № 3. P. 513–531; Russell R., Tokatlian J. G. From Antagonistic Autonomy to Relational Autonomy: A Theoretical Reflection from the Southern Cone // Latin American Politics and Society. 2003. Vol. 45, № 1. P. 1–24.; Sanahuja J. A. Hegemonía, crisis de globalización y Relaciones Internacionales. Concepciones clásicas y teorización crítica // El sistema internacional del siglo XXI. Dinámicas, actores y relaciones internacionales / ed. P. González. Valencia: Tirant lo Blanch, 2020. P. 19–51; Xing L., Bernal-Meza R. China-US Rivalry: A New Cold War or Capitalism's Intra-Core Competition? // Revista Brasileira de Política Internacional. 2021. Vol. 64, № 1. Article e010; Serbin A. Eurasia y América Latina en un mundo multipolar. Barcelona: Icaria Editorial; CRIES, 2019. P. 27–29; Rodríguez Hernández L. E. Dossier «El conflicto en Ucrania y las disrupciones del orden mundial» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cipi.cu/dossier-el-conflicto-en-ucrania-y-las-disrupciones-del-orden-mundial/> (дата обращения: 04.05.2026).

⁴¹ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.; Davutoğlu A. Alternative Paradigms: The Impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory. Lanham: University Press of America, 1994. 215 p.; Grigoriadis I. N. The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy. Athens: Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, 2010. 14 p.; Kalın İ. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2012. Vol. 67, № 1. P. 7–21; Kalın İ. Islam and the West. İstanbul: İSAM Publications, 2007. 207 p.; Bilgin P. Thinking Past “Western” IR? // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29, № 1. P. 5–23; Yeşiltaş M. Turkey's Quest for a “New International Order”: The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration // Perceptions. 2014. Vol. 19, № 4. P. 43–76; Aras B. The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2009. Vol. 11, № 3. P. 127–142.

⁴² Зонова Т.В. Публичная дипломатия в европейском интеграционном процессе // Публичная дипломатия зарубежных стран. Учебное пособие. Под ред. А.Н. Панова и О.В. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 126–148.

⁴³ Суслов Д.В., Караганов С.А. Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России // Россия: стратегия для нового мира: Сб. докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 41–94.; Бордачев Т. В., Суслов Д. В. Авангард Мирового большинства: новая идентичность БРИКС при неизменном базисе // Российское председательство в БРИКС - 2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. М., 2024. С. 78–91. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/https-brics-russia2024-ru-news-opublikovan-spetsialnyy-vypusk-zhurnala-mezhdunarodnaya-zhizn-posvyashchennuyu-predsedatelstvu-rossiy> (дата обращения: 06.09.2026).

⁴⁴ Барабанов О.Н. Глобальный бунт и глобальный порядок: революционная ситуация в мире и что с ней делать [Электронный ресурс] / О.Н.Барабанов, Т.В.Бордачев, Ф.А.Лукьянов, Д.В.Суслов, А.А.Сушенцов, И.Н.Тимофеев // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. — 22 февраля. — URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649> (дата обращения: 01.08.2025); Барабанов О. Н., Беспалов А., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок : ежегодный доклад клуба «Валдай». М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/doktor-khaos-ili-kak-perestat-boyatsya> (дата обращения: 06.09.2026).

⁴⁵ Lukyanov F. Prefabricated World Order and Its Decline in Twenty-First Century, in: Russia in a Changing World. / Ed. by G. E. Diesen, A. Lukin. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. Ch. 2. P. 23–38.

взаимодействия. Т. В. Зонова обращает внимание на дипломатические и публично-коммуникационные механизмы продвижения внешнеполитических интересов. В работах Д. В. Суслова и О. Н. Барабанова российская политика анализируется через призму изменения глобального баланса сил, ослабления прежних институтов международного регулирования и усиления запроса на более справедливую систему мировой политики. Ф. А. Лукьянов рассматривает современный мировой порядок как нестабильную и переходную конструкцию, в которой Россия стремится не только адаптироваться к новым условиям, но и участвовать в выработке альтернативных принципов международного взаимодействия.

Формирование стратегических векторов российской дипломатии в условиях перехода к многополярности исследуется в трудах Торкунова А. В.⁴⁶, Кортунова С. В.⁴⁷, Никонова В. А.⁴⁸ Эти авторы рассматривают российскую дипломатию как один из ключевых инструментов адаптации государства к изменяющейся международной среде. В их работах подчеркивается значение долгосрочного внешнеполитического планирования, укрепления позиций России в отношениях с ведущими мировыми центрами, а также развития евразийского, азиатского и глобального южного направлений. Особое внимание уделяется тому, что в условиях многополярности дипломатия выполняет не только функцию представительства и переговоров, но задачу формирования устойчивых политических связей, институциональных форм сотрудничества и международных коалиций, способных поддерживать более сбалансированную мировую архитектуру.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы демонстрирует значительный интерес исследователей к проблемам трансформации мирового

⁴⁶ Торкунов А.В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность. М.: Международная жизнь, 2013. 88 с.; Торкунов А. В., Стрельцов Д. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5-16.; Кортунов А. В. Долгосрочные сценарии развития международной системы: «зимняя стужа» и «весенняя оттепель» // Полис. Политические исследования. 2026. № 1. С. 72-89.

⁴⁷ Кортунов С.В. Политика и дипломатия. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77-93.; Кортунов С. В. Войдет ли Россия в пятерку мировых лидеров? // Вестник аналитики. 2010. № 1. С. 5-17.

⁴⁸ Никонов В.А. Ресурсы и приоритеты внешней политики РФ/ Современные МО и мировая политика // Отв. ред. А.В. Торкунов. М. 2004. С.712-743.;

порядка и роли России в этом процессе. Однако комплексное изучение приоритетных направлений российской внешней политики в условиях формирования новой международной архитектуры требует дальнейшей разработки, что определяет научную новизну данного исследования.

Объектом исследования является современная система международных отношений в условиях трансформации мирового порядка.

Предметом исследования являются приоритеты, инструменты и направления внешнеполитической деятельности Российской Федерации, направленные на участие в формировании нового мирового порядка.

Целью диссертационного исследования является научное обоснование места и роли внешнеполитической деятельности Российской Федерации в формировании нового мирового порядка через авторскую концептуализацию ее приоритетов, инструментов, структурных ограничений и перспектив развития в условиях трансформации современной системы международных отношений.

На достижение поставленной в диссертационном исследовании цели направлено решение ряда **задач**:

1. Провести комплексный анализ концептуальных подходов к пониманию природы и структуры мирового порядка, систематизировав ключевые теоретические парадигмы его изучения.
2. Обосновать критерии типологизации подходов ключевых мировых акторов к формированию нового мирового порядка с учетом различий в их представлениях о принципах, институтах и механизмах международного взаимодействия.
3. Раскрыть специфику российского концептуально-доктринального подхода к формированию нового мирового порядка на основе стратегических внешнеполитических документов Российской Федерации.
4. Разработать классификацию инструментов внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка, показав их

связь с российскими стратегическими приоритетами и изменением международной среды.

5. Разработать прогнозные сценарии развития международной системы и выявить наиболее вероятные траектории усиления роли России в формировании нового мирового порядка.

6. Выявить основные приоритеты, определить перспективы, сформулировать и обосновать рекомендации для повышения эффективности внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что Россия способна выступить в качестве одного из полюсов формирующегося мирового порядка при условии последовательного укрепления и системной реализации совокупного геополитического статуса государства, включающего экономико-технологический, военно-стратегический, демографический, пространственно-географический и цивилизационно-культурный потенциалы, что, в свою очередь, позволит России перейти от реактивного реагирования на внешние вызовы к проактивной стратегии нормативного и институционального конструирования международной архитектуры, а также обеспечит ей роль системообразующего центра силы при формировании нового мирового порядка. Данная гипотеза может считаться подтвержденной, если рост геополитического статуса России совпадает с признанием ее полюсной роли другими акторами международных отношений через включение инициатив России в новые договоры о гарантиях международной безопасности, институционализацию альтернативных механизмов в рамках БРИКС, принятие инициированных Россией резолюций ГА ООН, а также консолидацию вокруг России государств Глобального Юга как свидетельство формирования самостоятельного полюса.

Научная новизна исследования:

1. В диссертации впервые применительно к исследованию внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка предложена авторская трактовка мирового порядка как полиструктурной

динамической системы. Под такой системой понимается не только соотношение сил между государствами, но и совокупность международных институтов, норм, правил и ценностных представлений, через которые акторы обосновывают свое видение справедливого мироустройства. Ее функциональная целостность обеспечивается комплексным взаимодействием политико - правовой архитектуры, включающей нормы, принципы и институты, а также динамичного поля неформализованных практик, детерминирующих поведение акторов на международной арене.

В отличие от подходов, в которых мировой порядок рассматривается преимущественно через баланс сил, институциональное устройство или международно-правовые нормы, в диссертации обосновано, что современная трансформация мирового порядка связана с одновременным изменением всех этих измерений. Меняется распределение влияния между центрами силы, усиливается кризис прежних институтов глобального регулирования, а также возрастает конкуренция различных представлений о легитимных принципах международного взаимодействия. На этой основе уточнены критерии различения моделей мирового порядка. Показано, что они определяются не только количеством центров силы, но и характером распределения влияния, источниками легитимности международных правил, ролью формальных и неформальных институтов, а также способностью государств и объединений закреплять собственное представление о справедливом и устойчивом мироустройстве. Такая трактовка позволяет рассматривать формирование нового мирового порядка не просто как переход от однополярности к многополярности, а как более сложный процесс распределения влияния между центрами силы, изменения норм, принципов и институтов.

2. В диссертации предложена авторская интерпретация трансформации мирового порядка как процесса одновременного ослабления прежней институциональной модели международных отношений и формирования новых центров силы, обладающих собственными представлениями о принципах глобального управления. Автором проведен типологический сравнительный анализ стратегий и концепций национальной безопасности России, США, Китая,

Индии, ЕС, а также Африканского союза, стран Латинской Америки и Турции как различных носителей проектов мирового порядка. Выявлена не декларируемая, а фактическая дифференциация подходов к формированию мирового порядка – от американского «порядка, основанного на правилах» и китайского «сообщества единой судьбы человечества» до индийской модели «крайне неравномерной многополярности» и турецкого позиционирования себя как независимого полюса. Обосновано, что в современных условиях ведущие мировые акторы переходят от преимущественно институциональных механизмов поддержания международного порядка к более гибкому сочетанию экономических, технологических, военно-политических, информационных и коалиционных инструментов влияния.

Научная новизна данного положения состоит в том, что изменение мирового порядка рассматривается не только как следствие объективного перераспределения сил между государствами, но и как результат целенаправленной внешнеполитической деятельности акторов, стремящихся изменить прежние правила, ограничить действие невыгодных им институтов и закрепить собственное видение будущей международной архитектуры. Такой подход позволяет рассматривать современную трансформацию международной системы как не как строительство нового мирового порядка, а как управляемое разрушение прежнего с одновременным формированием альтернативных центров силы.

3. Обосновано, что внешнеполитическая деятельность России по формированию нового мирового порядка развивается в условиях не отдельных внешних вызовов, а целостной системы структурных ограничений международной среды. К числу таких ограничений относятся сохранение западноцентричных механизмов глобального управления, санкционно-технологическое давление, неравномерность распределения институционального влияния, а также конкуренция различных представлений о легитимных принципах мирового устройства. Такой подход позволяет раскрыть внешнеполитическую деятельность России как процесс преодоления ограничений прежнего порядка и одновременного участия в создании альтернативных форматов международного взаимодействия. Автором определены перспективы развития внешнеполитической деятельности

России, связанные с последовательным преодолением выявленных структурных барьеров посредством адаптации стратегий, направленных на укрепление технологической независимости, демографической устойчивости государства, формированием новой системы безопасности, наращиванием нормативной и институциональной инициативы на международной арене.

4. Автором обоснована двухвекторная модель внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка, включающая, с одной стороны, ограничение западнцентричных механизмов международного доминирования, а с другой, развитие альтернативных форматов сотрудничества с незападными центрами силы. Показано, что данные направления не существуют изолированно, а образуют взаимосвязанную стратегию: критика односторонних санкций, силового давления и “порядка, основанного на правилах” сопровождается поэтапной институционализацией БРИКС (разработка Устава, создание координирующих органов, внедрение альтернативной платежной системы «БРИКС Клик»); формированием альтернативной нормативной базы под эгидой ООН (поэтапное ограничение неправомерных односторонних принудительных мер через акты мягкого права, критерии их правовой оценки и последующую кодификацию отдельных запретов, международное регулирование искусственного интеллекта); развитием евразийской интеграции (единый цифровой рынок ЕАЭС, модернизация ОДКБ, транспортные коридоры «Север–Юг»), укреплением двусторонних стратегических партнерств и отношений с государствами Мирового большинства. Научная новизна предложенного подхода заключается в сочетании двух векторов - укрепления собственных институциональных форматов и одновременного формирования альтернативной нормативной базы, что позволяет России перейти от реактивной внешнеполитической стратегии к проактивному участию в формировании нового мирового порядка.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении сложившихся в политической науке представлений о том, как трансформируется мировой порядок, как меняется внешнеполитическая деятельность государств в условиях глобальной нестабильности и какую роль в этих процессах играет Россия.

Работа опирается на междисциплинарный синтез теории международных отношений, геополитики, геоэкономики, мир-системного анализа и цивилизационного подхода. Автором сформулировано определение мирового порядка как полиструктурной динамической системы, целостность которой обеспечивается взаимодействием формализованной политико-правовой архитектуры и неформализованных практик, определяющих поведение акторов на международной арене. Такое понимание позволяет рассматривать текущие изменения не просто как перераспределение сил, а как качественную трансформацию самих механизмов согласования норм, принципов и институтов.

В диссертации расширены теоретические рамки анализа внешней политики в условиях нарушения сложившегося баланса сил и усиления глобальной конкуренции. Проведен типологический сравнительный анализ стратегий и концепций национальной безопасности ведущих мировых держав, включая Россию, США, Китай, Индию, Европейский союз, Африканский союз, страны Латинской Америки и Турцию. Выявлены реальные расхождения в подходах этих акторов к формированию мирового порядка. Установлена закономерность, при которой все ведущие державы постепенно отходят от сугубо институциональных механизмов и переходят к прямым экономическим, технологическим и военно-политическим инструментам. Это позволило по-новому интерпретировать их внешнеполитическую деятельность не как созидание нового мирового порядка, а как контролируемый демонтаж прежней системы при параллельном создании альтернативных центров силы.

В работе систематизированы существующие модели мирового порядка (однополярный, униполярный, бесполярный, биполярный, многополярный, полицентричный, многосторонний мир и мир, основанный на правилах). Предложена структура нового миропорядка как системы взаимодействия норм, принципов и институтов, что создает инструментарий для анализа переходных состояний международной системы. В противовес линейным трактовкам трансформации обоснован ее нелинейный и конфликтный характер, что имеет значение для прогностических разработок в теории международных отношений.

Применительно к России выделены основные проблемы, затрудняющие ее внешнеполитическую деятельность по формированию мирового порядка. К ним отнесены терминологическая неопределенность стратегических документов, необходимость укрепления геополитического статуса государства и выстраивание системной работы по активному участию России в создании новой архитектуры. В отличие от исследований, ориентированных на адаптацию России к существующим международным институтам, в диссертации предложена модель проактивной внешнеполитической стратегии. Она включает два взаимосвязанных направления: укрепление собственных институциональных форматов, таких как поэтапная институционализация БРИКС и развитие евразийской интеграции, а также формирование альтернативной нормативной базы, в том числе через поэтапное ограничение неправомерных односторонних принудительных мер посредством актов мягкого права и международное регулирование искусственного интеллекта. Такой подход развивает теоретические представления о возможностях незападных государств влиять на нормативную и институциональную архитектуру мирового порядка.

Таким образом, теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата за счет авторского определения мирового порядка, выявлении новых закономерностей во внешнеполитической деятельности ведущих держав, систематизации существующих моделей трансформации и обосновании модели внешнеполитической стратегии России.

Практическая значимость исследования заключается в его прикладной направленности, позволяющей использовать полученные выводы и рекомендации для совершенствования внешнеполитической стратегии России, а также для выработки эффективных механизмов взаимодействия с ключевыми международными акторами в условиях формирования нового мирового порядка. Результаты проведенного исследования раскрывают особенности внешнеполитической деятельности государств по формированию мирового порядка и отражают ее значимость в рамках обеспечения государственной безопасности. Материалы исследования могут быть использованы для составления

аналитических записок по внешнеполитической тематике, а также в системе органов государственной власти субъектов Федерации, отвечающих за развитие международных связей.

Теоретической основой диссертации выступили ключевые концепции современной политической науки и теории международных отношений, а также признанные в академической среде труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу процессов трансформации мирового порядка. Среди них можно назвать таких ученых, как Дж. Икенберри⁴⁹, Г. Киссинджер⁵⁰, Ф. Закария⁵¹, Баталов Э. Я.⁵², Богатуров А.Д.⁵³, Цыганков П.А.⁵⁴

Причины и ход трансформации мирового порядка анализируется в диссертации на основе ряда теорий. Процесс смены мировых порядков может отчасти объясняться на основе теории технологических укладов С. Глазьева⁵⁵, теории длинных волн Кондратьева⁵⁶, теории мир–системного анализа И. Валлерстайна⁵⁷, цивилизационной теории Н. Данилевского⁵⁸, О. Шпенглера⁵⁹, А. Тойнби⁶⁰, Н.Н. Моисеева⁶¹, С. Хантингтона⁶², Ф. Фукуямы⁶³, теории гегемонии Р.

⁴⁹ Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 22.

⁵⁰ Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Penguin Books, 2015. P. 9.

⁵¹ Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Европа, 2009. С. 55.

⁵² Баталов Э.Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера / Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 41–45.

⁵³ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. 352 с.

⁵⁴ Цыганков А. П., Цыганков П.А. Снова русский урок? Не в силе правда: реализм и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. 2022. Том 20. № 1(113). С. 51–58.

⁵⁵ Глазьев С. Современная теория длинных волн в развитии экономики // ЭНСР. 2012. №2 (57). С. 27—42; Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. 512 с.

⁵⁶ Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград: Учитель, 2012. С. 58–109.

⁵⁷ Валлерстайн И. Миров-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. Выпуск 1. С. 105–123.

⁵⁸ Данилевский Н. Россия и Европа. М.: АСТ, 2007. 697 с.

⁵⁹ Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993. 493 с.

⁶⁰ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. - М.: АСТ: Астрель; Владимир, 2011. 817 с.

⁶¹ Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 3–30; Моисеев Н.Н. Экологический кризис и цивилизационные конфликты // Проблемы глобальной безопасности. 1995. № 2. С. 52–69.

⁶² Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. pp.74.

⁶³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Мысль, 2009. С.43

Кеохейна⁶⁴, геоэкономической теории Э. Люттвака⁶⁵, теории «мягкой силы» Дж. Ная⁶⁶.

Фундаментальные положения, раскрывающие генезис и эволюцию нового мирового порядка, включая его институциональное становление на ранних этапах формирования, нашли концептуальное отражение в трудах А. Н. Михайленко⁶⁷.

Методология и методы исследования. Методологическая основа диссертации определяется сложным характером исследуемой проблемы. Формирование нового мирового порядка нельзя объяснить только через изменение баланса сил, кризис международных институтов или только через борьбу идей и ценностей. Эти процессы развиваются одновременно и взаимно влияют друг на друга. В связи с этим в исследовании используется сочетание нескольких теоретических подходов, каждый из которых применяется для раскрытия определенного измерения внешнеполитической деятельности России.

Политический реализм применяется для анализа силового и структурного измерений формирования нового мирового порядка, баланса сил, логики гегемонистского соперничества, стратегий национальной безопасности ведущих держав, а также для объяснения причин конфронтации России с коллективным Западом.

Либерализм используется для исследования институциональной архитектуры нового мирового порядка, роли международных организаций, а также эффективности многосторонней дипломатии и санкционных механизмов.

Конструктивизм привлекается для анализа идеологической и нормативной составляющих в эволюции российской внешнеполитической идентичности, дискурсивной борьбы концепций мирового порядка, а также роли культурно-цивилизационных факторов в международных отношениях.

⁶⁴ Keohane R.O. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press.

⁶⁵ Luttwak E.N. From geopolitics to geo-economics. *Logic of conflict, grammar of commerce*. 1990. *The National Interest*. 20. P. 17–24.

⁶⁶ Nye J. S. Soft power // *Foreign policy*. 1990. №. 80. С. 153-171.

⁶⁷ Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. № 8 (134). С. 143–158; Михайленко А.Н., Алиев У.С. Тенденции развития нового мирового порядка // *Известия Юго-Западного государственного университета Серия: История и право Научный журнал*. 2019. Том 9. № 5. С. 134-144.

Сочетание этих парадигм в одном исследовании методологически оправдано комплексным характером самого объекта трансформации мирового порядка, который невозможно объяснить, оставаясь в рамках одной теоретической традиции. Интеграция осуществляется на уровне постановки исследовательских задач и интерпретации эмпирических данных, что позволяет обеспечить многомерность анализа. Методологические противоречия между политическим реализмом, либеральным подходом и конструктивизмом в рамках настоящего исследования преодолеваются за счет их функционального разграничения. Данные подходы не используются как взаимоисключающие объяснительные схемы и не сводятся к единой универсальной теории. Каждый из них применяется для анализа определенного измерения внешнеполитической деятельности России в условиях формирования нового мирового порядка.

Единая исследовательская логика диссертации строится следующим образом. Сначала рассматривается, какие изменения происходят в структуре международной системы, включая изменение баланса сил, усиление конкуренции между ведущими державами, возникающие ограничения и возможности для России в условиях кризиса однополярной модели. На этом уровне используется политический реализм. Затем анализируется, через какие институты, нормы, международные организации и многосторонние форматы государства пытаются закрепить, изменить или оспорить существующие правила международного взаимодействия. Здесь применяется либеральный подход. Наконец, рассматривается, как внешнеполитическая деятельность России обосновывается на уровне идей, ценностей и политических смыслов через категории суверенитета, справедливости, многополярности, государства-цивилизации и мирового большинства. Этот уровень раскрывается с помощью конструктивистского подхода.

Такое построение исследования позволяет избежать методологической неопределенности. Реализм помогает объяснить, в какой международной среде действует Россия, либерализм показывает, через какие правила и институты разворачивается внешнеполитическое взаимодействие, а конструктивизм

раскрывает, какими представлениями о справедливом мироустройстве и собственной роли в мире Россия сопровождает свою внешнеполитическую деятельность.

Именно такая последовательность позволяет рассматривать внешнеполитическую деятельность России не только как реакцию на изменение международной обстановки, но и как осознанное участие в формировании новых принципов, институтов и смысловых оснований мирового порядка.

В качестве дополнительных теоретических рамок в исследовании используются мир-системный анализ и цивилизационный подход. Мир-системный анализ И. Валлерстайна применяется для анализа циклических ритмов гегемонии и цивилизационный подход, которые выполняют функцию макроисторического контекста, задавая долгосрочную перспективу изменениям, фиксируемым реализмом, либерализмом и конструктивизмом. Цивилизационный подход применяется для объяснения внешнеполитического позиционирования России как «государства-цивилизации» и для анализа конфликтов на цивилизационных разломах, что дополняет структурный анализ политического реализма ценностным измерением.

Исследовательскими методами в работе выступают системный метод и метод компаративного анализа. Системный метод помог раскрыть автору подход к анализу внешнеполитической деятельности России как части более широкой системы, включающей в себя как внутренние, так и внешние факторы. Он также позволил оценить эффективность внешнеполитических действий и определить возможные направления для улучшения внешнеполитической стратегии.

Применение метода компаративного анализа в исследовании позволило провести системное сопоставление текущего состояния и результатов внешнеполитической деятельности Российской Федерации с аналогичными параметрами других ключевых акторов в условиях формирования новой архитектуры мирового порядка. Объектами сравнения выступают: модели мирового порядка (однополярный, униполярный, биполярный, многополярный, полицентричный, многосторонний мир, и мир, основанный на

правилах); концепции национальной безопасности и внешнеполитические стратегии восьми акторов (Россия, США, Китай, Индия, ЕС, Африканский союз, Латинская Америка, Турция). Критериями сравнения являются: декларируемый тип желаемого миропорядка; инструменты его достижения (военные, экономические, институциональные); отношение к принципам, нормам международного права и международным институтам.

Учитывая, что контуры нового мирового порядка только приобретают очертания, в диссертационной работе были задействованы инструменты научного прогнозирования.

Изучение нормативно-правовых документов проводилось с помощью контент-анализа, что дало возможность выявить частотность употребления ключевых концептов в текстовых источниках. Кроме того, углубленное исследование двусторонних отношений России с отдельными странами было выполнено в рамках методологии case-study (анализа конкретных ситуаций).

Процедура контент-анализа и вспомогательного ивент-анализа раскрыта в Приложении 1: указаны корпус источников, единицы анализа и счета, кодировочная книга, правила включения и исключения контекстов, матрица «документ - категория», нормализованная частотность и временные срезы. Такой порядок позволяет воспроизвести логику подсчета и отделить количественную фиксацию категорий от последующей политологической интерпретации.

Эмпирическая база исследования включает:

1. Официальные внешнеполитические документы Российской Федерации: концепции внешней политики, стратегии национальной безопасности, программные документы РФ по вопросам внешней политики.
2. Данные о внешнеполитических действиях России в последние годы, включая ее участие в международных организациях, политические и экономические отношения с другими государствами, проводимые дипломатические мероприятия, военные операции и другие меры, направленные на достижение национальных интересов и укрепление положения России на мировой арене.

3. Официальные внешнеполитические документы США, ЕС, Китая, Индии, Турции, стран Африки и Латинской Америки.
4. Данные резолюций и решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.
5. Аналитические материалы, отчеты экспертов и международных организаций, а также статистические данные об экономических, политических и социальных показателях в различных регионах мира.
6. Материалы средств массовой информации и обширного сегмента интернет-ресурсов. Литература, использованная в ходе диссертационной работы, была получена из авторитетных баз данных (Электронная библиотека РГБ, Springer, SCOPUS, Web of Science и Sustainalytics).

Положения, выносимые на защиту:

1. Аргументировано, что мировой порядок представляет собой полиструктурную динамическую систему, основанную на международно-правовых нормативных правилах и действиях государств, а также формальных и неформальных международных институтов. Данная система требует трансформации в условиях кардинального изменения геополитической ситуации и баланса сил в мире. Структура существующих моделей мирового порядка включает: однополярный, униполярный, бесполярный, биполярный, многополярный, полицентричный, многосторонний мир, и мир, основанный на правилах.

2. Выявлено, что, помимо классических теорий, объясняющих смену мирового порядка через призму силового противостояния, существуют и другие концепции, которые рассматривают этот процесс через призму экономических циклов, технологических сдвигов и социокультурных изменений. Интеграция альтернативных концептуальных моделей в анализ эволюции мирового порядка отражает потребность в новых объяснительных схемах. Классические теории, сосредоточенные на силовой конкуренции как главном механизме изменений,

утрачивают аналитическую ценность перед лицом усложняющейся архитектуры глобального управления.

3. Обосновано, что трансформация современного мирового порядка развивается как одновременное ослабление прежней институциональной модели международных отношений и формирование новых центров силы, предлагающих собственные проекты глобального управления. Подходы России, США, Китая, Индии, Турции, Европейского союза, Африканского союза и государств Латинской Америки различаются не только на уровне официальных деклараций, но и по набору используемых инструментов влияния. Ведущие акторы все чаще переходят от преимущественно институциональных механизмов поддержания порядка к сочетанию экономических, технологических, военно-политических, информационных и коалиционных инструментов, что позволяет рассматривать современный этап не только как строительство нового порядка, но и как управляемое разрушение элементов прежнего.

4. Представлена новая структура мирового порядка, которая будет основана на определенных общепринятых международно-правовых реально действующих нормах, которые определяют правила поведения на мировой арене, принципах, которые должны стать фундаментальной основой международных отношений, и институтах, которые служат для регулирования международных отношений, обеспечения баланса сил и разрешения конфликтов. Формирование новой структуры мирового порядка, таким образом, представляет собой нелинейный процесс институционального становления, где формальные международно-правовые нормы, принципы и институты не просто декларируются, но эволюционируют под воздействием глубинных трансформационных сил, выявленных в ходе исследования: технологических укладов, цивилизационной динамики, геоэкономических стратегий, структурной логики мир-системного анализа, задающей долгосрочные ритмы через циклы гегемонии и кондратьевские волны, в рамках которых происходит накопление и кризис глобального лидерства, динамики гегемонистской конкуренции, ресурсов мягкой силы.

5. Выявлено, что внешнеполитическая деятельность России по формированию нового мирового порядка имеет двухвекторный характер. Первый вектор связан с ограничением западнцентричных механизмов международного доминирования, включая критику односторонних санкций, силового давления и практики подмены международного права «порядком, основанным на правилах». Второй вектор направлен на развитие альтернативных форматов сотрудничества и нормативно-институциональных механизмов: поэтапную институционализацию БРИКС, укрепление ШОС, ЕАЭС и ОДКБ, развитие транспортных и цифровых евразийских проектов, формирование альтернативных платежных механизмов, продвижение международного регулирования новых сфер, включая искусственный интеллект, а также укрепление связей с государствами Мирового большинства. Сочетание этих направлений позволяет России переходить от преимущественно реактивной внешнеполитической стратегии к более проактивному участию в формировании полицентричного мирового порядка.

6. Проведен мониторинг результатов внешнеполитической деятельности России и сформирована комплексная оценка возможности трансформации декларируемых приоритетов в конкретные институциональные, нормативные результаты и нормы международного взаимодействия, укрепляющие позиции России как одного из суверенных полюсов в новом мировом порядке. Исследование выявило дифференцированную эффективность российской политики. Наибольший прогресс достигнут в институциональном измерении. Однако трансформация нормативных приоритетов и норм международного взаимодействия встречает максимальное сопротивление Запада и имеет ограниченные успехи. Комплексная оценка подтверждает укрепление России как реального полюса силы, но темпы и глубина формирования нового мирового порядка остаются зависящими от преодоления системного противодействия и дальнейшей консолидации альтернативных центров влияния.

7. Обосновано, что современная геополитическая трансформация выдвигает два ключевых сценария переустройства международной системы, каждый из которых определяет специфику действий России на мировой арене.

Оценка прогнозных сценариев формирования мирового порядка с точки зрения полярности выявляет два ключевых сценария — движение к биполярному или многополярному миру. Прогностическая оценка полярности будущего мироустройства, сколь бы неопределенными ни представлялись его текущие контуры, является императивной для определения стратегических векторов Российской Федерации. Ключевая задача российской внешней политики заключается не в пассивном приспособлении к этим сценариям, а в активном продвижении и защите фундаментальных принципов, составляющих основу ее международного позиционирования, независимо от конкретной конфигурации центров силы. Важно отметить, что переходный период может характеризоваться элементами структурной бесполярности, сопровождающейся усилением хаотичности и конкуренции. Однако даже в этих условиях Российская Федерация будет последовательно реализовывать подход, направленный на выполнение принципиальных требований, изложенных в Концепции внешней политики Российской Федерации.

Степень достоверности результатов и выводов диссертационного исследования подтверждается корректностью исходных методологических принципов, достаточной теоретической и эмпирической базой исследования, аргументированностью авторских суждений, умозаключений и выводов, апробацией материалов исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Основные результаты и содержание исследования отражены в 6 (шести) печатных публикациях автора, в том числе 4 (четырёх) научных статьях в ведущих рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК. Общий объем публикаций, подготовленных лично автором, составил 2,4 п. л., включая:

1. Бажанова Е.С. Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 6 (180). – С. 137-142.

2. Бажанова Е.С. Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 7 (181). – С. 30-39.

3. Бажанова Е.С. Современное состояние, успехи и проблемы во внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – № 2 (188). – С. 112-117.

4. Бажанова Е.С. Приоритетные направления внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка / Е. С. Бажанова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – № 7 (72) – С. 1763-1770.

5. Бажанова Е.С. Состояние и перспективы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка// Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2025» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. – Москва: МАКС Пресс, 2025.

6. Бажанова Е.С. Состояние и перспективы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка / Е. С. Бажанова // Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего: Сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 20–24 мая 2024 года. – Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2025. – С. 677-683.

Результаты исследования были представлены в докладах на всероссийских и международных конференциях:

1. Международный круглый стол «Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка», Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, 20 апреля 2023 года.

2. IX Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения», Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, 22 ноября 2023 года.

3. Всероссийский молодежный научный форум «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», Институт государственной службы и управления РАНХиГС, 14 мая 2024 года.

4. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 15 апреля 2025 года.

Структура работы. Логика исследования обусловила структуру работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1. Теоретические основы исследования внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка

1.1. Теоретико-методологические и концептуально-доктринальные основы исследования нового мирового порядка

Современный этап международных отношений характеризуется глубокой трансформацией мирового порядка, что обусловлено динамичными изменениями в политической, экономической и военной сферах. На фоне усиления роли развивающихся государств происходит перераспределение влияния, что ставит под сомнение устойчивость сложившейся после холодной войны однополярной системы.

Эмпирические данные подтверждают структурные сдвиги в глобальном балансе: на долю развивающихся стран сегодня приходится почти половина мирового ВВП, по сравнению с 25 процентами в 2000 году⁶⁸.

Взаимозависимость развивающихся стран претерпела значительную трансформацию, а доля их экспортных операций, ориентированных на государства с аналогичным уровнем экономического развития, достигла 40%, что вдвое превышает значения 2000 года. Параллельно наблюдается усиление роли этих экономик в глобальном распределении финансовых ресурсов. Они превратились в ключевых участников международных потоков капитала, выступая донорами развития, источниками трансграничных трансфертов и финансовой помощи для менее развитых государств. Статистический анализ свидетельствует, что в 2019–2023 гг. на развивающиеся страны приходилось 40% мирового объема денежных переводов, демонстрируя рост на 10 процентных пунктов по сравнению с аналогичным периодом начала 2000-х годов. Данная динамика подчеркивает их растущее влияние на перераспределение финансовых ресурсов в глобальном

⁶⁸ World Bank Flagship Report. Global Economic Prospects [Электронный ресурс]. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/f983c12d-d43c-4e41-997e-252ec6b87dbd/content> (дата обращения: 01.08.2025)

масштабе. Эти процессы свидетельствуют не только об экономической конвергенции, но и о возрастающем стремлении новых центров силы к пересмотру правил функционирования международной системы.

Теоретическое осмысление данных изменений требует обращения к концепциям мирового порядка, разработанным в рамках политической науки.

Идея глобального мирового порядка начала формироваться в XVII веке в Европе, когда закладывались основы Вестфальской системы международных отношений. Вестфальский мир стал соглашением по итогам 30-летней общеевропейской войны 1618–1648 г.г., начавшейся с военного конфликта в Германии, в основе которого лежала религиозная борьба и идея национального суверенитета.

Эта форма международных отношений распространяла свое действие на ограниченное территориальное пространство и не могла рассматриваться в качестве единой глобальной системы. Вместе с тем Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве «каркаса» межгосударственного и международного порядка, продвигаемая европейцами в качестве универсальной концепции⁶⁹. Уже позже Европа отошла от вестфальских принципов в пользу концепции объединенного суверенитета.

Конец XVIII века связан с влиянием Великой Французской революции на состояние и развитие международных отношений. Революция с ее идеями о крушении монархического правления и принципах легитимности во взаимоотношениях государств привела к развитию новой, Венской системы международных отношений. Венская система посленаполеоновской эпохи отразила сложившееся соотношение сил между государствами, был закончен 25-летний период непрерывных европейских войн, и более, чем на 40 лет в Европе наступил мир.

Версальско-Вашингтонская система сложилась по итогам окончания Первой мировой войны и фиксировала соотношение сил в мире и в Европе. Одним им

⁶⁹ Киссинджер Г. Мировой порядок. Москва: Издательство АСТ, 2024. С. 544.

ключевых событий этого этапа развития международных отношений стало создание международной организации «Лига наций». В основу устава «Лиги наций» был положен совместный англо-американский проект. Вместе с дальнейшими Сен-Жерменским, Трианонским, Нейинским договорами и итогами Вашингтонской конференции 1921–1922 г.г. была создана Версальско–Вашингтонская система международных отношений.

В результате Версальского договора углубились противоречия между странами–победителями: Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, Италией и другими странами. Новый баланс сил, сложившийся по итогам победы стран Антанты с изоляцией России и усилением США, предполагал перерастание новой системы в Версальско–Вашингтонский мировой порядок.

Ялтинско-Потсдамская система, сложившаяся по итогам Второй мировой войны 1939–1945 г. г., пришла на смену Версальско–Вашингтонской уже через 20 лет. В Ялте был установлен срок учреждения ООН, призванной обеспечить сотрудничество народов и государств, способствовать поддержанию мира во всем мире. Структура организации предполагала учреждение Совета безопасности с особым «правом вето» для постоянных членов – СССР, США, Великобритании, Китая и Франции. Основной целью создания новой системы международных отношений СССР видел в полной ликвидации фашизма и нацизма, установлении безопасных границ для своей страны с дружественными, демократическими государствами.

На Потсдамской конференции были приняты решения по устойчивому послевоенному европейскому устройству, однако в мирное время эта система показала свою несостоятельность, когда союзники из США и Англии, ожидавшие вступления СССР в войну с Японией, шли на временные уступки, в дальнейшем превратившись в открытых геополитических противников. Наступала эпоха «холодной войны» между двумя геополитическими противниками, США и СССР, завершившаяся распадом СССР в 1991 году.

В ходе исторического анализа эволюции международных отношений становится очевидным, что трансформация глобальных политических систем

неизменно происходила через военные конфликты в европейском регионе. Ключевая проблема, требующая научного осмысления, заключается в возможности формирования новой системы международных отношений без масштабного военного противостояния. Это позволяет предположить, что текущая перестройка мироустройства также будет сопряжена с острыми противоречиями, обусловленными необходимостью согласования интересов ведущих мировых держав.

Изучение различных трактовок мирового порядка в российской и зарубежной научной литературе демонстрирует отсутствие общепринятого определения этого феномена. Разные исследователи раскрывают природу мирового порядка через призму отдельных критериев или их совокупности, выделяя те или иные аспекты данного явления.

Например, Д. Икенберри акцентирует внимание на динамическом характере мирового порядка, который проходит стадии становления, упадка и обновления, считая этот цикл центральной проблемой международных отношений. По его мнению, подобная динамика влечет за собой перестройку всей архитектуры миропорядка, что неизбежно сопровождается кризисными явлениями трансформационного характера. Он также считает ключевым признаком международного порядка наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты руководствуются в отношениях между собой⁷⁰.

По мнению Т. Франка мировой порядок основывается на законности, понимаемой как совокупность норм, созданных через общепринятые юридические процедуры⁷¹.

Г. Киссинджер считает, что мировой порядок и мирное сосуществование цивилизаций возможны только при условии баланса сил. Система международных

⁷⁰ Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 22

⁷¹ Franck T.M. The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford University Press, 1990. P.101.

отношений, по его мнению, работает только при полном равновесии и легитимности в глазах ее основателей⁷².

Л. Миллер отмечает, что мировой порядок представляет совокупную систему правил и норм поведения главных политических акторов⁷³.

В российской теории международных отношений определение мирового порядка было дано российским ученым Э. Баталовым: «Это структура системы коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса, направленных на обеспечение функционирования и развития мировой политической системы в соответствии с доминирующими в мире (на данном этапе исторического развития) целями и ценностями»⁷⁴. В данном случае нормы, принципы и институты понимаются как «формы проявления мирового порядка», которые позволяют поддерживать его существование.

Таким образом, мы можем выделить **первую категорию** исследователей, которые считают, что мировой порядок – это система норм, правил и принципов, определяющих поведение акторов на международной арене.

Еще одна группа исследователей, в которую входят Д. Икенберри, А. Ворд, Д. Рагги, М. Барнетт и М. Финнемор, Р. Кеохейн считают, что международные организации играют ключевую роль в формировании мирового порядка. Так, М. Барнетт и М. Финнемор отмечают, что «международные организации являются «архитекторами» современного мирового порядка, определяющими, что считается законным поведением государства»⁷⁵.

Р. Кеохейн, последователь концепции гегемонии, утверждает, что даже в условиях отсутствия гегемона международные институты продолжают поддерживать порядок, поскольку снижают транзакционные издержки сотрудничества⁷⁶.

⁷² Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Penguin Books, 2015. P. 9.

⁷³ Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics/ Boulder: Westview Press, 1998. P. 11

⁷⁴ Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25.

⁷⁵ Finnemore M. Rules for the World: International Organizations in Global Politics. Cornell University Press. 12.10.2004.

⁷⁶ Кеохейн, Р. Гегемония и после нее // Принстонский университет. 2012. Т. 10. № 6.

Д. Рагги отмечает, что «международные организации и многосторонние институты – это не просто инструменты государств; они формируют саму ткань глобального управления, создавая ожидания и нормы, которые государства не могут игнорировать»⁷⁷.

Таким образом, мы выделяем **вторую категорию** исследователей, которые считают, что международные организации играют ключевую роль в формировании мирового порядка, выступая в роли своего рода «архитекторов» глобального управления. Они не только устанавливают нормы и правила взаимодействия между государствами, но и определяют легитимные рамки их поведения на мировой арене. Через систему договоров, резолюций и институциональных механизмов эти структуры формируют общепризнанные стандарты, влияя на внешнюю и внутреннюю политику стран. Таким образом, они способствуют поддержанию стабильности, разрешению конфликтов и продвижению сотрудничества в условиях формирования мирового порядка.

Еще один подход, нуждающийся в теоретической проработке, это теория мирового порядка как продукта деятельности транснациональных сетей, объединяющих суды, регуляторные органы, международные организации и неправительственные структуры. Эти сети формируют глобальное управление через перекрестные связи, обмен прецедентами и гармонизацию норм. В **третью категорию** исследователей данного подхода можно отнести Энн–Мари Слотер, которая считает, что новый мировой порядок – это не иерархия с государствами наверху, а сеть транснациональных сетей, которые коллективно осуществляют глобальное управление⁷⁸. По мнению А. И. Подберезкина, «В период глобализации ТНК фактически вышли из национальной юрисдикции. Однако через лоббизм они продолжают взаимодействовать с государствами, а государства через различные юридические, политические, экономические и кадровые механизмы продолжают

⁷⁷ Ruggie J.G. What makes the world hang together? Neo-utilitarianism and the social constructivist challenge //International organization. Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. Vol. 52, N 4. P. 855–885.

⁷⁸ Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004. C.166.

влиять на ТНК. Это и создает очень сложную структуру коалиционных взаимодействий в данной области»⁷⁹.

Кроме того, часть исследователей представляет мировой порядок как систему международных отношений. Так, Ю. П. Давыдов считает, что мировой порядок – это «состояние системы международных отношений», но «соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие, и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества»⁸⁰.

Таким образом, можно выделить **четвертую категорию** исследователей, считающих, что мировой порядок не что иное, как система международных отношений.

Вместе с тем большинство классических концепций мирового порядка были сформированы преимущественно в рамках западной политической мысли и отражали специфику евроатлантического понимания международной системы. Современный этап трансформации международных отношений сопровождается постепенным усилением незападных школ международных отношений, представители которых предлагают альтернативные модели мирового порядка. В условиях усиления роли государств Глобального Юга анализ незападных подходов приобретает особую теоретико-методологическую значимость.

Современная китайская концепция мирового порядка основывается на идее «сообщества единой судьбы человечества», активно продвигаемой руководством КНР и получившей развитие в трудах Цинь Яцина⁸¹, Янь Сюэтуна⁸², Чжао Тиньяна⁸³.

⁷⁹ Стратегическое прогнозирование международных отношений / Под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО–Университет, 2016. С. 476

⁸⁰ Давыдов Ю.П. Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 287 с.

⁸¹ Qin Yaqing. A Relational Theory of World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

⁸² Yan Xuetong. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019

⁸³ Tingyang Z. Tianxia tixi: Shijie zhidu zhexue Daolun [Tianxia system: An introduction to the philosophy of world institutions]. – Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe, 2005. –P. 54–67

Согласно концепции Цинь Яцина, международные отношения представляют собой прежде всего систему социальных связей и взаимозависимостей, а устойчивость мирового порядка определяется качеством отношений между государствами, а не исключительно балансом сил⁸⁴. Янь Сюэту и его концепция «морального реализма» связывает стабильность международной системы с моральной легитимностью великих держав и их способностью формировать нормы, брать международную ответственность и выполнять лидерские функции на международной арене. Сила, согласно его подходу, включает не только материальные, но и нравственные компоненты, а лидерство требует признания со стороны других акторов.⁸⁵

Чжао Тинъян развивает концепцию Тянься «Все под небесами», или «Поднебесной», предлагая рассматривать мировой порядок не как совокупность конкурирующих суверенных государств, а как целостную систему, в которой локальные интересы должны быть подчинены интересам мира как единого целого.⁸⁶

Значительное влияние на современную внешнеполитическую стратегию Китая оказывают также концепции «Глобальной инициативы развития», «Глобальной инициативы безопасности» и «Глобальной цивилизационной инициативы», в которых отражается стремление КНР к формированию более справедливого и полицентричного мирового порядка.⁸⁷

Современная индийская концепция мирового порядка основывается на идеях стратегической автономии, многополярности, неприсоединения, суверенного равенства и повышения роли Глобального Юга. В нерувианской традиции мировой порядок рассматривался через принципы мирного сосуществования,

⁸⁴ Yaqing Q. Culture and global thought: Chinese international theory in the making // Revista CIDOB d'afers internacionals. – 2013b. – № 100. – P. 23–37.

⁸⁵ Xuotong Y. Yichao duoqiang Zouxian ZhongMei chaoji duojihua shihui [Движение от «одной сверх (державы) и многих сильных (государств) к «двум сверхдержавам – США-КНР и многоформатной державе». – 2012. – URL: http://www.guancha.cn/multiple-pattern-super-country/2012_01_13_64309.shtml (Дата посещения: 10.05.26.)

⁸⁶ Zhao Tingyang. All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order. Oakland: University of California Press, 2021.

⁸⁷ Concept Paper on the Global Governance Initiative [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2025. 1 September. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202509/t20250901_11699912.html (дата обращения: 17.05.2026).

невмешательства и самостоятельного выбора внешнеполитического курса как способ сохранения субъектности Индии в условиях блокового противостояния. Эта линия получила развитие в работах К. Субраманьяма⁸⁸, Ш. Сарана⁸⁹ и Ш. Менона⁹⁰, связывавших устойчивость международной системы с возможностью государств сохранять свободу внешнеполитического маневра и выстраивать гибкие партнерства без жесткой зависимости от одного центра силы.

Постколониальное измерение индийского подхода раскрывается в работах Б.С. Чимни, где международное право и мировой порядок анализируются через призму асимметрий между центром и периферией и необходимости преодоления западнцентричного характера глобальных институтов⁹¹. К. Баджпай и С. Маллаварупу рассматривают индийскую международную мысль как часть более широкой дискуссии о постзападном международном порядке, в котором незападные государства должны выступать не объектами регулирования, а самостоятельными участниками выработки норм и правил⁹². В современной официальной и экспертной интерпретации, представленной в работах и выступлениях С. Джайшанкара⁹³ и Ч. Раджа Мохана⁹⁴, формирование нового мирового порядка связывается с переходом к многополярности, реформированием международных институтов, усилением роли Индии как самостоятельного центра силы, а также развитием таких форматов, как БРИКС, ШОС, G20 и индийская концепция Индо-Тихоокеанского региона⁹⁵.

Африканская постколониальная традиция рассматривает новый мировой порядок не только как изменение баланса сил между великими державами, но прежде всего как преодоление исторически сложившейся системы зависимости,

⁸⁸ Субраманьям К. NAM or Never: Proactive Agenda for a Polycentric World // The Times of India. 1998. 26 Aug. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/> (дата обращения: 17.05.2026).

⁸⁹ Saran S. How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century. New Delhi: Juggernaut Books, 2017.

⁹⁰ Menon S. Choices: Inside the Making of India's Foreign Policy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016.

⁹¹ Chimni B.S. International Law and World Order: A Critique of Contemporary Approaches. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

⁹² Bajpai K., Mallavarapu S., eds. India, the West, and International Order. New Delhi: Orient BlackSwan, 2019.

⁹³ Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. New Delhi: HarperCollins India, 2020.

⁹⁴ Mohan C. Raja. Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence. Noida: HarperCollins India, 2015.

⁹⁵ Куприянов А.В. (2020) Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 47–65.

колониального наследия и неравного представительства стран Африки в глобальном управлении. В этом смысле НМП в африканском подходе можно определить как более справедливую и инклюзивную систему международных отношений, в которой государства Африки выступают не объектами внешнего регулирования, а самостоятельными субъектами выработки норм, институтов и правил мировой политики.

Одним из ключевых представителей африканской школы международных отношений является А. Мазруи, который рассматривает мировой порядок как структуру, в которой формальный суверенитет африканских стран ограничивается экономической, политической и культурной зависимостью от внешних центров силы. В концепции «Тройного наследия»⁹⁶ А. Мазруи делает акцент на том, что современная африканская идентичность сформировалась под влиянием традиционных африканских верований, ислама и западной цивилизации, а в концепции «афрабии» выступает за культурно-политическую интеграцию Африки и арабов в рамках нового мирового порядка.⁹⁷

Постколониальное измерение африканского подхода раскрывается также в трудах Ф. Фанона⁹⁸, А. Сезера⁹⁹ и А. Мбембе¹⁰⁰. В этой логике мировой порядок понимается как система, сформированная под воздействием колониализма, расовой и цивилизационной иерархии, а потому требующая не частичной модернизации, а глубокой деколонизации политических, экономических и интеллектуальных оснований глобального управления. Для африканской постколониальной мысли справедливый мировой порядок невозможен без пересмотра асимметричных отношений между центром и периферией, признания исторической ответственности колониальных держав и восстановления субъектности африканских обществ.

⁹⁶ Mazrui A. A. *The Africans: A Triple Heritage*. London: BBC Publications, 1986. 336 p.; Mazrui A. A. *Afrabia: Africa and the Arabs in the New World Order* // *Ufahamu*. 1992. Vol. 20, no. 3. P. 51–62. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9896d35t> (дата обращения: 17.05.2026).

⁹⁷ Mazrui A. A. *Afrabia: Africa and the Arabs in the New World Order* // *Ufahamu: A Journal of African Studies*. 1992. Vol. 20, № 3. P. 51–62. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9896d35t> (дата обращения: 17.05.2026).

⁹⁸ Fanon F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1963. 255 p.

⁹⁹ Césaire A. *Discourse on Colonialism*. New York: Monthly Review Press, 2000. 102 p.

¹⁰⁰ Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001. 274 p.

Особое место в африканском осмыслении мирового порядка занимает концепция «суверенитета как ответственности», разработанная Ф. Денгом¹⁰¹. В рамках данного подхода суверенитет трактуется не только как защита от внешнего вмешательства, но и как обязанность государства обеспечивать безопасность и благополучие населения. Тем самым африканская школа дополняет классическое вестфальское понимание мирового порядка, где устойчивость международной системы связывается не только с неприкосновенностью границ, но и с ответственностью государств и международного сообщества за предотвращение конфликтов, гуманитарных кризисов и разрушения государственности.

В латиноамериканской теории международных отношений проблема мирового порядка традиционно рассматривается не столько через баланс сил или институциональное лидерство великих держав, сколько через категорию структурной асимметрии между центром и периферией мировой системы. Данный подход восходит к структуралистской школе и теории зависимости, представленной в работах Р. Пребиша, Ф. Энрикеса Кардозу, Э. Фалетто, Т. Дус Сантуса, А. Г. Франка¹⁰². В рамках этой традиции мировой порядок определяется как исторически сложившаяся иерархичная система, в которой развитие центра и зависимое положение периферии выступают взаимосвязанными процессами. Соответственно, новый мировой порядок не может быть сведен только к изменению числа центров силы или переходу от однополярности к многополярности, его содержательным критерием становится преодоление устойчивых форм международной зависимости, расширение доступа развивающихся государств к ресурсам, технологиям и механизмам выработки глобальных правил.

¹⁰¹ Deng F. M., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Zartman I. W. *Sovereignty as Responsibility: Conflict Management in Africa*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996. 265 p.

¹⁰² Prebisch R. *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. New York: United Nations, 1950. 59 p.; Cardoso F. H., Faletto E. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. 227 p.; Dos Santos T. *The Structure of Dependence* // *The American Economic Review*. 1970. Vol. 60, № 2. P. 231–236; Frank A. G. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil*. New York: Monthly Review Press, 1967. 343 p.

Второе значимое направление связано с латиноамериканской школой автономии, развивавшейся в трудах Х. К. Пуйга, Э. Хагуарибе, Р. Расселла, Х. Г. Токатляна¹⁰³. В отличие от теории зависимости, акцент здесь переносится с фиксации структурного неравенства на поиск возможностей самостоятельного внешнеполитического действия государств периферии и полупериферии. В этой логике мировой порядок понимается как совокупность ограничений и возможностей, в рамках которых государства стремятся расширить пространство собственной субъектности. Следовательно, новый мировой порядок трактуется как более открытая и полицентричная система, в которой страны Глобального Юга не только адаптируются к нормам, выработанным ведущими державами, но и участвуют в их формировании.

Современные латиноамериканские исследователи Х. А. Санахуха, Р. Бернал-Меза, А. Сербин, Л. Э. Родригес Эрнандес развивают эту линию применительно к кризису глобализации, ослаблению западной гегемонии и трансформации институтов глобального управления¹⁰⁴. В данном контексте мировой порядок определяется как постгегемонистская и более инклюзивная система международных отношений, предполагающая не только перераспределение материальной мощи, но и изменение характера представительства незападных государств в международных институтах. Таким образом, латиноамериканский вклад заключается в том, что определение нового мирового порядка понимается не просто как многополярность, а как преодоление иерархичности прежней системы, расширение автономии государств Глобального Юга и демократизация глобального управления.

¹⁰³ Puig J. C. *Doctrinas internacionales y autonomía latinoamericana*. Caracas: Instituto de Altos Estudios de América Latina, Universidad Simón Bolívar, 1980. 302 p.; Jaguaribe H. *Autonomy for the Peripheral Countries* // *International Social Science Journal*. 1979. Vol. 31, № 3. P. 513–531; Russell R., Tokatlian J. G. *From Antagonistic Autonomy to Relational Autonomy: A Theoretical Reflection from the Southern Cone* // *Latin American Politics and Society*. 2003. Vol. 45, № 1. P. 1–24.

¹⁰⁴ Sanahuja J. A. *Hegemonía, crisis de globalización y Relaciones Internacionales. Concepciones clásicas y teorización crítica* // *El sistema internacional del siglo XXI. Dinámicas, actores y relaciones internacionales* / ed. P. González. Valencia: Tirant lo Blanch, 2020. P. 19–51; Xing L., Bernal-Meza R. *China-US Rivalry: A New Cold War or Capitalism's Intra-Core Competition?* // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2021. Vol. 64, № 1. Article e010; Serbin A. *Eurasia y América Latina en un mundo multipolar*. Barcelona: Icaria Editorial; CRIES, 2019. P. 27–29; Rodríguez Hernández L. E. *Dossier «El conflicto en Ucrania y las disrupciones del orden mundial»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cipi.cu/dossier-el-conflicto-en-ucrania-y-las-disrupciones-del-orden-mundial/> (дата обращения: 04.05.2026).

В турецкой исследовательской традиции проблема нового мирового порядка рассматривается через призму историко-цивилизационной субъектности, стратегической автономии и преодоления западоцентричной структуры международных отношений. Одним из наиболее известных представителей данного подхода является А. Давутоглу, разработавший концепцию «стратегической глубины». В ее рамках Турция определяется не как периферийное государство западной системы, а как «центральная страна», обладающая особым историческим, географическим и цивилизационным положением на пересечении Балкан, Ближнего Востока, Кавказа, Центральной Азии и Средиземноморья¹⁰⁵. Соответственно, мировой порядок в данной логике понимается не как статичная система доминирования ограниченного числа великих держав, а как динамичная структура, в которой государства с множественной региональной и цивилизационной идентичностью способны выступать самостоятельными центрами влияния. Новый мировой порядок, исходя из этой концепции, должен быть более полицентричным, культурно плюралистичным и открытым для акторов, не сводимых к западной модели политического развития.

Второе направление связано с цивилизационным подходом, представленным в работах И. Калына и ряда современных турецких исследователей. В рамках этого подхода кризис прежнего мирового порядка объясняется не только изменением баланса сил, но и исчерпанием универсалистских претензий западной модерности. И. Калын рассматривает современную внешнеполитическую идентичность Турции через сочетание исторической памяти, географического положения и ценностного измерения политики.¹⁰⁶ Отсюда новый мировой порядок определяется как система, в которой разные цивилизационные традиции должны быть не объектами включения в западные нормы, а самостоятельными источниками политических смыслов, моделей развития и принципов международного взаимодействия. В

¹⁰⁵ Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.; Davutoğlu A. *Alternative Paradigms: The Impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory*. Lanham: University Press of America, 1994. 215 p.; Grigoriadis I. N. *The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy*. Athens: Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, 2010. 14 p.

¹⁰⁶ Kalın İ. *Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms* // *International Journal*. 2012. Vol. 67, № 1. P. 7–21; Kalın İ. *Islam and the West*. İstanbul: İSAM Publications, 2007. 207 p.

отличие от классического реализма, данный подход уделяет важное значение культурно-исторической легитимности международного порядка.

Третье направление представлено современными турецкими критическими исследованиями, в которых НМП осмысливается как постзападный и постгегемонистский порядок. В работах П. Бильгин, М. Ешилташа, Б. Араса и других авторов подчеркивается необходимость преодоления методологической зависимости теории международных отношений от западного опыта¹⁰⁷. Для этой группы исследований характерен тезис о том, что новый мировой порядок не может быть понят только через смену глобального лидера или перераспределение ресурсов между великими державами. Его сущность заключается в расширении пространства для незападных интерпретаций безопасности, суверенитета, и развития. Таким образом, турецкий вклад в определение НМП состоит в том, что новый мировой порядок трактуется как полицентричная и цивилизационно плюралистичная система, в которой незападные государства получают возможность не только адаптироваться к существующим правилам, но и участвовать в формировании новых нормативных и институциональных оснований международных отношений.

Таким образом, незападные школы международных отношений предлагают альтернативное понимание мирового порядка, основанное на принципах цивилизационного многообразия, многополярности, стратегической автономии и суверенного равенства государств. В отличие от западных концепций, ориентированных преимущественно на универалистские модели глобального управления, незападные подходы акцентируют внимание на полицентричности мировой системы и необходимости учета культурно-цивилизационной специфики различных регионов мира. Это свидетельствует о постепенном переходе международных отношений к постзападной модели мирового порядка, характеризующейся конкуренцией различных концепций мироустройства.

¹⁰⁷ Bilgin P. Thinking Past “Western” IR? // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29, № 1. P. 5–23; Yeşiltaş M. Turkey’s Quest for a “New International Order”: The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration // Perceptions. 2014. Vol. 19, № 4. P. 43–76; Aras B. The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2009. Vol. 11, № 3. P. 127–142.

Помимо классических теорий, объясняющих смену мирового порядка через призму силового противостояния, существуют и другие концепции, которые рассматривают этот процесс через призму экономических циклов, технологических сдвигов и социокультурных изменений.

Теория технологических укладов. Современная политэкономическая мысль все чаще обращается к концепции технологических циклов для объяснения глубинных изменений в системе международных отношений. Эти циклы, характеризующиеся периодической сменой доминирующих производственных парадигм, выступают ключевым драйвером перераспределения глобального влияния между государствами. Как отмечает С. Глазьев, существуют объективные причины периодически возникающих мировых войн за доминирование в формировании системы мирохозяйственных связей¹⁰⁸. В основе этой концепции лежит теория смены технологических укладов, предложенная автором в статье «Теоретические и прикладные аспекты управления НТП»¹⁰⁹. Согласно данной теории в мире пройдены 5 технологических укладов, в настоящий момент наступает Шестой техноуклад (таблица 1.)

Таблица 1. Исторические примеры смены технологических укладов и трансформации мирового порядка

Уклад	Период	Ключевые технологии	Политические последствия
1-й	1780–1820	Первая промышленная революция характеризуется ростом производительных сил на базе крупной машинной индустрии, а также утверждением капитализма в качестве господствующей мировой системы хозяйства (технологии:	Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия. Последствия: Британская гегемония

¹⁰⁸ Глазьев Сергей. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. -М: Книжный мир, 2019. С. 512.

¹⁰⁹ Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы: журнал. М., 1986. № 5. С. 793.

Уклад	Период	Ключевые технологии	Политические последствия
		паровой двигатель, текстиль, машиностроение, металлургия).	
2-й	1830–1855	«Эпоха угля и пара» (технологии: Железные дороги, угледобыча, паровое судоходство)	Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США Последствия: Рост Германии и США
3-й	1880–1945	«Эпоха стали» (Вторая промышленная революция). Ключевые технологии на основе неорганической химии: черная металлургия, железные дороги, кораблестроение, производство взрывчатых веществ.	Страны-лидеры: Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды Последствия: Упадок Британии, две мировые войны
4-й	1930–1990	«Эпоха нефти» Ключевые технологии: автомобилестроение, самолетостроение, нефтехимия. Объединенные энергосистемы. Атомная энергетика. Электронная промышленность. Космические спутники.	Страны-лидеры: США, Западная Европа, СССР. Последствия: Холодная война, биполярность
5-й	1970–2010	Эпоха компьютеров и телекоммуникаций (Научно-техническая революция). Ключевые технологии: микроэлектроника, информатика, биотехнологии, генная инженерия, новые виды энергии, материалов.	Страны–лидеры: США, КНР, Индия, Япония, Южная Корея Последствия: Глобализация, доминирование США
6-й	2010–2040	Ключевые технологии: нанотехнологии, клеточные	Страны–лидеры: Лидеры США, КНР,

Уклад	Период	Ключевые технологии	Политические последствия
		технологии, искусственный интеллект	Индия, Япония, Южная Корея Последствия: Глобализация, доминирование США
7-й	2060...	Эпоха когнитивных технологий.	Прогнозы: Столкновение США и КНР, цифровой суверенитет.

Источник: составлено автором

В контексте становления нового мирового порядка концептуализация долгосрочного технико-экономического прогресса через призму эволюции технологических укладов приобретает ключевое значение для системного анализа развития международных отношений. Данная методологическая парадигма, опирающаяся на ретроспективный анализ структурных трансформаций, предоставляет аналитический инструментарий для количественной оценки динамики экономических систем. Эмпирические исследования, основанные на сравнительно-историческом анализе эволюции глобальных и национальных экономик, позволили верифицировать гипотезу о пяти последовательно сменявшихся друг друга технологических режимах и спрогнозировать появление двух новых укладов. Согласно полученным данным, современная фаза характеризуется доминированием информационно-цифрового уклада¹¹⁰.

Принципиальным вызовом является идентификация структурных элементов формирующегося технологического порядка, который, по прогнозам, приобретет доминирующие позиции в период 2040-2060 гг. Его институциональная архитектура, сочетающая конвергентные технологии (NBIC-комплекс),

¹¹⁰ Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л. Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в Российской экономике// Экономика науки. 2024. Т. 10. № 2. С. 11.

распределенные энергетические системы и экосистемы искусственного интеллекта, детерминирует новые векторы экономического роста¹¹¹. Прогнозируемая трансформация производственных цепочек и механизмов стоимостного создания предполагает кардинальную реконфигурацию существующих моделей глобальной конкуренции, что актуализирует вопросы стратегического планирования в условиях переформатирования международных экономических институтов.

России в рамках 6-го технологического уклада стоит сфокусироваться на продвижении принципов технологического суверенитета и разработать действенные системно взаимосвязанные рекомендации по трансформации управления научно-технологическим развитием России. Для разработки таких взаимосвязанных рекомендаций следует опираться на концептуальный Указ Президента России от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».¹¹²

В настоящий момент внутри стран, за исключением КНР, нет единой системы производства и цепочки поставок. Согласно прогнозам С. Глазьева, выходом для дальнейшего ускорения вычислений является создание квантовых компьютеров, фотонных и графеновых транзисторов¹¹³, которые представляют собой технологии 6-го ТУ.

Автором выявлено отставание России в развитии технологий 6-го технологического уклада от ведущих стран мира: США, Китая, Германии, Японии, Великобритании, Франции, Южной Кореи и Индии¹¹⁴. Анализ эмпирических данных демонстрирует, что российские научные и производственные структуры наращивают компетенции, необходимые для становления технологического уклада шестого поколения. Особенно интенсивное развитие отмечается в области

¹¹¹ Баксанский О.Е. Конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 88.

¹¹² Стратегия научно—технологического развития Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. ст. 1373.

¹¹³ Закон Мура – эндшпиль и удивительные продолжения [Электронный ресурс] // Habr.com. – URL: <https://habr.com/ru/articles/740958/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹¹⁴ Там же.

медицинских и сопряженных технологий, что создает предпосылки для утверждения медицины в роли структурного ядра экономики в перспективе.

В качестве приоритетных направлений развития научно–технологического лидерства России в рамках Стратегии предлагается сфокусировать внимание на следующих задачах:

1. Создание интегрированных сетей взаимодействия научных и производственных структур;
2. Оптимизация технологической инфраструктуры через классификацию центров коллективного пользования (ЦКП) и уникальных научных установок (УНУ);
3. Оценка готовности предприятий к внедрению инноваций;
4. Формирование децентрализованных сетевых структур 6-го технологического уклада;
5. Поддержка фундаментальных исследований с ориентацией на опережающее развитие;
6. Развитие данных и аналитики для управления научно–технологическим прогрессом.

Циклы Кондратьева. В основе каждого цикла технологического уклада имеется сопутствующий периодический цикл Кондратьева – периодические циклы сменяющихся подъемов и спадов современной мировой экономики продолжительностью 40–60 лет, описанные в 1920-е годы Николаем Кондратьевым¹¹⁵. Каждый цикл имеет одну и ту же динамику: подъем–кризис–депрессия, где подъем соответствует «А–фазе», сопряженной с ростом экономики, кризис и депрессия «В–фазе», где рост экономики неустойчив, кризисы становятся все более частыми, периоды подъема сменяют затяжные периоды застоя. Согласно прогнозам, мировая экономика вступила в полосу очередного подъема с 1945 года, «А–фаза» прошла с 1945 по 1967 (1973 г. г.), а с начала 70-х годов началась «В–фаза», период постепенного спада, который должен продлиться от 40 до 60 лет, до

¹¹⁵ Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М., 1928. 287 с.

2030 года в крайней точке кризиса. Характерные черты преодоления кризиса, по Кондратьеву – обострение социальной борьбы, конкуренция, внешние конфликты, а также технологическая революция.

Теория мир–системного анализа. Теория мир–системного анализа исследует эволюцию социальных систем, охватывающих все цивилизации мира. Согласно Валлерстайну, современная мир–система зародилась приблизительно в 1450–1650 г. г. Важнейшим циклическим ритмом в данном анализе считается Кондратьевский цикл, вековые тренды составляют период 150–300 лет и связаны с «циклами гегемонии» великих держав¹¹⁶.

В истории капиталистической мир–системы выделяются три державы–гегемона, превосходящие в свое время остальные страны одновременно в производственной, торговой и финансовой сферах: Голландия (1620–1672 г.г.), Великобритания (1815–1872 г.г.), США (1945–1967/1973 г.г.). Каждая из гегемонистских держав достигала своего лидерства военным путем, одновременно навязывая институциональные ограничения на степень свободы и открытости мирового рынка, заставляя его работать на собственное благо. В конечном счете, вынужденные производственные издержки приводят к снижению общей экономической эффективности страны–гегемона и ее падению. Валлерстайн считает, что кризис капиталистической системы, сопряженный с нахождением в «Б–фазе» Кондратьевского цикла (1968–1973 г. г.) приведет к стагнации, и на переход современной капиталистической мир–системы к более эгалитарным, демократическим типам исторической системы уйдет 25–50 лет, что условно выпадает на 2023 год, когда должна завершиться фаза спада.

Цивилизационная теория. Еще одной концепцией смены мировых порядков является теория цивилизаций, которая описывает динамику развития международных отношений через призму цивилизационных процессов.

¹¹⁶ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 104.

Многие исследователи, в частности, С. Хантингтон¹¹⁷, З. Бжезинский¹¹⁸, разделяют современную историю на два периода - до и после холодной войны. Крушение биполярного мира привело к гегемонии США и стало причиной глобальной перестройки международных отношений. Нарастает экономическая мощь стран Азии и ближнего Востока, ВВП Китая, Таиланда, Южной Кореи, Индонезии приближается к объему США, Канады и Мексики. Помимо этого, возрастает количество международных структур, призванных объединить эти страны и создать единый экономический блок.

Таким образом, конкурентная борьба переходит с уровня соперничества стран на межблоковое соперничество. Отказ от вступления в такой союз грозит для неприсоединившихся стран полным изолированием и отсутствием возможности экономического развития, так как сотрудничество происходит лишь на уровне союзов. Давление со стороны этих союзов происходит не только на неопределившиеся государства, но и на антагонистические блоки и ряд государств с иной культурой. Традиционный пример – это противостояние Запада и Востока, к примеру, можно заметить, что после того, как в Европе разразился экономический кризис, в ряде арабских стран вспыхнули революции, что получило название «арабской весны». Это свидетельствует о том, что Запад старается вбить клинья между народностями, проживающими на одной территории, и делает ставку именно на «национальную карту». Свободное перемещение товаров, технологий и новых идей в рамках регионально-цивилизационных образований позволяет эффективнее использовать ресурсы каждой страны на общее благо цивилизации, при этом сохраняя конкуренцию внутри цивилизации.

На сегодняшний день активно разворачивается процесс объединения стран в региональные цивилизации, а именно: западноевропейская, американская, латиноамериканская, русская, исламская, конфуцианская, индийская, японская и африканская. Помимо этого, существует ряд стран, находящихся на периферии образующихся центров будущих цивилизаций, и им предстоит определиться с

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

выбором. Стоит отметить, что современные цивилизации в процессе модернизации не должны вестернизироваться, и внедрение западных культурных образцов может привести к их разложению и потере самостоятельности. Процесс интеграции каждой отдельной страны в региональную цивилизацию достаточно сложен, так как предполагает стягивание социумов в единый цивилизационный узел по принципу общности культурно- религиозных традиций, а учитывая ориентацию стран Ближнего Востока на реисламизацию, индустриализацию Индии, провал западных идей в Азии, происходят конфликты на линиях стыка цивилизаций.

Картина современного мира – это взаимодействие разных цивилизационных моделей, сосуществующих в одном временном политическом пространстве, и избравших совершенно противоположные ценностные ориентиры.

Еще одним важным аспектом для изучения современных цивилизаций выступает «межцивилизационное пространство» - территории, не входящие в пространство той или иной цивилизации и находящиеся в стадии самоопределения цивилизационной идентичности. По определению Т.В. Карадже «межцивилизационное пространство – регионы, расположенные по периферии сформировавшихся цивилизаций и находящиеся в стадии цивилизационного самоопределения»¹¹⁹. Основные конфликты по мнению исследователей возникают между народами - представителями различных культур, находящихся в межцивилизационном пространстве.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, свидетельствующий о том, что цивилизационный подход рассматривает смену мировых порядков как естественный процесс, в котором каждая цивилизация проходит этапы становления, расцвета и упадка, уступая место новым центрам силы и культурного влияния. Этот взгляд на историю подчеркивает цикличность развития, где ни одна модель не является вечной, а динамика глобальных изменений определяется внутренними закономерностями и внешними взаимодействиями. Многообразие цивилизаций выступает ключевым условием прогресса, поскольку каждая из них

¹¹⁹ Карадже Т. В. Тенденции мирового цивилизационного процесса: дис. д-ра филос. наук: 22.00.06 / Карадже Татьяна Владимировна. М., 1998. 212 с.

вносит уникальный вклад в общемировую культуру, политику и экономику. При этом важнейшим фактором устойчивого развития становится способность к диалогу, взаимному обогащению и гибкой адаптации к меняющимся условиям. История демонстрирует, что периоды доминирования одних цивилизаций сменяются их постепенным ослаблением, тогда как другие, прежде находившиеся на периферии, выдвигаются на ведущие роли. Однако этот процесс не сводится к простой замене – он формирует сложную мозаику взаимодействий, в которой наследие прошлого продолжает влиять на новые формы организации общества.

Теория гегемонии. Еще одним важным элементом анализа теоретических основ исследования внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка является изучение теории «гегемонии».

Доминирующая сила, будь то страна – гегемон или группа стран, должна обладать достаточно сильной экономикой, технологиями, военным потенциалом. В рамках парадигмы теории гегемонистской стабильности материальная основа гегемонии складывается из совокупности объективных факторов. К ним относятся экономическое доминирование и технологическое лидерство, образующие базу ресурсного потенциала; военно-политическое могущество, обеспечивающее принудительные возможности; и, что ключевое, производство так называемых «международных общественных благ». Последние подразумевают поддержание глобальной безопасности, обеспечение механизмов мирного урегулирования споров и эмиссию ликвидности для стабильного функционирования мировой финансово-экономической системы. Как отмечает Р. Кеохейн «гегемонистские державы должны контролировать источники сырья, источники капитала, рынки и конкурентные преимущества в производстве наиболее ценных товаров»¹²⁰, что позволяет в дальнейшем претендовать на расширение сферы своего влияния.

Вместе с тем особое значение приобретает институциональное измерение гегемонии. Институционализация выступает в качестве способа стабилизации и увековечивания существующего мирового порядка, а сами институты отражают

¹²⁰ Keohane R. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press, 2005. P. 304.

преобладающие отношения власти и «стремятся сформировать коллективные образы, поддерживающие эти властные отношения».¹²¹

Таким образом, материальное доминирование государства–гегемона всегда сопровождается «мягкой властью» – идеологическим влиянием и контролем над ключевыми международными институтами. Однако, стоит отметить, что государство–гегемон не должно превратиться в государство –империю, когда роль институтов отходит на второй план, а все проблемы решаются наращиванием силового давления, экономическими санкциями и военной мощью. Многие исследователи отмечают, что такой переход связан не с усилением экономической мощи государства – гегемона, а напротив, происходит на фоне мирового экономического спада и кризиса, что мы и наблюдаем на текущий момент.

Таким образом, государство, претендующее на значимую роль в формировании мирового порядка, должно обладать следующими характеристиками: достаточно сильной экономикой, технологиями, военным потенциалом, идеологическим влиянием и контролем над ключевыми международными институтами.

Геоэкономическая теория. Термин «геоэкономика» был придуман американским стратегом Эдвардом Люттваком в 1990 году и подчеркивал экономический потенциал, как элемент завоевания власти и средство защиты национальных интересов.¹²²

Геоэкономические стратегии представляют собой использование экономических инструментов для достижения геополитических целей и усиления глобального влияния государства. В отличие от традиционной военной конфронтации, в современных геоэкономических стратегиях акцент ставится на взаимодействии геополитики и экономики с учетом инновационных решений.¹²³

¹²¹ Cox R. Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory // Global Governance. Critical Concepts in Political Science. Vol. 1 / Ed. by T. Sinclair. Vol. 1. London & New York, Routledge, 2004. P. 11–47

¹²² Шнайдер-Пецингер, М. Геоэкономика [Электронный ресурс] / М. Шнайдер-Пецингер // Форум глобальной торговой политики. 2016. Режим доступа: <https://bit.ly/3VQgAT6> (дата обращения: 01.08.2025)

¹²³ Малик, Зилл-е-Хума Мустафа. Китайский проект BRI: от геополитики к геоэкономике на примере Пакистана [Электронный ресурс] / Зилл-е-Хума Мустафа Малик // Журнал факультета политических наук (NEUSBF). 2021. 30 декабря. Режим доступа: <https://bit.ly/3VzYWTb> (дата обращения: 01.08.2025)

После окончания «холодной войны» геэкономика стала ключевым элементом международных отношений, что особенно заметно на примере Китая, который трансформирует экономический рост в политическое доминирование. Аналогично, Россия использует энергетические ресурсы как инструмент давления на ЕС, а США применяют санкции для сдерживания противников.

Эти стратегии способствуют перераспределению власти в мировой системе, когда экономически сильные государства переформируют альянсы, создают новые институты и ослабляют традиционные западные структуры. Однако санкции или торговая экспансия могут привести к ответным мерам и фрагментации мировой экономики.

Таким образом, согласно геэкономической стратегии, происходит трансформация мирового порядка, и лидирующую роль в становлении нового мирового порядка будут играть государства, которые замещают военное противостояние экономической конкуренцией, эффективно комбинируют рыночные механизмы, технологическое лидерство и контроль над критическими ресурсами.

Теория мягкой силы. Термин «мягкая сила», предложенный американским исследователем Джозефом Наем, трактуется в рамках политической науки как способность государства достигать стратегических целей посредством формирования притягательного образа, исключая инструменты принуждения или материальных стимулов¹²⁴. В отличие от «жесткой силы», акцентирующей военно-экономическое доминирование, мягкая сила опирается на нематериальные ресурсы, формирующие капитал доверия и симпатии на международной арене.

Культура, как отмечает Най, выступает первичным ресурсом мягкой силы, проявляясь в глобальном интересе к языку, искусству, традициям государства. Политические ценности приобретают значимость, если внутренние институты и идеалы страны воспринимаются как справедливые и достойные подражания. Внешняя политика, в свою очередь, усиливает позиции государства лишь при

¹²⁴ Nye J. S. Soft power //Foreign policy. 1990. №. 80. С. 153.

условии ее соответствия моральным принципам и международному праву, что повышает уровень доверия со стороны других акторов.

Институциональным выражением мягкой силы является публичная дипломатия, направленная на прямую коммуникацию с зарубежными аудиториями. К ее инструментам относят образовательные программы, продвижение национального культурного наследия, медийные проекты. Государственные структуры, ответственные за публичную дипломатию, фокусируются на предоставлении объективной информации о внутренней и внешней политике, разъяснении геополитических решений, а также развитии позитивного восприятия национальных ценностей. Мягкая сила реализуется через комплекс мер, сочетающих информационную открытость, культурный диалог и идеологическую убедительность. Их совокупность формирует устойчивый международный авторитет государства.

Данный подход подчеркивает эволюцию методов геополитического влияния, где акцент смещается от силового давления к созданию долгосрочных отношений, основанных на взаимном интересе и добровольном сотрудничестве.

Исследование теоретических основ внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка будет неполным без изучения эволюции идей полюсного подхода в рамках **однополярного, биполярного, униполярного, бесполярного, многополярного миров, а также полицентричного мира, многостороннего мира и мира, основанного на правилах**¹²⁵.

Концепция «полюсного» подхода зародилась еще со времен формирования Вестфальской системы международных отношений. Эта концепция трансформировалась из теории «многополярного» мира к «биполярному» и «однополярному» с окончанием периода Холодной войны, когда большинство представителей американской политологической школы писали о неоспоримом могуществе единственного мирового лидера в лице Соединенных Штатов Америки.

¹²⁵ Бажанова Е.С. Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 7 (181). – С. 30-39.

Однако, в XX века доминировали две основные идеи о том, что мир стал «однополярным» и мир стал «многополярным».

Согласно **«однополярной» модели**, существует только один «центр силы», способный влиять на выстраивание системы международных отношений. В данном случае опровергается теория суверенных государств, способных в самостоятельной политике, и на принятие важных политических решений оказывает влияние один мировой лидер или же группа государств, объединенных в международный союз, сообщество с общими интересами и ценностями.

Общность ценностей определяется не только экономическими стремлениями, но и общей культурной идентичностью. С позиции цивилизационного подхода государства с одним культурным кодом более склонны к объединению, чем государства разных цивилизаций. Эту теорию исследовал, например, С. Хантингтон в историко–философском трактате «Столкновение цивилизаций»¹²⁶, Дж. Тойнби «Цивилизация перед судом истории»¹²⁷, и отечественные исследователи такие, как Я. Данилевский в книге «Россия и Европа»¹²⁸.

После оглашения США мировым лидером и победителем в холодной войне эйфория стала сходить на нет, а проблемы мирового порядка и международной безопасности все чаще выходили на первый план. После событий 11 сентября 2001 года стало совершенно очевидно, что США не могут обеспечить даже свою безопасность, а исследователи обратили свой взгляд на нарастающее могущество новых политических акторов – таких, как Европейский союз.

Несмотря на очевидные недостатки такой гегемонии, многие исследователи продолжали верить в могущество США, в частности, Дж. Най с его теорией «мягкой силы» пишет о том, что ни одна страна в мире не смогла так аккуратно повлиять не только на мировую политику, но и встроиться в финансовую систему.

¹²⁶ Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. pp. 74

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

«Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами»¹²⁹.

Р. Хаасс, американский дипломат и директор по планированию политики Государственного департамента Соединенных Штатов пишет, что недалековидная и порой очень финансово затратная внешняя политика США повлекла за собой развал «американского мира» и отход от однополярной модели мира, где доминирует только одна страна¹³⁰. Будущее будет зависеть от новых акторов мировой политики из числа новых геополитических центров.

Концепция однополярного мира активно обсуждалась в зарубежных произведениях, особенно в период после распада СССР. Например, в книге «Конец истории и последний человек» Фрэнсис Фукуяма утверждается, что однополярный мир, основанный на западных ценностях и демократии, является окончательной стадией развития человечества¹³¹.

В своей книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» Збигнев Бжезинский отстаивает концепцию однополярного мира, считая ее необходимой для обеспечения мировой безопасности и предотвращения глобальных конфликтов¹³².

Однако другие авторы, например, Ноам Хомский, критикуют эту концепцию, утверждая, что она приводит к усилению американской гегемонии и нарушению прав человека в других странах¹³³. Г. Киссинджер прогнозирует необратимый сдвиг в сторону многополярной архитектуры миропорядка¹³⁴. Дж. Миршаймер полагает, что мир после «холодной войны» стал менее стабильным и прогнозируемым.¹³⁵

Среди отечественных исследователей, таких как, С. Караганов, А. Коротаев концепция однополярного мира вызывает опасения. Они считают, что концепция однополярного мира является негативной для развития мировой экономики и

¹²⁹ Nye J. S. Soft power // Foreign policy. 1990. №. 80. С. 153.

¹³⁰ Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press, 2017. P.101.

¹³¹ Там же.

¹³² Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. С.23.

¹³³ Chomsky, N. Electing the President of An Empire [Электронный ресурс] / N. Chomsky // Alternet. – URL: <http://www.alternet.org/news-amp-politics/noam-chomsky-electing-president-empire> (дата обращения: 01.08.2025).

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

может привести к ухудшению положения развивающихся стран, является негативной для России и может привести к ухудшению ее международной позиции.

Например, в выступлении на «Валдайском клубе» С. Караганов утвердил, что концепция многополярности возникла как противодействие концепции однополярного мира и является переходным этапом к новому типу международных отношений¹³⁶.

Также в работах Александра Дугина активно обсуждается концепция многополярного мира и необходимость создания нового геополитического порядка, в котором Россия должна занять центральное место¹³⁷.

Стоит отметить, что концепции **однополярного мира и униполярного мира** довольно часто упоминаются как синонимы, однако для целей данного исследования их целесообразно развести. Униполярность указывает прежде всего на концентрацию совокупной мощи у одного государства. Исторически такие периоды были очень краткими. Даже в 1990-е годы существовали факторы, ограничивающие абсолютную власть США: ядерное оружие других стран, ООН, мнение союзников, внутренние факторы. Если мы говорим о мире с одним явным лидером, превосходящим всех остальных, но не обладающим абсолютной властью во всем и всегда, то подразумеваем «однополярный» мировой порядок.

Концепция многополярного мира представляет собой идею о том, что в мировой политике и экономике существует несколько центров власти и влияния, которые взаимодействуют между собой на равных основаниях.

Одним из ключевых аспектов концепции многополярности является распределение власти между различными государствами и регионами. При этом некоторые авторы выделяют несколько основных полюсов – США, Европу, Китай,

¹³⁶ Караганов, С. Мир идет к более свободному выбору для каждой страны [Электронный ресурс] / С. Караганов // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2017/10/20/karaganov-my-perezhivayem-hudshiu-holodnuu-voynu-chem-predydushchaia.html> (дата обращения: 01.08.2025).

¹³⁷ Дугин, А. Новый многополярный порядок: гегтархия и ее смыслы [Электронный ресурс] / А. Дугин // Международные отношения. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2871> (дата обращения: 01.08.2025).

Индию, Японию и Россию – другие считают, что число таких полюсов может быть больше или меньше¹³⁸.

Одной из интерпретаций концепции многополярности является идея о том, что каждый полюс имеет свои уникальные характеристики и интересы, которые необходимо учитывать при принятии решений на мировой арене. В этом случае многополярность рассматривается как способ достижения более справедливого и эффективного мирового порядка.

Однако есть и другие подходы к концепции многополярности, которые связаны с идеей о конкуренции между различными полюсами. В этом случае акцент делается на том, что каждый полюс стремится укрепить свою позицию в мировой политике и экономике, что может привести к конфликтам и напряженности.

В качестве одного из оснований возвращения к концепции многополярности является ослабление гегемонии США и рост потенциала восходящих держав. Экономический рост Китая, альтернативный путь развития региональных институтов на базе сотрудничества России и Китая, недовольство политикой США странами Африки и Латинской Америки, все это подтолкнуло исследователей на мысли о возможной многополярной модели мира.

Таким образом, основой многополярности можно назвать усиливающийся рост экономического, военного, политического могущества новых центров силы – государств, союзов, невозможность США продолжать занимать лидирующую роль и влиять на мировую политику.

При всем этом дискуссионным остается вопрос перехода к многополярному мировому устройству. Для одних мир уже является однополярным, в то время как другие убеждены, что мир либо остается однополярным, либо развивается в сторону биполярности.

¹³⁸ Муса кызы А. Глобализация и тенденция развития современного мира, политика великих держав – центры силы в многополярном мире // Вестник СВФУ. Серия «История. Политология. Право. 2017. № 4 (08). С. 55.

Отечественные исследователи, такие как С. М. Рогов¹³⁹, К.Н. Брутенц¹⁴⁰, А. И. Уткин¹⁴¹ и др., рассматривают концепцию многополярности как необходимость перехода к более справедливому и равноправному мировому порядку. Они утверждают, что многополярность позволит развиваться не только крупным державам, но и малым государствам, что будет способствовать уменьшению глобальных проблем, таких как бедность и неравенство.¹⁴²

Концепция биполярного мира. Вместе с тем часть ученых считает, что мы возвращаемся к биполярной модели мира, только с участием новых лидеров.

Кеннет Уолц в работе «Theory of International Politics» рассматривал биполярность как одну из ключевых структур международных отношений, наряду с многополярностью и однополярностью¹⁴³. Биполярная система, по мнению автора, является более стабильной, чем многополярная благодаря своей простоте, ясности угроз и балансу сил. Теория Уолца о биполярной системе стала основой для анализа холодной войны и других периодов в истории международных отношений. Его идеи о стабильности биполярности повлияли на формирование идей о будущем мирового порядка, особенно в контексте возможного возврата к биполярности и соперничеству США и Китая.

В качестве основного противника текущего гегемона выступает Китай с его невероятной экономической мощью и торговыми отношениями с большинством стран мира. Китай стремится получить новых союзников из числа тех, кто недоволен политикой США, а это, в первую очередь, страны Латинской Америки и страны Африки, что гарантирует Китаю большую часть территории и населения планеты. В этом контексте вывод Д. А. Дегтярева об эволюции миропорядка в сторону новой биполярности следует понимать как указание на усиление

¹³⁹ Рогов М.С. Формирующийся миропорядок: опыт теоретического осмысления // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66. № 2. С. 118.

¹⁴⁰ Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. С. 15.

¹⁴¹ Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. С. 436-439.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison–Wesley, 1979. P. 129.

конкуренции между Китаем и США, а не как доказательство окончательного оформления биполярной системы.¹⁴⁴

Концепция многостороннего мира. В качестве наиболее концептуально определенной модели будущего мироустройства нередко рассматривается многосторонний порядок. Данная концепция в значительной степени опирается на теорию мультилатерализма, фундаментальные положения которой были разработаны Р. Кеохейном и Дж. Рагги. Кеохейн акцентировал роль многосторонних институтов и их взаимодействие с суверенными государствами¹⁴⁵, тогда как Дж. Рагги исследовал мультилатерализм как специфическую институциональную форму структурирования межгосударственных отношений¹⁴⁶.

Современный мультилатерализм как институциональный механизм глобального управления претерпевает существенную трансформацию, включая фрагментацию и диверсификацию институционального ландшафта, растущее влияние негосударственных акторов, усиление взаимозависимости различных политических сфер и расширение каналов участия гражданского общества в глобальной политике¹⁴⁷. Многосторонний мир позиционируется как наименее конфронтационная и наиболее инклюзивная модель глобального порядка. Однако перспективы ее реализации остаются неочевидными, что наглядно демонстрирует затянувшийся процесс реформирования Совета Безопасности ООН, где консенсус по вопросам регионального представительства и иным структурным проблемам остается недостижимым, несмотря на широкое признание их существования.

Позиции ведущих держав в отношении многосторонности существенно различаются. Китай, декларирующий лидерство в развивающемся мире, дистанцируется от концепций многополярности и полицентричности, подразумевающих пространственное распределение силы, отдавая предпочтение

¹⁴⁴ Дегтерев Д.А. Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2019. - Т. 19. - №3. - С. 404-419.

¹⁴⁵ Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. 1990. Vol. 45. P. 732.

¹⁴⁶ Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 11.

¹⁴⁷ Van Langenhove L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 // Global Policy. 2010. Vol. 1, N 3, October. P. 263–264.

термину «многосторонность», который акцентирует взаимный учет интересов, диалог и институциональное сотрудничество. Эта модель предполагает постоянное вовлечение в процесс принятия решений не только великих держав, но и широкого круга государств и международных организаций, что концептуально коррелирует с китайскими инициативами «гармоничного мира»¹⁴⁸ и «сообщества единой судьбы человечества»¹⁴⁹. В противоположность этому, США демонстрируют скептическое отношение к многосторонним форматам.¹⁵⁰

Европейский Союз также формально закрепляет приверженность многосторонности в своих стратегических документах.¹⁵¹ Однако риторика ЕС не исключает прагматичного подхода. Параллельно с поддержкой мультилатерализма, Союз развивает проект собственных вооруженных сил, а его глобальная стратегия подчеркивает уникальность европейской «мягкой силы» и амбиции построить «Сильную Европу». Это свидетельствует о стратегической гибкости ЕС, готовящегося к различным сценариям будущего – многостороннему, многополярному или полицентричному – в условиях глобальной неопределенности. Теоретическое совмещение «основанного на правилах» и «многостороннего» порядков представляется, тем не менее, концептуально проблематичным.

Наиболее последовательными сторонниками многосторонней модели предсказуемо выступают региональные державы. Ярким примером служит Мексика, чья внешняя политика балансирует между региональным лидерством в Латинской Америке и асимметричной взаимозависимостью с США. Мексиканская

¹⁴⁸ Цзя Цинлинь. Выступление в обществе британо-китайской торговли [Электронный ресурс] // Tianshannet. 2006. 26 октября. – Режим доступа: http://russian.xjts.cn/china/content/2006_10/26/content_1297787.htm (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁴⁹ Сафронова Е.И. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы» // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско—китайских отношений / отв. ред.сост. А.О. Виноградов. Москва: ИДВ РАН. 2018. С. 45—54

¹⁵⁰ Картунов А. Что такое многосторонность «по-американски»? [Электронный ресурс] / А. Картунов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-mnogostoronnost-po-amerikanski/> (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁵¹ Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс] // European External Action Service. – Режим доступа: https://cdn1-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/Tw-Z27xHuaPdCnLcn6dGHE2yWdLghq3eNaQFIGvrd8/mtime:1470408935/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_t_ext.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

доктрина международных отношений видит «истинное международное сообщество» как «мозаику народов», основанную на уважении плюрализма и сотрудничестве¹⁵². Позиция России по отношению к многосторонней модели остается нечеткой. С одной стороны, во внешнеполитических документах государства подчеркивается приверженность многополярности, поддержка полицентричного мира, с другой стороны упоминается о поддержке многосторонних формальных структур и развитии механизмов многосторонней дипломатии. В соответствии с данными работы А. Н. Михайленко «Наиболее соответствующим нашим национальным интересам сегодня представляется полицентричное мироустройство. Оно позволяет развивать лидерские позиции России на постсоветском и евразийском пространствах. Одновременно оно находится посередине между многополярностью и многосторонностью, что упрощает маневрирование между ними в случае необходимости»¹⁵³.

Таким образом, многосторонность и многополярность имеют различные значения и не являются взаимозаменяемыми понятиями. Многополярность отражает наличие разнообразия сил в международной системе, где существует несколько независимых центров принятия решений. Многосторонность, в свою очередь, описывает взаимодействие этих центров между собой. Многосторонность невозможна без многополярности, так как в однополярной или биполярной системе не хватает субъектов для такого взаимодействия. Однако, многополярность не всегда подразумевает многосторонность, так как внутри многополярной системы возможны только двусторонние отношения между отдельными центрами силы¹⁵⁴.

Следовательно, центральным для анализа становится концептуальное осмысление многополярности и ее системообразующих оснований. Гипотеза о достижимости глобальной военной гегемонии отдельным государством

¹⁵² Косевич Е. Ю. Соотношение глобального и регионального во внешней политике Мексики в начале XXI века: дис. канд. полит. наук / Косевич Елена Юрьевна. М., 2018. 190 с.

¹⁵³ Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 143.

¹⁵⁴ Бажанова Е.С. Современное состояние, успехи и проблемы во внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – № 2 (188). – С. 112-117.

оказывается несостоятельной ввиду истощения соответствующей ресурсной базы. Современный оборонный потенциал формируется преимущественно через транснациональную промышленно-технологическую кооперацию, о чем свидетельствуют интеграционные проекты в рамках ЕС и НАТО. Что касается России, то, обладая признанным статусом великой державы и монополией на ряд критических военных технологий, включая ракетно-ядерный комплекс и космические разработки, ее технологические возможности в целом ограничены, а позиции в цифровой сфере недостаточно конкурентоспособны.

Концепция полицентричного мира. Современная научная дискуссия характеризуется распространенной синонимизацией терминов «многополярность» и «полицентричность», что указывает на недостаточную теоретическую проработку понятийного аппарата, описывающего эволюцию мирового порядка. Как демонстрирует анализ литературы, модель многополюсного мира традиционно основывается на стратификации сфер влияния между доминирующими державами. Воздействие на периферию, контролируемую конкурирующим полюсом, допустимо преимущественно через механизмы кооперации с иными великими державами. Государства средней и малой мощности в данной системе вынуждены адаптировать свою стратегию, избирая политику альянса с одним из центров силы или балансирования между ними в целях максимизации национальных интересов.

США в силу приверженности однополярной модели мирового устройства не поддерживают и концепцию полицентричности. А. Этциони приводит ряд аргументов против концепции полицентричного мира, называя его мифом, и делая вывод о том, что экономическая мощь страны не равна ее силе, а у США нет серьезных соперников.¹⁵⁵

Китай дополняет концепцию полицентричности менее конфронтационной идеей «гармоничного мира». Во внешнеполитических документах и политическом дискурсе кроме «многополярности» упоминается термин «многосторонность», не

¹⁵⁵Etzioni A. The Myth of Multipolarity // The National Interest. October 5. 2012.

являющийся синонимом «полицентричности»¹⁵⁶. В соответствии с подходом Китая в решении глобальных проблем должен участвовать широкий круг субъектов мировой политики, а понятие полицентричности подразумевает отношения между крупными странами, не затрагивающие интересы средних и малых государств.

Известный индийский политолог С. Бару пишет о том, что формирование многополярного мира в азиатском регионе будет во многом зависеть от политики Китая.¹⁵⁷ В случае, если Китай будет стремиться к доминированию в мире, то крупные страны, включая Россию, объединятся в противодействие такой политике. Тогда, как можно предположить, полицентричная система будет наполнена в большей степени соперничеством, чем сотрудничеством.

Россия в Концепции внешней политики декларирует, что система международных отношений должна быть многополярной и руководствоваться принципами сохранения многообразия культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказом всех государств от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок, опорой на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир.¹⁵⁸ В соответствии с упоминаемыми характеристиками России стремится к выстраиванию полицентричной модели мирового устройства без силового доминирования отдельных государств.

Ключевое дифференцирующее основание между моделями «многополярного» и «полицентричного» мира заключается в механизмах интеграции государств вокруг полюса или центра. В рамках многополярной модели региональная держава-лидер реализует координацию преимущественно через инструменты принуждения, варьирующиеся от дипломатического давления до силового доминирования. В противоположность этому, центр силы в полицентричной системе привлекает государства за счет притягательности

¹⁵⁶ A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions [Электронный ресурс] // The State Council of the People's Republic of China. 2023. 26 сентября. – Режим доступа: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁵⁷ Baru S. India and China in a multipolar world // The Hind. May 11. 2015.

¹⁵⁸ Там же.

собственной социально-политической модели, конгруэнтности своей внешней политики национальным интересам партнеров, а также посредством глубокой экономической кооперации и интеграции. Таким образом, полицентризм предлагает более кооперативную и, в определенном смысле, демократическую форму организации пространства по сравнению с иерархической структурой многополярности.

Концепция мира, основанного на правилах. Концепция «правил-основанного мирового порядка» является центральным элементом внешнеполитического дискурса Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза. Несмотря на кажущуюся консенсусность ее использования, анализ официальных заявлений и стратегических документов выявляет существенные различия в интерпретации и приоритетах, которыми наполняют данную концепцию данные акторы.

Соединенные Штаты Америки усматривают свою стратегическую миссию в поддержании регулирующей функции в рамках международного порядка и обеспечении сохранности собственной гегемонистской позиции. Официальная Стратегия национальной безопасности декларирует: «Мы намерены взаимодействовать с любой нацией, разделяющей наши фундаментальные убеждения в том, что порядок, основанный на нормах международного права, должен сохранять статус краеугольного камня глобальной стабильности и экономического процветания»¹⁵⁹.

С целью упрочения и расширения международной кооперации в эпоху усиливающейся стратегической конкуренции, американская внешняя политика избирает двунаправленный подход. С одной стороны, Вашингтон выражает готовность к прагматичному сотрудничеству с любыми государствами, включая геополитических оппонентов, при наличии их конструктивной позиции в решении транснациональных проблем. С другой стороны, активизируется углубление

¹⁵⁹ National security strategy of the United States [Электронный ресурс] // Администрация Президента США. 2022. Октябрь. Вашингтон, округ Колумбия. – Режим доступа: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 01.08.2025)

партнерских отношений с демократическими государствами и странами-единомышленниками. Формируется сетевая архитектура альянсов и инициатив, призванная продемонстрировать эффективность демократических моделей как во внутреннем развитии, так и в глобальном масштабе. К таковым относятся: Индо-Тихоокеанский квартет (Quad: Австралия, Индия, Япония, США), Совет по торговле и технологиям США-ЕС, оборонный пакт AUKUS (Австралия, Великобритания, США), а также формат I2U2 (Индия, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты, США), ориентированный на сотрудничество в сферах технологий и инфраструктуры.

Европейский Союз позиционирует концепцию эффективной многосторонности в качестве приоритетной модели глобального управления¹⁶⁰. Данная модель предполагает активное участие всех центров силы, неукоснительно соблюдающих нормы международного права, в коллективном решении транснациональных вызовов посредством устоявшихся международных институтов и договорных режимов. Ключевым элементом такого порядка выступает универсальное следование согласованным принципам межгосударственного поведения. Более того, Европейский Союз претендует на роль ключевого актора в формировании данных нормативных рамок, реализуя свой значительный нормотворческий потенциал. Внешнеполитическая практика ЕС исходит из предпосылки, что углубление двусторонних отношений с третьими странами предваряется требованием их приверженности фундаментальным ценностям, отстаиваемым Союзом.

Примечательно, что, несмотря на риторику кооперативного подхода, конечной целью внешнеполитического взаимодействия ЕС провозглашает обеспечение собственных стратегических интересов и укрепление своей позиции на мировой арене. Это выявляет определенное сходство с подходом США, также ориентированным на защиту геополитических приоритетов и поддержание

¹⁶⁰ Стрежнева, М. В. Европейский союз: архитектура внешней политики [Электронный ресурс] / М. В. Стрежнева, Д. Э. Руденкова // ИМЭМО РАН. — М., 2016. — URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_029.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

доминирующего статуса, хотя инструментарий и идеологическое обоснование существенно различаются. Таким образом, разделение базовых ценностей ЕС остается неременным требованием для установления отношений углубленного сотрудничества.

Концепция бесполярного мира. Р. Хаас своей статье «Эпоха бесполярного мира» пишет о том, что в XXI веке характер международных отношений будет иметь черты бесполярности¹⁶¹. Бесполярный мир характеризуется наличием многочисленных центров силы, многие из которых не являются национальными государствами. Среди таких центров силы можно выделить неправительственные организации, военизированные формирования, корпорации, региональные и всемирные организации, международные сети СМИ. Таким образом, вместо концентрации силы мы видим, что сила рассеивается, а распространение информации в неменьшей степени, чем распространение оружия, обуславливает возникновение бесполярности.

Кроме того, автор подчеркивает, что пока нет достаточно сильного национального государства, которое бы могло составить конкуренцию США в силу недостаточного экономического и политического потенциала. В условиях формирования бесполярной системы возникает большое количество рисков, так как невозможно контролировать бесконечное число влиятельных акторов и добиваться коллективных действий для решения региональных или глобальных проблем. По словам автора «Энтропия учит, что системы, состоящие из большого числа акторов, при отсутствии внешнего вмешательства тяготеют к большей случайности и беспорядку»¹⁶². В условиях бесполярного мира существенную роль будет играть мультилатерализм, и тут мы наблюдаем пересечение с другой концепцией мирового устройства с опорой на мультилатерализм — концепцией многостороннего мира.

¹⁶¹ Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolynarnogo-mira/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶² Там же.

Таким образом, мы можем предположить, что подход автора к конструированию нового мирового порядка после краха однополярной системы имеет общие черты с концепцией многостороннего мира. Ключевым механизмом взаимодействия полюсов силы в предложенной конструкции выступает не силовое доминирование, а конкурентная привлекательность их внутривнутриполитических систем, а также способность выстраивать внешнюю политику с учетом стратегических интересов других суверенных акторов.

Эволюция идей полюсного подхода в международных отношениях отражает изменения в структуре мирового порядка и трансформацию взглядов на распределение власти.

1.2. Зарубежный опыт внешнеполитической деятельности по формированию мирового порядка

Современные дискуссии о формировании нового мирового порядка отражают глубокую дифференциацию подходов, обусловленную различием национальных интересов, ценностных ориентиров, цивилизационных особенностей и долгосрочных внешнеполитических стратегий ведущих акторов международных отношений. В условиях трансформации мирового порядка ключевое значение приобретает сравнительный анализ подходов России, США, Китая, Индии и Европейского союза как системообразующих центров силы, а также государств Африки, Латинской Америки и Турции как динамично усиливающих свое влияние субъектов мировой политики. Каждый из данных акторов предлагает собственное видение будущего мироустройства, различающееся пониманием принципов международной безопасности, роли международных институтов, допустимых механизмов распределения силы и характера глобального управления. При этом, в отличие от западнцентричных концепций мирового порядка, ориентированных на сохранение либеральной международной системы и «порядка, основанного на правилах», государства Глобального Юга рассматривают трансформацию международных отношений преимущественно через призму преодоления структурного неравенства

глобального управления, расширения представительства незападных государств в международных институтах и укрепления принципа суверенного равенства государств.

Вместе с тем современная международная система характеризуется не формированием единой альтернативной модели мироустройства, а конкуренцией нескольких региональных, цивилизационных и идеологических подходов к организации мирового порядка. В этой связи особую значимость приобретает исследование региональных особенностей понимания нового мирового порядка, отраженных как в стратегических документах и декларациях международных организаций, так и в трудах исследователей соответствующих регионов. Анализ указанных различий позволяет не только выявить основные направления трансформации мирового порядка, но и определить потенциальные зоны конфронтации и сотрудничества в условиях перехода от однополярной модели международных отношений к архитектуре нового мирового порядка.

Видение России. Вопросу формирования нового мирового порядка уделяется существенное внимание в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, в которой в качестве одного из национальных интересов России во внешнеполитической сфере определяется «формирование справедливого и устойчивого мироустройства»¹⁶³. В документе подчеркивается, что современная международная система переживает период фундаментальной трансформации, связанной с ослаблением западноцентричной модели международных отношений и усилением роли новых центров мирового развития. Российская Федерация в рамках данной концепции позиционирует себя как государство-цивилизацию, выступающее за формирование многополярного мирового порядка, основанного на принципах суверенного равенства государств, неделимой безопасности, уважения культурно-цивилизационного многообразия и центральной роли ООН в международной системе.

¹⁶³ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. ст. 2406.

Выводы о российском видении мирового порядка основываются не только на положениях официальных стратегических документов, но и на анализе выступлений высшего политического руководства страны, программных внешнеполитических заявлений, а также работ российских исследователей в области международных отношений. Существенное значение для формирования современной российской концепции мироустройства имело выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 года, в котором была подвергнута критике модель однополярного мира и обозначена необходимость формирования более справедливой системы международных отношений¹⁶⁴. Дальнейшее развитие данные положения получили в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008¹⁶⁵, 2013¹⁶⁶, 2016¹⁶⁷, 2023¹⁶⁸ г.г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2009¹⁶⁹, 2015¹⁷⁰, 2021 г.г.¹⁷¹

Российские исследователи также рассматривают современную трансформацию международной системы как переход к формированию нового мирового порядка. Ф. А. Лукьянов подчеркивает, что современный мировой порядок переживает стадию демонтажа прежней архитектуры международных отношений, сформировавшейся после окончания холодной войны, а сама международная система вступает в период длительной структурной перестройки¹⁷². А. И. Никитин связывает кризис существующего миропорядка с

¹⁶⁴ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007 г.

¹⁶⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 г. № Пр-1440.

¹⁶⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.

¹⁶⁷ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

¹⁶⁸ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

¹⁶⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹⁷⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹⁷¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁷² Lukyanov F. Prefabricated World Order and Its Decline in Twenty-First Century // Russia in a Changing World. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020

эрозией прежнего баланса сил и снижением эффективности универсальных международных институтов¹⁷³. По мнению С. А. Караганова, формирование многополярности представляет собой объективный исторический процесс, обусловленный перераспределением глобальной экономической и военно-политической мощи в пользу незападных государств¹⁷⁴. В работах А. Д. Богатурова подчеркивается, что трансформация мировой системы сопровождается усложнением структуры международных отношений и усилением региональных центров силы¹⁷⁵.

Вместе с тем в российской позиции по вопросу формирования нового мирового порядка сохраняется ряд дискуссионных аспектов, требующих дальнейшего теоретического осмысления. В частности, в официальных документах и политическом дискурсе нередко используются как взаимозаменяемые понятия «мировой порядок» и «мироустройство», а также категории «полицентричный» и «многополярный» мир. С научной точки зрения подобная синонимизация требует дополнительной концептуальной проработки, поскольку указанные категории отражают различные подходы к пониманию структуры международной системы. Разработка данных вопросов имеет принципиальное значение для формирования более целостной и концептуально выверенной внешнеполитической доктрины России.

Одним из ключевых направлений российского видения нового мирового порядка выступает формирование новой архитектуры евразийской безопасности, которой на текущий момент характерна асимметричная биполярность, на одной стороне которой Североатлантический альянс, а на другой – Россия.¹⁷⁶ Российская позиция исходит из необходимости построения системы безопасности на принципах неделимости, распределения ответственности, отказа от

¹⁷³ Никитин А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. 2018. № 6

¹⁷⁴ Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1

¹⁷⁵ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.

¹⁷⁶ Тимофеев И. Евразийская структура безопасности: от идеи к практике [Электронный ресурс] / И. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike/> (дата обращения: 01.08.2025).

доминирования и строгого соблюдения положений Устава ООН. В данном контексте особое значение приобретают инициативы по формированию механизмов широкого евразийского диалога с участием государств региона, международных организаций и существующих интеграционных объединений. Процесс выстраивания систем коллективной безопасности в мире может складываться десятилетиями, что ставит под сомнение возможность запуска в ближайшем будущем новых глобальных или региональных организаций.¹⁷⁷

Важное место в российском подходе занимает развитие уже существующих международных институтов и трансрегиональных механизмов сотрудничества. Речь идет прежде всего о БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, а также взаимодействии с АСЕАН, Африканским союзом, Лигой арабских государств и другими незападными форматами международного сотрудничества. Российская внешнеполитическая стратегия ориентирована на укрепление данных структур как альтернативных площадок международного взаимодействия, отражающих интересы государств Глобального Юга и Востока. При этом Россия стремится избежать избыточной институциональной бюрократизации данных объединений, сохраняя гибкость механизмов принятия решений и расширяя возможности для участия новых государств.

В российском внешнеполитическом дискурсе все большее значение приобретает концепция так называемого «мирового большинства», под которым понимается совокупность государств, выступающих за формирование более справедливой и полицентричной модели международных отношений.¹⁷⁸ Данный подход предполагает развитие широких международных коалиций государств, заинтересованных в реформировании существующей международной системы, укреплении принципа суверенного равенства и ограничении доминирования отдельных центров силы.

¹⁷⁷ Мир в 2035 году: вниз по лестнице, ведущей вверх? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-v-2035-godu-vniz-po-lestnitse-vedushchey-vverkh/> (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁷⁸ Тренин Д.В. Не «против», а «за» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 56–68

Вместе с тем реализация российской модели многополярного мирового порядка сталкивается с рядом ограничений. Многие государства, включая партнеров России, стремятся сохранять баланс между взаимодействием с Россией и сотрудничеством с западными странами, что ограничивает возможности быстрого формирования устойчивой альтернативной международной архитектуры. В этих условиях российская внешняя политика ориентируется на сочетание стратегической гибкости, укрепления незападных международных институтов и последовательного продвижения концепции многополярного мира как основы будущего мирового порядка.

Видение Африки. Африка имеет огромный потенциал для развития, и ее участие в международной хозяйственной и политической системе может быть весьма значимо для создания более справедливого и равноправного международного сообщества. Официальная цель Африканского союза – стать единым экономическим и политическим организмом к 2063 году.

Несмотря на тот факт, что многие африканские страны до сих пор зависят от экономических связей с развитыми государствами мира, а также от международных финансовых институтов, которые часто диктуют свои условия, континент все чаще рассматривается как единый участник международного политического процесса.

Видение Африки в отношении формирующегося мирового порядка основывается на стремлении к преодолению исторически сложившейся периферийности континента в международной системе, расширению представительства африканских государств в глобальных институтах управления и укреплению принципа суверенного равенства государств. В отличие от западноцентричных моделей мироустройства, африканский подход акцентирует внимание не только на вопросах международной безопасности, но и на проблемах развития, преодоления неокOLONиальной зависимости, реформирования международных финансовых институтов и признания Африки самостоятельным субъектом мировой политики.

При этом современное африканское видение мирового порядка формируется как на уровне официальных стратегических документов Африканского союза, так и в работах ведущих африканских политологов и исследователей международных отношений. В данном контексте Африка выступает одним из ключевых политических, демографических и ресурсных центров формирующегося Глобального Юга.

Ключевым документом, отражающим стратегическое видение Африки, выступает программа Африканского союза «Повестка 2063: Африка, которую мы хотим», в которой закрепляется цель превращения Африки в интегрированный, процветающий и мирный континент, играющий важную роль в мировой политике и глобальном управлении¹⁷⁹. Данный документ отражает стремление африканских государств к усилению собственной субъектности, развитию региональной интеграции и формированию более справедливой международной системы. Важное значение имеют также положения Учредительного акта Африканского союза, где закреплены принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, мирного разрешения конфликтов и права государств-членов на мир и безопасность.¹⁸⁰

В Эзулвинском консенсусе Африканского союза дополнительно подчеркивается необходимость реформирования Совета Безопасности ООН и расширения представительства Африки в системе глобального управления.¹⁸¹ Следовательно, африканское видение мирового порядка включает не только поддержку многополярности как альтернативы западной гегемонии, но и требование институционального перераспределения власти.

¹⁷⁹ Agenda 2063: The Africa We Want: framework document // African Union: official website. Addis Ababa, 2015. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-framework_document_book.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸⁰ Constitutive Act of the African Union: adopted by the Thirty-Sixth Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government, 11 July 2000, Lomé, Togo // African Union: official website. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸¹ Резолюция о реформе Организации Объединенных Наций: Совет Безопасности = Resolution on the United Nations Reform: Security Council: Assembly/AU/Resolution 1 (V), Sirte, 5 July 2005 // African Union Archives. URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/344/Assembly%20AU%20Res%20%201%20%28V%29%20_E.PDF?sequence=1 (дата обращения: 17.05.2026).

Современное африканское видение мирового порядка основывается на представлении о многополярности как механизме преодоления структурного неравенства мировой системы. Нигерийский политолог А. Адебаджо подчеркивает, что Африка должна перестать быть объектом соперничества внешних держав и превратиться в самостоятельный центр влияния в условиях усиливающейся многополярности.¹⁸² По мнению исследователя, конкуренция между США, Китаем, Россией и Европейским союзом создает для африканских государств возможность проводить более автономную внешнюю политику и добиваться реформирования международного порядка в интересах Глобального Юга.

Южноафриканский исследователь С. Зонди рассматривает БРИКС как один из ключевых механизмов формирования нового мирового порядка, в котором государства Глобального Юга получают возможность влиять на международные институты и процессы принятия решений.¹⁸³ Исследователь отмечает, что кризис западной гегемонии сопровождается постепенным перераспределением глобального влияния в пользу незападных государств, а многополярность становится не только политическим, но и цивилизационным процессом трансформации мировой системы.

Кенийский политолог Али Мазруи еще в конце XX века указывал, что Африка способна превратиться в один из важнейших демографических и культурных центров мировой политики, а международная система будет постепенно эволюционировать в сторону большего цивилизационного многообразия.¹⁸⁴ Развивая данную идею, камерунский философ и политолог А. Мбембе подчеркивает, что современный мировой порядок продолжает

¹⁸² Адебаджо А. Africa's Place in the Emerging Global Order // Project Syndicate. 2024. 27 Sept. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/africa-role-emerging-global-order-china-us-rivalry-by-adekeye-adebajo-2024-09> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸³ Zondi S. The BRICS and the Transformation of Global Governance: A Decolonial Perspective // Africa Insight. 2019. Vol. 48, № 4. P. 73–86. URL: <https://repository.up.ac.za/bitstreams/89edc261-f0af-451a-b83e-c0c458b1f71c/download> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁸⁴ Mazrui A. A. Cultural Forces in World Politics. London: James Currey; Portsmouth, N.H.: Heinemann, 1990. 262 p. URL: https://books.google.com/books/about/Cultural_Forces_in_World_Politics.html?id=iWA2utXrTqYC (дата обращения: 17.05.2026).

воспроизводить элементы колониального неравенства, вследствие чего государства Африки заинтересованы в реформировании глобального управления и расширении собственного участия в принятии международных решений.¹⁸⁵

Таким образом, в африканской политической мысли многополярность рассматривается не только как перераспределение силы между государствами, но и как механизм преодоления постколониальной зависимости и усиления субъектности незападных обществ.

Особое значение в африканском подходе к мировому порядку имеет концепция «африканских решений африканских проблем», предполагающая, что урегулирование конфликтов и определение моделей развития должны осуществляться прежде всего государствами континента, а не внешними центрами силы. Данная позиция отражает стремление Африки к укреплению стратегической автономии и снижению зависимости от внешнего политического и экономического влияния. Вместе с тем африканский подход к мировому порядку не является полностью унифицированным, поскольку внешнеполитические приоритеты отдельных государств континента существенно различаются. Так, ЮАР активно продвигает идеи реформирования глобального управления и усиления роли БРИКС, Египет ориентирован на укрепление статуса регионального центра силы на Ближнем Востоке и в Африке, а ряд государств Сахеля уделяет приоритетное внимание вопросам безопасности и ограничению внешнего вмешательства. Следовательно, Африка выступает не как единый геополитический блок, а как совокупность государств, объединенных стремлением к расширению собственной субъектности в мировой политике.

Значение Африки в формирующемся мировом порядке определяется не только политическими, но и демографическими, ресурсными и экономическими факторами. Африка является одним из претендентов на важную роль в формировании нового мирового порядка как один из самых быстрорастущих

¹⁸⁵ Mbembe A. Out of the Dark Night: Essays on Decolonization / transl. by D. W. Waller. New York: Columbia University Press, 2021. 264 p. URL: <https://cup.columbia.edu/book/out-of-the-dark-night/9780231160285/> (дата обращения: 17.05.2026).

континентов в мире. Так, по прогнозам ООН, ближайшее столетие мы будем наблюдать за сокращением численности населения в Европе, Китае, США и кратным ростом в Африканских странах. Население Африканского континента к 2050 году удвоится и составит до 2,5 млрд человек, к 2100 году цифра достигнет 4,3 млрд. Кроме того, к 2050 году средний возраст жителей африканских стран будет равен 20 годам и сделает Африку самым молодым континентом на планете. Прирост рабочей силы в мире до 90% будет обеспечиваться за счет Африканского континента.

Африканский континент обладает колоссальным ресурсным потенциалом. В недрах Африки располагается около 30% мировых запасов полезных ископаемых, 40% мирового золота и до 90% хрома и платины. В докладе ООН «Потенциал Африки в освоении высокотехнологичных мировых цепочек поставок» значится, что почти половина мировых запасов кобальта, необходимого для производства литий-ионных батарей, находится в Африке.¹⁸⁶ Другие металлы и минералы, которые важны для создания возобновляемых и низкоуглеродных технологий также находятся в Африке.

Африка является ведущим регионом мира по количеству солнечных ресурсов и имеет большой потенциал в освоении солнечной энергетики и возобновляемых источников энергии. Солнечная энергия предлагает огромный потенциал для электрификации и экономического роста континента .

Африканский континент является одним из крупнейших избирательных блоков ООН, занимая три непостоянных места в Совете Безопасности ООН, 13 мест в Совете по правам человека и 54 места в Генеральной Ассамблее ООН. Африканский союз стал постоянным членом «Большой двадцатки» в 2023 году, до его вступления в эту группу ведущих стран мира входила только Южно-Африканская республика . ЮАР, Египет и Эфиопия полноправные члены БРИКС, Уганда и Нигерия партнеры БРИКС, Алжир присоединился к Новому банку

¹⁸⁶ Economic Development in Africa Report 2023: The Potential of Africa to Capture Technology-Intensive Global Supply Chains. Geneva: United Nations, 2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/aldcafrica2023_en.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

развития БРИКС, что положительно скажется на его экономическом развитии и привлечении внешних инвестиций в страну.

Все это дает Африке возможность влиять на мировые решения и защищать свои интересы. Кроме того, регион является ключевым партнером для многих стран в области торговли, энергетики и других секторов экономики. Заручиться поддержкой африканских стран становится все более важно для укрепления международного сотрудничества и достижения конкретных результатов в многосторонних институтах.

Страны Африки поддерживают продвигаемые Россией принципы мирового порядка: справедливый многополярный мир без глобальной гегемонии, с уважением к цивилизационному и политическому многообразию, к праву государств самим выбирать модели развития. Африканские страны поддерживают курс на усиление веса развивающихся стран в вопросах глобального управления. В частности, в Декларации XIV саммита БРИКС страны–участники, включая ЮАР, заявили о своей приверженности многосторонности посредством соблюдения норм международного права, включая цели и принципы, закрепленные в Уставе ООН. В Учредительном акте Африканского союза также обозначается приверженность Уставу ООН и Всеобщей Декларации прав человека в процессе выстраивания международного сотрудничества¹⁸⁷.

В заявлениях представителей Исполнительного совета Союза можно встретить следующие формулировки: «Многосторонность остается под угрозой, несмотря на недавний глобальный консенсус в отношении целей устойчивого развития (ЦУР) и процесса изменения климата. С одной стороны, однополярная позиция G7/8 оспаривается прежде всего странами БРИКС. С другой стороны, мы, кажется, движемся к многополярному миру, поскольку США при новой администрации угрожают консенсусу по изменению климата, атакуют с трудом

¹⁸⁷ Декларация XIV саммита БРИКС – Пекин [Электронный ресурс] // НКИ БРИКС. – URL: [https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_-_Пекинская_декларация_\(г._Пекин__Китай__23_июня_2022_года\).pdf](https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_-_Пекинская_декларация_(г._Пекин__Китай__23_июня_2022_года).pdf) (дата обращения: 01.08.2025).

завоеванные права женщин и движутся к протекционизму»¹⁸⁸. По итогам второго саммита Россия — Африка опубликована декларация, в которой стороны декларируют возрастающую глобальную роль и влияние Африки в качестве одной из важнейших опор многополярного мира.¹⁸⁹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что позиция Африки по формированию нового мирового порядка близка, хотя и не идентична, к позиции России.

Если региональные интеграционные структуры укрепят свои позиции, Африка сможет превратиться в один из полюсов полицентричной системы международных отношений, которую продвигает Россия.

В условиях становления многополярного мира возрастет влияние ООН в разрешении глобальных вопросов, а значит, позиция африканских государств приобретет особый вес. Однако для этого требуется консолидация их усилий, что пока остается проблемой из-за разрозненности интересов.

Главным препятствием на этом пути является незрелость политических институтов многих африканских стран и несовершенство систем государственного управления. Эти факторы повышают риски усиления внешнего влияния, что может привести к тому, что Африка станет инструментом реализации чужих геополитических амбиций. В таком случае интеграционные процессы вместо создания новых возможностей способны усилить зависимость континента от более мощных игроков, превратившись в форму неокOLONиализма. В связи с этим суверенное развитие каждого африканского государства остается важнейшим условием для их самостоятельного участия в мировой политике.

Видение Латинской Америки. Рассмотрение роли Латинской Америки в формировании нового мирового порядка обусловлено стремительным изменением геополитического ландшафта, в котором страны Латинской Америки

¹⁸⁸ Welcome Remarks of the Chairperson of the African Union Commission, HE Dr. Nkosazana Dlamini Zuma to the 30th Ordinary Session of the Executive Council of the African Union [Электронный ресурс] // The African Union Commission. — URL: https://au.int/sites/default/files/speeches/31936-sp-final_executive_council_cp_statement_25_jan_2017.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸⁹ Декларация второго саммита Россия — Африка [Электронный ресурс] // Президент России. 2023. 28 июля. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения: 01.08.2025).

демонстрируют все большую самостоятельность во внешнеполитическом курсе и экономической стратегии. В последние десятилетия Латинская Америка все чаще рассматривается не только как объект конкуренции внешних центров силы, но и как пространство выработки собственных подходов к международному порядку.

Экономические предпосылки такой постановки вопроса связаны с совокупным потенциалом региона. Согласно данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, совокупный ВВП региона в 2023 году составил \$6,2 трлн, что превышает показатели таких экономик, как Германия или Япония¹⁹⁰. Экономический потенциал Латинской Америки значителен, однако распределен неравномерно, поэтому Бразилия, Мексика и Аргентина имеют различный вес в выработке региональных представлений о будущем мирового порядка.

В латиноамериканской научной традиции проблематика мирового порядка связана с вопросами зависимости, периферийности и автономии. Аргентинский исследователь Р. Берналь-Меса уточняет, что для стран периферии и полупериферии стремление к автономии выступает важнейшим условием снижения внешней зависимости и расширения возможностей участия в формировании международного порядка.¹⁹¹

В рамках настоящего исследования данное положение рассматривается как показатель того, что многополярность в латиноамериканском дискурсе понимается не только как схема распределения силы между несколькими центрами, но и как механизм расширения возможностей для государств Глобального Юга.

Хосе Антонио Санахухи в своих работах связывает современную трансформацию международной системы с кризисом глобализации, кризисом

¹⁹⁰ Economic Survey of Latin America and the Caribbean 2024 [Электронный ресурс] // Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). – URL: <https://www.cepal.org/en/presentations/economic-survey-latin-america-and-caribbean-2024> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹¹ Bernal-Meza R. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions // Revista Brasileira de Política Internacional. 2016. Vol. 59, № 1. DOI: 10.1590/0034-7329201600105. URL: <https://www.scielo.br/j/rbpi/a/hPzbpPMSvbLvBRKfbbXZjPc/?lang=en> (дата обращения: 17.05.2026).

гегемонии и ослаблением многосторонних институтов.¹⁹² Для латиноамериканских стран это означает необходимость реформирования многосторонности на более инклюзивной основе. Данный подход позволяет рассматривать важным элементом регионального видения мирового порядка не разрушение существующих международных институтов, а изменение баланса представительства и влияния внутри них в пользу развивающихся стран.

На государственном уровне наиболее последовательно многополярное видение выражено во внешнеполитическом и стратегическом дискурсе Бразилии.¹⁹³ Бразилия является крупнейшей страной Латинской Америки по территории, численности населения и объему ВВП, а также обладает наиболее развитым институциональным потенциалом для претензии на региональное лидерство. Согласно исследованиям Института прикладных экономических исследований, Бразилия является бесспорным региональным лидером по ключевым геополитическим и геоэкономическим показателям. Она занимает первое место в Латинской Америке по территории, численности населения (более 213 млн человек), объему ВВП (около 2,17 трлн долл.)¹⁹⁴. Кроме того, Бразилия лидирует по военным расходам в регионе. В контексте реформы Совета Безопасности ООН Бразилия рассматривается как наиболее вероятный кандидат от Латинской Америки на место постоянного члена. В связи с этим бразильская

¹⁹² Sanahuja J. A. Crisis de globalización, crisis de hegemonía: un escenario de cambio estructural para América Latina y el Caribe // América Latina y el Caribe frente a un nuevo orden mundial: poder, globalización y respuestas regionales / coord. A. Serbin. Barcelona: Icaria Editorial; CRIES, 2018. P. 37–68. URL: <https://www.cries.org/wp-content/uploads/2018/06/007-Sanahuja.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁹³ См.: Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 17.05.2026). Art. 4; Política Nacional de Defesa; Estratégia Nacional de Defesa. Brasília: Ministério da Defesa, 2020. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/publicacoes-politica-e-estrategia-nacional-de-defesa/pnd-end-2020.pdf (дата обращения: 17.05.2026); Livro Branco de Defesa Nacional. Brasília: Ministério da Defesa, 2020. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/livro_branco_congresso_nacional.pdf (дата обращения: 17.05.2026); Speech by President Lula at the Second Session of the G20 Leaders' Meeting: Reform of Global Governance Institutions, Rio de Janeiro, 19 Nov. 2024 // Ministério das Relações Exteriores. URL: <https://www.gov.br/mre/en/content-centers/speeches-articles-and-interviews/president-of-the-federative-republic-of-brazil/speeches/speech-by-president-lula-at-the-second-session-of-the-g20-leaders-meeting-reform-of-global-governance-institutions> (дата обращения: 17.05.2026); BRICS Foreign Ministers convey positions on reforming global governance, strengthening multilateralism, and promoting peace // BRICS Brasil. 2025. 28 Apr. URL: <https://brics.br/en/news/brics-foreign-ministers-convey-positions-on-reforming-global-governance-strengthening-multilateralism-and-promoting-peace> (дата обращения: 17.05.2026).

¹⁹⁴ World Development Indicators [Электронный ресурс] // The World Bank Group. – URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712> (дата обращения: 01.08.2025).

позиция имеет особое значение для анализа возможного формирования латиноамериканского полюса в рамках многополярного мирового порядка.

Бразилия наиболее склонна видеть новый мировой порядок многополярным, при котором именно она будет играть роль полюса. В стратегических документах Бразилии акцент делается на защите суверенитета, укреплении обороноспособности, содействии региональной стабильности, международному миру и безопасности, а также на расширении присутствия страны в международных процессах. В Политике национальной обороны и Национальной стратегии обороны Бразилии среди национальных целей обозначены задачи содействия региональной стабильности и международному миру, а также укрепления проекции Бразилии на международной арене.¹⁹⁵ Эти положения дают основание рассматривать бразильское понимание мирового порядка как сочетание регионального лидерства с претензией на более активное участие в глобальном управлении.

Данная установка проявляется и в дипломатическом дискурсе Бразилии в рамках БРИКС. Выступая на открытом пленарном заседании XV саммита БРИКС, президент Л. И. Лула да Силва заявил о необходимости построения «многополярного, справедливого и инклюзивного порядка».¹⁹⁶ В такой интерпретации новый мировой порядок должен обеспечивать не только признание нескольких центров силы, но и более равное участие развивающихся стран в выработке международных решений.

Одновременно в Латинской Америке расположены несколько довольно крупных стран, которые также способны осуществлять лидерские функции. Мексика, обладая значительным экономическим, демографическим и дипломатическим потенциалом, формулирует свои внешнеполитические

¹⁹⁵ Política Nacional de Defesa; Estratégia Nacional de Defesa. Brasília: Ministério da Defesa, 2020. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/publicacoes-politica-e-estrategia-nacional-de-defesa/pnd-end-2020.pdf (дата обращения: 17.05.2026). Objetivos Nacionais de Defesa, V–VI.

¹⁹⁶ Lula da Silva L. I. Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva during the BRICS Summit open plenary session, Johannesburg, South Africa, 23 August 2023 // Presidency of the Republic of Brazil. URL: <https://www.gov.br/planalto/en/follow-the-government/speeches-statements/2023/speech-by-president-luiz-inacio-lula-da-silva-during-the-brics-summit-open-plenary-session> (дата обращения: 17.05.2026).

ориентиры преимущественно через категории суверенитета, международного права, мира, прав человека и многостороннего сотрудничества. В Программе секторального развития внешних связей Мексики на 2025 - 2030 гг. подчеркивается значение принципов самоопределения народов, невмешательства, мирного разрешения споров, правового равенства государств и международного сотрудничества в целях развития.¹⁹⁷ Мексиканская модель участия в новом мировом порядке ориентирована не столько на оформление отдельного регионального полюса, сколько на укрепление нормативно-правовых оснований международной системы.

В Директиве национальной оборонной политики Аргентины 2021 г. подчеркивается связь оборонной политики с внешней политикой, а также значение международного сотрудничества, региональной стабильности и соблюдения международного права.¹⁹⁸ В данном случае Аргентина заявляет не о претензии на региональное лидерство, а о стремлении участвовать в региональных и глобальных механизмах на основе принципов суверенитета и правового равенства.

Сопоставление бразильского, мексиканского и аргентинского подходов показывает, что в Латинской Америке формируется не единая модель нового мирового порядка, а совокупность близких, но не идентичных представлений. Их объединяет стремление к большей международной субъектности региона, критика одностороннего доминирования, признание значения международного права и ориентация на реформированную многосторонность. Вместе с тем различаются способы достижения этих целей. Бразилия делает акцент на статусном лидерстве и многополярности, Мексика на правовых принципах и дипломатической многосторонности, Аргентина на автономии, региональной стабильности и кооперативной безопасности.

¹⁹⁷ Programa Sectorial de Relaciones Exteriores 2025–2030 // Diario Oficial de la Federación. 2025. 3 sept. URL: <https://sidof.segob.gob.mx/notas/5767163> (дата обращения: 17.05.2026); Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos // Cámara de Diputados del H. Congreso de la Unión. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/CPEUM.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). Art. 89, fracc. X.

¹⁹⁸ Directiva de Política de Defensa Nacional: Decreto 457/2021, Buenos Aires, 14 de julio de 2021 // Boletín Oficial de la República Argentina. 2021. 19 julio. URL: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/246990/20210719> (дата обращения: 17.05.2026).

Указанные различия позволяют выделить два наиболее вероятных сценария латиноамериканского участия в формировании нового мирового порядка. Первый сценарий может быть обозначен как многополярный. Он предполагает усиление Бразилии как регионального центра силы и ее превращение в основной канал представительства Латинской Америки в глобальных институтах, включая БРИКС, «Группу двадцати» и дискуссии о реформе Совета Безопасности ООН. В рамках такого сценария региональная субъектность Латинской Америки во многом зависит от способности Бразилии консолидировать вокруг себя другие страны региона и избежать восприятия своего лидерства как доминирования.

Второй сценарий может быть охарактеризован как полицентричный, с элементами гетерархической региональной системы. В такой модели Бразилия сохраняет значение крупнейшего политического актора, Мексика выступает важным участником североамериканской и глобальной дипломатической повестки, а Аргентина сохраняет значение в вопросах региональной безопасности.

Региональные объединения, прежде всего СЕЛАК и МЕРКОСУР, в этих условиях могут выполнять функцию площадок согласования интересов, но не всегда способны выступать в качестве устойчивых институтов наднациональной консолидации.

Для России это обстоятельство имеет практическое значение. В условиях многополярного сценария приоритетным партнером выступает Бразилия как наиболее вероятный представитель региона в глобальных институтах. В условиях полицентричного сценария российская политика должна учитывать множественность региональных центров и развивать дифференцированное взаимодействие с отдельными государствами и интеграционными площадками. Такой подход соответствует заявленной российской линии на развитие сотрудничества с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, включая взаимодействие с региональными объединениями.¹⁹⁹ В условиях

¹⁹⁹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Президент России: официальный сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.05.2026). Разд. «Латинская Америка и Карибский бассейн»; О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна // Министерство иностранных дел Российской

полицентричной гетерархии Россия может способствовать развитию специализированного лидерства латиноамериканских стран через сотрудничество в рамках СЕЛАК (Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна) и МЕРКОСУР (Южного общего рынка), как это предусмотрено в заявлении МИД России.²⁰⁰

Существенным внешним фактором, влияющим на формирование латиноамериканского видения мирового порядка, остается близость США и исторически сложившаяся асимметрия отношений региона с Вашингтоном. Стремление США сохранить политическое, экономическое и военно-стратегическое влияние в Западном полушарии в рамках доктрины Монро в новых формах создает для латиноамериканских стран дополнительные стимулы к диверсификации внешних связей.²⁰¹ В этом контексте многополярность и многосторонность выступают для региона не только концептуальными ориентирами, но и инструментами снижения зависимости от одного внешнего центра силы.

Вместе с тем латиноамериканский и российский подходы к видению нового мирового порядка проявляют сходство на уровне общих принципов, среди которых неприятие односторонней гегемонии, поддержка суверенного равенства государств, признание значения многополярности, реформирование глобальных институтов и повышение роли развивающихся стран. Однако мотивация стран Латинской Америки определяется прежде всего задачами собственной автономии, регионального развития и повышения переговорных возможностей в отношениях с внешними акторами.

Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna/ (дата обращения: 17.05.2026).

²⁰⁰ О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna/ (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰¹ Леонор Н. Р. Р. Российско-латиноамериканские отношения в контексте формирования нового мирового порядка: дисс.кандидата политических наук. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2022. 190 с.

Таким образом, анализ работ латиноамериканских авторов и стратегических документов Бразилии, Мексики и Аргентины позволяет выявить в регионе устойчивый запрос на трансформацию сложившейся системы международных отношений. В рамках настоящего исследования данный запрос интерпретируется как стремление к более сбалансированному распределению влияния, укреплению международно-правовых оснований мирового порядка, расширению роли Глобального Юга и повышению субъектности Латинской Америки. При этом наиболее обоснованным представляется вывод не о существовании единого латиноамериканского проекта нового мирового порядка, а о формировании совокупности национальных и региональных подходов, которые могут реализовываться как в многополярной, так и в полицентричной модели.

Видение Китая. У Китая имеется собственная позиция по вопросу о формировании нового мирового порядка. Пекин связывает коренные причины сегодняшнего мирового беспорядка с «дефицитом мира, дефицитом развития, дефицитом безопасности и дефицитом управления», а основная причина нынешних изменений в международных отношениях кроется в ускорении процесса перехода власти от Запада Востоку, что является отражением изменений в структуре мирового порядка.²⁰² Пекин выступает за замену универсальных ценностей Запада на такие ценности, как мир, развитие, справедливость и другие. Это подразумевает не только уважение к культуре и традициям других стран, но и признание права каждой страны на свой собственный путь развития.

Китай активно развивает свою экономику и укрепляет свои экономические связи со всеми регионами мира, что позволяет ему играть важную роль в мировой экономике. Пекин активно участвует в международных организациях, таких как ШОС, БРИКС, продвигает Инициативу «Один пояс, один путь»²⁰³, концепцию

²⁰² Сюй Бо. Новый китайский взгляд на мировой (бес)порядок [Электронный ресурс] / Сюй Бо // Валдайский клуб. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novy-kitayskiy-vzglyad-na-mirovoy-bes-poryadok/> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰³ 习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间” (Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты) [Электронный ресурс] // People's Daily. – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (дата обращения: 01.08.2025).

«Сообщество единой судьбы человечества»²⁰⁴, концепцию экологической цивилизации²⁰⁵, чтобы укреплять свои отношения с другими державами. Китай стремится к созданию нового мирового порядка, который будет основан на экономическом развитии и дипломатическом сотрудничестве.

В заявлениях китайских лидеров сложно проследить единое представление нового мирового порядка. В публичных выступлениях заявляется о стремлении Китая к развитию многополярного мира с приверженностью целям и принципам Устава ООН.²⁰⁶ Вместе с тем политика Китая ориентирована на построение сообщества единой судьбы человечества, что фактически является вариацией многостороннего мирового порядка, в центре которого будет Китай. Концепция «Сообщество единой судьбы человечества» – симбиотическая модель развития, китайский вариант модернизации, которая не идет по «старому пути колониального грабежа или гегемонии сильных стран, а идет по правильному пути мирного развития»²⁰⁷.

Стоит отметить, что Китай наделяет себя статусом ответственной крупной страны, предоставляющей миру конкретную практику построения сообщества и свое видение правильного пути мирного развития, таким образом принимая более активное участие в формировании мирового порядка. При этом Китай заявляет об отсутствии стремления к гегемонии. Вместе с тем заслуживает внимания критика западными странами позиции Китая как стремящегося к установлению своего господства в «третьем мире».²⁰⁸

В качестве возможностей для собственного развития Китай рассматривает активную внешнюю политику, стране необходимы связи с развитыми странами –

²⁰⁴ Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6.

²⁰⁵ Цинь Тинтин. Экологическая политика Китайской Народной Республики на современном этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6, № 2А. С. 283.

²⁰⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰⁷ Си Цзиньпин принял участие в диалоге высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира и выступил с программной речью [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230317_11043732.html (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰⁸ Munich Security Report 2023 [Электронный ресурс] // Stiftung Münchner Sicherheitskonferenz (gemeinnützige) GmbH. – URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2023/> (дата обращения: 01.08.2025).

поставщиками высоких технологий, с емкими рынками, а также с развивающимися странами – источниками сырья и рабочей силы и потребителями товаров китайской экономики. Китай понимает, что ни по части передовых технологий, ни с точки зрения обеспечения страны ресурсами и кадрами для экономики не сможет обойтись без внешних связей, поэтому с внутренней политики перестроился на внешнюю.

Китай видит себя в роли лидера, который может выстраивать коммуникацию со всем миром. Вместе с тем Китай поддерживает цивилизационный подход к развитию политического пространства, признавая инклюзивность каждой отдельной цивилизации. Однако, успешность и влияние той или иной цивилизации зависит от уровня и силы влияния на партнеров.

В конечном итоге абсолютно невраждебная концепция единой судьбы человечества ставит своей целью глобальное лидерство Китая в новых исторических условиях. Видение будущего миропорядка для Китая состоит в том, чтобы, не признавая собственное лидерство, быть признанным лидером для всего остального мира, оценивать потенциал государств исходя из возможностей к построению сообщества судьбы человечества. Китай уже приступил к этой оценке, в первую очередь, рассматривая главных действующих лиц на мировой арене. США – важнейший партнер для Китая, который противодействует по целому ряду важнейших направлений концепции, и это нужно исправить. Европейский союз уже стал основным поставщиком концепции единой судьбы человечества, хотя и не поддерживает резкость китайской политики в отношении национальных меньшинств, ограничений свободы интернета и прав человека. Тем не менее Китай видит в ЕС союзника и стремится обеспечить стратегическую автономию ЕС от Вашингтона.

Россия – стратегический партнер Китая, однако имеет другие внешнеполитические цели и приоритеты. Китай видит основу международных отношений в «истинной многосторонности», данная концепция публично не поддерживается Россией. Россия утверждает, что стремится к построению многополярного мира, что противоречит принципам концепции единой судьбы

человечества. В переговорах с Россией Китай стал использовать другую терминологию, говоря об «истинной многосторонности и многополярности» или «многополярности». В основе данных противоречий лежит совершенно противоположное видение будущего миропорядка. И Россия, и Китай видят своей целью свержение гегемонии США, упоминая в документах о многополярности, однако ключевое различие состоит в том, что Россия видит себя одним из центров принятия решений.

Главными бенефициарами утверждения в мире международного порядка, основанного на принципах «сообщества судьбы человечества», с точки зрения КНР, станут государства «Третьего мира».

Видение США. В американском официальном и научном дискурсе проблема мирового порядка рассматривается преимущественно через категорию «порядка, основанного на правилах».

Официальное видение США наиболее последовательно выражено в Стратегии национальной безопасности США, где международная среда характеризуется как место конкуренции за будущее мирового порядка. Документ фиксирует установку на то, что потребность в американском лидерстве сохраняется, а США должны опережать геополитических конкурентов, укреплять союзнические связи, модернизировать инструменты национальной силы и участвовать в формировании правил международного взаимодействия. В качестве ключевого долгосрочного конкурента определяется Китай, поскольку он обладает возможностью изменить международный порядок, тогда как Россия представлена как непосредственная угроза сложившейся системе безопасности и интересам США и их союзников.²⁰⁹ Трансформация мирового порядка в американской стратегии признается объективным процессом, однако ответ США состоит не в переходе к равноправной полицентричной системе, а в адаптации к условиям стратегической конкуренции.

²⁰⁹ National Security Strategy. Washington, D.C.: The White House, 2022. Oct. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

Практическая архитектура американского видения особенно заметна в Индо-Тихоокеанской стратегии США, где регион характеризуется как пространство, имеющее ключевое значение для американской безопасности, экономики и глобального влияния. США определяют себя как индо-тихоокеанскую державу и заявляют о намерении укреплять долгосрочные позиции в регионе, опираясь на сеть союзов, партнерств и многосторонних форматов²¹⁰. QUAD, AUKUS, сотрудничество с Японией, Республикой Корея, Австралией, Индией и странами Юго-Восточной Азии выступают не только инструментами региональной политики, но и элементами более широкой стратегии сохранения американского лидерства в условиях роста Китая.

Эволюция американского стратегического планирования свидетельствует о частичной корректировке прежнего глобалистского подхода. В Стратегии национальной безопасности США 2025 г. акцент смещен с универсального продвижения демократии на более узкое понимание национального интереса, укрепление американской мощи, восстановление преимущества США и приоритетность Западного полушария. Документ не демонстрирует отказа от лидерства, а фиксирует более прагматичную и избирательную форму лидерства, при которой универсалистская риторика сочетается с ориентацией на силовое, технологическое, экономическое и региональное преимущество.²¹¹ Речь идет не о демонтаже американоцентричной модели, а о ее перенастройке под условия усиления конкуренции великих держав.

Американский научный дискурс не является единым, однако в нем можно выделить несколько направлений, значимых для понимания видения мирового порядка США. Дж. Айкенберри исходит из того, что устойчивость послевоенного порядка обеспечивалась не только военным и экономическим превосходством США, но и созданием институтов, правил и механизмов стратегического

²¹⁰ Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, D.C.: The White House, 2022. Feb. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). P. 4–7, 15–16.

²¹¹ National Security Strategy. Washington, D.C.: The White House, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

самоограничения.²¹² В данной логике США выступают не только как гегемон, но и как архитектор институциональной среды, в которой лидерство легитимируется через международные организации, открытые рынки и союзнические обязательства. Для либерального институционализма американское лидерство не противоречит порядку, основанному на правилах, а рассматривается как условие его воспроизводства.

В отличие от либеральных институционалистов, Дж. Миршаймер рассматривает либеральный международный порядок как внутренне противоречивый и уязвимый в условиях возвращения конкуренции великих держав²¹³. С точки зрения реалистической традиции, попытка универсализировать либеральные нормы и расширять западные институты сталкивается с сопротивлением других центров силы, поскольку международная политика по-прежнему определяется логикой баланса сил и борьбы за безопасность. Данная позиция важна для настоящего исследования, так как она демонстрирует наличие внутри американского дискурса сомнений в способности США воспроизводить либеральный порядок в прежнем виде.

Г. Киссинджер рассматривает мировой порядок как исторически изменчивую систему баланса сил, легитимности и признанных правил взаимодействия²¹⁴. Для данного подхода характерно понимание того, что универсального мирового порядка в строгом смысле никогда не существовало, а конкретные модели порядка формировались в определенных цивилизационных и региональных контекстах. Эта позиция позволяет уточнить противоречие американского подхода. США стремятся представить западные нормы как универсальные, однако их историческое происхождение и институциональное оформление связаны преимущественно с евроатлантическим опытом.

²¹² Ikenberry G. J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001. 293 p. URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691169217/after-victory> (дата обращения: 17.05.2026).

²¹³ Mearsheimer J. J. *Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order* // *International Security*. 2019. Vol. 43, № 4. P. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00342. URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/43/4/7/12221/Bound-to-Fail-The-Rise-and-Fall-of-the-Liberal> (дата обращения: 17.05.2026).

²¹⁴ Kissinger H. *World Order*. New York: Penguin Press, 2014. 432 p. URL: <https://www.penguin.co.uk/books/266993/world-order-by-henry-kissinger/9780141979007> (дата обращения: 17.05.2026).

Таким образом, видение мирового порядка США представляет собой стратегию адаптации американоцентричной модели к новым условиям международной конкуренции. Его основными элементами выступают сохранение лидерства США, укрепление союзнических сетей, защита порядка, основанного на правилах, сдерживание конкурирующих центров силы, поддержание военного, технологического и финансового преимущества, а также институциональное закрепление ведущей роли коллективного Запада. Универсалистская риторика американских документов сочетается с асимметричной структурой принятия решений, в которой США и их союзники сохраняют функцию главных гарантов и интерпретаторов правил международного взаимодействия.

В отличие от инклюзивной многосторонности, предполагающей более равноправное участие различных центров силы в выработке норм, американская версия порядка, основанного на правилах, сохраняет выраженный иерархический характер. Формально она апеллирует к универсальным принципам свободы, открытости, демократии, прав человека, международного права и экономической взаимозависимости, однако практически содержание этих правил определяется преимущественно США и их союзниками, а их применение зависит от внешнеполитических интересов западных государств. Данную модель целесообразно характеризовать не как классическую однополярность 1990-х гг., а как адаптированную форму коалиционного лидерства США в условиях полицентризации мировой системы.

Для исследования внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка данное обстоятельство имеет принципиальное значение. Американская модель выступает одним из ключевых внешних ограничителей российской стратегии, поскольку направлена на сохранение доминирования США и блокирование альтернативных центров силы. В этой связи противоречие между российским курсом на формирование более справедливого, устойчивого и многополярного мироустройства и американской стратегией сохранения порядка, основанного на правилах, является проявлением более глубокого конфликта моделей мирового порядка.

Сохранение прежней гегемонистской позиции в современных условиях невозможно, поэтому США придется привести свою внешнюю политику в соответствие с новыми условиями. Американская позиция может быть адаптирована к новым реалиям в случае успешной международной деятельности России, Китая и других стран по формированию нового мирового порядка, обострения внутривнутриполитической борьбы в США, а также в случае более независимой внешнеполитической позиции Европы.

Таким образом, концепция мира, основанного на правилах, на самом деле демонстрирует приверженность США однополярной модели мирового устройства с сохранением собственной гегемонии.

Видение Европейского Союза. Представление ЕС состоит в понимании мирового порядка как системы правил, в которой сила ограничивается правом, а устойчивость международной среды обеспечивается через многосторонние институты. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. эта установка выражена через задачу продвижения «основанного на правилах глобального порядка», где ключевым принципом является многосторонность, а центральное место занимает ООН.²¹⁵ В теоретическом плане такая позиция соотносится с концепцией «нормативной силы Европы» И. Маннерса, определявшего ее как способность ЕС формировать представления о «нормальном» в международных отношениях.²¹⁶

В Совместном сообщении 2021 г. ЕС и государства-члены названы твердыми сторонниками международного порядка, основанного на правилах, с ООН в его центре.²¹⁷ Но многосторонность в данном подходе выступает инструментом защиты европейских интересов и ценностей в условиях конкуренции. ЕС стремится

²¹⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy [Электронный ресурс] // European External Action Service. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 17.05.2026). P. 8, 39.

Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.

²¹⁶ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.

²¹⁷ Joint Communication to the European Parliament and the Council on strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism [Электронный ресурс] // European External Action Service. 2021. 17 February. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

не демонтировать систему глобального управления, а адаптировать ее. Цель ЕС сделать институты более эффективными, представительными и совместимыми с европейским пониманием демократии, прав человека, устойчивого развития и верховенства права.

Эта линия актуализирована в Стратегической повестке ЕС на 2024–2029 гг. В ней указано, что глобальный политический ландшафт меняется под воздействием стратегической конкуренции, нестабильности и попыток подорвать международный порядок, основанный на правилах, а ответом должны стать более суверенная, сильная и безопасная Европа, поддержка Устава ООН и движение к реформированной и более инклюзивной многосторонней системе.²¹⁸ Тем самым ЕС признает, что прежняя модель, основанная преимущественно на нормативном влиянии и экономической взаимозависимости, уже недостаточна.

В Стратегическом компасе 2022 г. ЕС характеризует окружающую среду как более враждебную и конкурентную, а собственную задачу как способность действовать быстрее, решительнее и совместно для защиты граждан, интересов и ценностей.²¹⁹ Актуальные отчеты Мюнхенской конференции по безопасности подтверждают это видение. Доклад 2025 г. «Мультиполяризация» фиксирует не просто движение к многополярности, а расширение числа влиятельных акторов при одновременном усилении поляризации между государствами и внутри них.²²⁰ Доклад Мюнхенской конференции 2026 г. «Под разрушением» делает акцент на росте политических сил, предпочитающих разрушение реформам, и на вступлении мира в период политики демонтажа институтов вместо их корректировки.²²¹

В 2025 г. эта логика получила материальное выражение в Белой книге по европейской обороне. В документе зафиксировано, что международный порядок переживает изменения масштаба, невиданного с 1945 г., а Европа должна не

²¹⁸Strategic Agenda 2024–2029 [Электронный ресурс] // European Council. 2024. 27 June. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/european-council/strategic-agenda-2024-2029/> (дата обращения: 17.05.2026).

²¹⁹ A Strategic Compass for Security and Defence [Электронный ресурс] // Council of the European Union. 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

²²⁰ Munich Security Report 2025: Multipolarization [Электронный ресурс] // Munich Security Conference. 2025. URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2025/> (дата обращения: 17.05.2026).

²²¹ Munich Security Report 2026: Under Destruction [Электронный ресурс] // Munich Security Conference. 2026. URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report/2026/> (дата обращения: 17.05.2026).

пассивно принимать результаты межгосударственной конкуренции, а участвовать в формировании нового порядка.²²² Следовательно, европейское видение больше не сводится к роли «гражданской» или «нормативной» силы. ЕС стремится соединить правовую и ценностную риторику с оборонной готовностью, технологическим суверенитетом, устойчивыми цепочками поставок и снижением критических зависимостей, что отражено и в Европейской стратегии экономической безопасности 2023 г.²²³

Позиции ведущих государств-членов подтверждают общий вывод. Франция в Индо-Тихоокеанской стратегии заявляет о поддержке «многостороннего международного порядка, основанного на праве», одновременно стремясь сохранить самостоятельность Европы в условиях американо-китайского соперничества.²²⁴ Германия в Национальной стратегии безопасности 2023 г. исходит из необходимости защиты свободного демократического порядка и международного права, а безопасность трактует как «интегрированную», включающую военное, экономическое, энергетическое, кибернетическое и общественное измерения.²²⁵ Различия акцентов сохраняются, но обе линии сходятся в признании необходимости усиления европейской субъектности.

М. Леонард связывает силу Европы с ее способностью трансформировать правила и практики соседних обществ через нормы, рынок и институты.²²⁶ Я. Зелонка указывает на асимметричность влияния расширенной Европы и на наличие у нее черт «имперского» порядка без классического территориального

²²² White Paper for European Defence — Readiness 2030 [Электронный ресурс] // European Commission. 2025. 19 March. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White+paper+for+European+defence+%E2%80%93+Readiness+2030.pdf (дата обращения: 17.05.2026). P. 1–2.

²²³ European Economic Security Strategy [Электронный ресурс] // European Commission. 2023. 20 June. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/european-economic-security-strategy_en (дата обращения: 17.05.2026).

²²⁴ White Paper for European Defence — Readiness 2030 [Электронный ресурс] // European Commission. 2025. 19 March. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White+paper+for+European+defence+%E2%80%93+Readiness+2030.pdf (дата обращения: 17.05.2026). P. 1–2.

²²⁵ Integrated Security for Germany. National Security Strategy [Электронный ресурс] // The Federal Government of Germany. 2023. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). P. 12–17.

²²⁶ Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century. London: Fourth Estate, 2005. 170 p.

господства.²²⁷ С. Бископ показывает, что ЕС как «старая сила» в новых условиях должен сочетать ценности с интересами и подкреплять стратегию реальными ресурсами.²²⁸ Таким образом, ЕС выступает защитником универсальных правил, но одновременно остается центром силы, заинтересованным в сохранении собственного нормативного и экономического влияния.

Видение Европейского союза в отношении нового мирового порядка можно определить как проект реформированной многосторонности, основанной на международном праве, Уставе ООН, правах человека, устойчивом развитии и институциональном ограничении силовой политики. Приоритетной теоретической основой мирового порядка для Европейского союза является концепция многосторонности, при которой все центры силы были бы верны международному праву и играли активную роль, совместно решая глобальные проблемы в рамках международных институтов. Однако центральную роль в таком порядке должны играть согласованные правила поведения стран. В совместном сообщении Европейской комиссии и Верховного представителя ЕС говорится, что «ЕС и его государства-члены есть и будут оставаться твердыми сторонниками основанного на правилах международного порядка, ядром которого является ООН».²²⁹ Генератором этих правил является сам Европейский союз. Другие страны должны согласиться с европейскими ценностями, и только после этого ЕС проявляет готовность развивать более глубокие отношения с ними.

Позицию Европейского союза можно охарактеризовать как стремление к многосторонности с общими для всех принципами глобального управления на основе международного права и в рамках многосторонних организаций. Одновременно европейцы заявляют о приверженности порядку, основанному на правилах.

²²⁷ Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

²²⁸ Biscop S. *European Strategy in the 21st Century: New Future for Old Power*. London; New York: Routledge, 2019. 154 p.

²²⁹ Joint Communication to the European Parliament and the Council on strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism: JOIN(2021) 3 final, Brussels, 17 February 2021 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021JC0003> (дата обращения: 17.05.2026).

Вместе с тем в экспертно-политическом дискурсе ряда стран Европейского союза фиксируется риск формирования новой биполярной конфигурации мирового порядка с центрами силы в Вашингтоне и Пекине. Так, во французском дискурсе данная перспектива рассматривается как угроза европейской стратегической автономии, что проявляется в призывах Э. Макрона к формированию «коалиции независимых» и отказу от логики выбора стороны в американо-китайском соперничестве. В немецкой экспертной среде Х. В. Маулль прямо характеризует складывающуюся конфигурацию как «биполярный мировой порядок», подчеркивая, что задача ЕС состоит в его трансформации в более плюралистическую и многостороннюю систему.²³⁰ Аналогичные опасения присутствуют в испанском и итальянском экспертном дискурсе, где американо-китайская биполярность рассматривается не как желательная модель, а как сценарий, способный ограничить самостоятельность Европейского союза и ослабить многосторонние институты.²³¹

Видение Индии. Индия и Россия с момента установления дипломатических отношений в 1947 году столкнулись с многочисленными вызовами и угрозами в условиях меняющегося мирового порядка, что повлияло на внешнеполитический курс этих стран и взгляды на партнерство.

Так, Министр иностранных дел Индии в своей речи в Москве подчеркнул, что нынешние отношения между Индией и Россией основаны на принятии многополярности, как реальности и стремления.²³²

Однако, несмотря на появляющиеся заявления о приверженности многополярности в политическом дискурсе Индии, все еще нет четкого понимания

²³⁰ Maull H. W. The EU, China and America: Hanging in, by their teeth and nails // MERICS. 2020. 15 Sept. URL: <https://merics.org/en/opinion/european-union-china-and-america-hanging-their-teeth-and-nails> (дата обращения: 17.05.2026).

²³¹ См.: Esteban M., Armanini U. Strategic autonomy in a new era: a Cold-War risk assessment of China's involvement in the EU's 5G networks // Real Instituto Elcano. 2019. 6 Aug. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/strategic-autonomy-in-a-new-era-a-cold-war-risk-assessment-of-chinas-involvement-in-the-eus-5g-networks/> (дата обращения: 17.05.2026); Bastasin C. Europe should not encourage the "China vs the US" bipolarity. Rome: Luiss School of European Political Economy, 2022. 26 May. Policy Brief 13/2022. URL: <https://leap.luiss.it/wp-content/uploads/2022/06/PB13.22-Europe-should-not-encourage-China-US-bipolarity.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

²³² Выступление министра иностранных дел Индии на тему «Индийско-российские отношения в меняющемся мире» [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/vistuplenie-ministra-inostrannih-del-indii> (дата обращения: 01.08.2025).

структуры и границ этого мирового порядка. Индия понимает, что гегемония США отходит на второй план и однополярный мир остается в прошлом, однако, каким будет новый мировой порядок, и какую роль в нем будет играть экономический рост Китая, остается под вопросом. Возрастающая роль Китая в Индо-Тихоокеанском регионе представляет угрозу в формировании в данном регионе биполярной модели Китай–США. Китай имеет преимущество перед США в части обеспеченности ресурсами, экономическом потенциале, численности населения и территории, военной мощи, политической стабильности и компетентности.²³³

В системе «крайне неравномерной многополярности»²³⁴ Индия будет искать союзы с теми, кто поможет сбалансировать экономическую, технологическую и военную мощь Китая. Поводом для этого послужил военный конфликт в Ладакхе в 2020 году, который обострил отношения между Дели и Пекином, но и подтолкнул Индию к укреплению связей с США и другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Но дело не только в Китае. Сотрудничество с Америкой дает Индии и рычаг воздействия на Пакистан, партнера Китая, и любые дополнительные угрозы здесь способны изменить расклад сил в регионе. Кроме того, Индия вместе с Японией и Австралией уже действует против Китая в рамках QUAD и AUKUS.

В переходную эпоху становления нового мирового порядка Индия предпочитает не замыкаться в одном блоке, а поддерживать множественные связи. Россия остается для нее ключевым партнером в сфере обороны. В перспективе Москва может помочь Индии отстаивать интересы в Афганистане, Центральной и Западной Азии. Обе страны уже состоят в незападных многосторонних структурах БРИКС и ШОС, что укрепляет их партнерство.

²³³ На основании расчетов, представленных в Asia Power Index 2021, Соединенные Штаты считаются самой мощной страной в Азии, поскольку они превосходят другие страны по восьми показателям мощи. Несмотря на экономическое доминирование Китая и его влияние на азиатские экономики через взаимозависимости, он не так силен, как США с точки зрения обычных военных возможностей, устойчивости к потенциальным угрозам, будущих ресурсов, оборонных сетей, дипломатического влияния и культурного влияния. Следовательно, Соединенные Штаты занимают лидирующую позицию в регионе, а Китай занимает второе место, согласно индексу

²³⁴ Rodrik, D., Walt, S. How to Construct a New Global Order [Электронный ресурс] / D. Rodrik, S. Walt // HKS Faculty Research Working Paper Series, RWP21-013. 2021. Май. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/how-construct-new-global-order> (дата обращения: 01.08.2025).

Однако укрепление отношений России с Китаем и обмен новейшими оборонными технологиями вызывает обеспокоенность у Индии. Это сближение, с одной стороны, ослабляет влияние России на других региональных игроков, с другой стороны усиливает ее зависимость от Китая. Индия и Россия становятся более тесно связанными с двумя противостоящими державами США и Китаем, что создает еще больше условий для расхождения. Таким образом, США стали для Индии необходимым партнером, сдерживающим гегемонию Китая в регионе, тогда как Россия осталась желаемым партнером. В эпоху неравномерной многополярности Индия сталкивается с политическим вызовом как средняя держава, которая зависит от множества союзов для продвижения своих национальных интересов. Если способность России уравнивать Китай в ключевых регионах, представляющих интерес для Индии, снизится из-за сокращения мощности и зависимости от Китая, существует вероятность возникновения расхождений между двумя стратегическими партнерами, вызванных сдвигами в международной системе.

Сегодня ни БРИКС, ни ШОС не представляют единого альтернативного видения для решения кризисов или коллективного решения проблем регионального или глобального значения, хотя их называют незападными группировками, которые будут играть важную роль в формировании будущего мирового порядка. По сути, Индия и Россия выразили свое предпочтение многополярному глобальному порядку, но текущая ситуация «крайне неравномерной многополярности» сделала для них сложной задачей управления неопределенностью, связанной с такой системой, учитывая их ограниченные возможности. Индии и России не хватает как коллективной силы, чтобы создать сбалансированный многополярный порядок, так и общего восприятия угрозы, чтобы действовать согласованно эффективно для продвижения своих национальных интересов.

Видение Турции. В современной геополитической динамике Турецкая Республика последовательно трансформирует собственную внешнеполитическую роль от регионального центра влияния к самостоятельному актору,

претендующему на участие в выработке правил формирующегося мирового порядка. Турецкое руководство исходит из того, что прежняя западнцентричная модель глобального управления утрачивает способность эффективно реагировать на международные кризисы, а система принятия решений в ключевых институтах, прежде всего в Совете Безопасности ООН, не отражает реального распределения политического, экономического и демографического веса современных центров силы.

В этом контексте программная формула Р.Т. Эрдогана «мир больше пяти» выступает не только критикой структуры Совета Безопасности ООН, но и выражением турецкого представления о необходимости более справедливого, инклюзивного и представительного международного порядка.²³⁵ В статье «Ключ к процветанию Евразии: Тюркский мир», Эрдоган вновь связывает эту формулу с критикой сохраняющейся несправедливости глобальной системы и подчеркивает, что международный порядок продолжает проходить серьезную проверку на устойчивость в условиях региональных конфликтов, энергетической нестабильности, финансовой волатильности и геополитической конфронтации.²³⁶

Данное видение не сводится к отрицанию существующих международных институтов. Напротив, Турция стремится не демонтировать институциональную основу международного порядка, а изменить баланс влияния внутри нее, добиваясь расширения представительства незападных акторов и усиления роли региональных держав.

В официальной характеристике внешней политики Турции подчеркивается, что в условиях «Века Турции» Анкара намерена проводить самостоятельную, инициативную и многовекторную политику, ориентированную на укрепление регионального мира, расширение дипломатической активности и повышение роли

²³⁵ Erdoğan R. T. A Fairer World is Possible: A Proposed Model for a United Nations Reform. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. 216 p. URL: <https://www.amazon.com/Fairer-World-Possible-Proposed-Nations/dp/6257548195> (дата обращения: 17.05.2026).

²³⁶ Эрдоган Р. Т. Ключ к процветанию Евразии: Тюркский мир // Kazinform. 2026. 14 мая. URL: <https://www.inform.kz/ru/klyuch-k-miru-v-evrazii-tyurkskiy-mir-c75627c7> (дата обращения: 17.05.2026).

страны в трансформации глобальной системы.²³⁷ Таким образом, турецкое видение нового мирового порядка сочетает реформизм, стратегическую автономию и активное участие в многосторонних форматах.

Идейной основой такого подхода выступает сочетание республиканской традиции суверенной независимости, неоосманского историко-культурного нарратива, пантюркистского измерения и прагматической дипломатии балансирования. В научной литературе внешнеполитическая трансформация Турции нередко связывается с концепцией «стратегической глубины» А. Давутоглу, согласно которой историческое наследие и географическое положение Турции позволяют ей быть не периферийным союзником Запада, а центральным государством, способным одновременно действовать на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе, в Центральной Азии, Средиземноморье и исламском мире.²³⁸

Неоосманизм в данном контексте не следует понимать исключительно как программу восстановления османского политического пространства. В академическом дискурсе он чаще рассматривается как совокупность историко-культурных представлений, через которые Турция стремится легитимировать более активное присутствие в бывших зонах османского влияния и в соседних регионах. Так, М. Ешилташ связывает турецкий поиск «нового международного порядка» с усилением цивилизационного дискурса и политикой восстановления, в рамках которой Анкара переосмысляет свое положение в мировой политике не только геополитически, но и культурно.²³⁹ В этой логике Турция стремится конвертировать свое османское и тюркское наследие в современные инструменты дипломатического, экономического, культурного и институционального влияния.

Особое место в турецком видении мирового порядка занимает тюркское направление. В экспертной литературе оно нередко интерпретируется через

²³⁷ Национальная внешняя политика в «Бек Турции»: обзор = National Foreign Policy in the «Century of Türkiye»: A Synopsis // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

²³⁸ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s. URL: <https://www.kureyayinlari.com/stratejik-derinlik> (дата обращения: 17.05.2026).

²³⁹ Yeşiltaş M. Turkey's Quest for a «New International Order»: The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration // Perceptions: Journal of International Affairs. 2014. Vol. 19, № 4. P. 43–76. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/48963/624625> (дата обращения: 17.05.2026).

категории пантюркизма или проекта «Великого Турана». Однако в официальных документах Турции и Организации тюркских государств используется более нейтральный понятийный аппарат: «тюркский мир», «тюркское сотрудничество», «общая тюркская идентичность», «солидарность» и «многостороннее взаимодействие».²⁴⁰ Такая терминологическая рамка позволяет Анкаре избегать прямого ревизионистского позиционирования и одновременно формировать вокруг себя сеть государств, связанных историко-культурной, языковой и цивилизационной близостью. В документе «Видение тюркского мира — 2040» подчеркивается значение общей истории, языка, культуры и традиций, но одновременно фиксируется приверженность Уставу ООН, суверенному равенству, территориальной целостности и нерушимости международно признанных границ. Следовательно, тюркское направление внешней политики Турции следует рассматривать не как официально провозглашенный проект территориального переустройства, а как механизм региональной консолидации и повышения субъектности Анкары в полицентричном мировом порядке.

Институциональным выражением этого курса выступает Организация тюркских государств. Ее развитие демонстрирует стремление Турции превратить культурно-историческую общность тюркских народов в устойчивую платформу политического, экономического, транспортно-логистического, образовательного и гуманитарного взаимодействия. В этом смысле ОТГ укрепляет влияние Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе, расширяет возможности участия в евразийских транспортных коридорах, усиливает символический статус Турции как одного из центров тюркского мира и создает дополнительный канал взаимодействия с незападными акторами. При этом возможное вовлечение иных государств, обсуждаемое в экспертной среде, следует трактовать не как прямое доказательство реализации проекта «Великого Турана», а как проявление гибкости

²⁴⁰ См.: *Turkic World Vision – 2040*: adopted at the 8th Summit of the Organization of Turkic States, Istanbul, 12 November 2021 // Organization of Turkic States. URL: <https://turkicstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 17.05.2026); Organization of Turkic States (OTS) // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turk-konseyi-en-en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

турецкой дипломатии и стремления использовать ОТГ в качестве дополнительного инструмента евразийского позиционирования.

Наряду с тюркским направлением важным элементом внешнеполитической самоидентификации Анкары остается ее роль в исламском мире. Турция стремится позиционировать себя как государство, способное говорить от имени более широкого незападного сообщества, апеллируя к проблемам справедливости, развития, гуманитарной безопасности и неравноправного представительства мусульманских стран в глобальном управлении. В статье министра иностранных дел Х. Фидана о роли Организации исламского сотрудничества подчеркивается, что Турция выступает за укрепление солидарности ОИС, превращение ее в более действенный механизм партнерства и повышение вклада исламских стран в обеспечение мира и безопасности.²⁴¹ Тем самым исламское направление дополняет тюркское, формируя более широкую цивилизационно-региональную рамку турецкого видения нового мирового порядка.

Практическое измерение данного подхода особенно отчетливо проявилось в позиции Турции по украинскому конфликту. Анкара не присоединилась к логике жесткого блокового размежевания, сохранив взаимодействие как с Украиной, так и с Россией. С одной стороны, Турция поддерживает территориальную целостность Украины, развивает с ней военно-техническое и дипломатическое сотрудничество и не признает изменения международно признанных границ. С другой стороны, она сохраняет политический диалог с Россией, не разрывает экономические связи и выступает против такой конфронтационной модели, которая исключала бы возможность переговорного урегулирования. Подобная позиция отражает не ситуативную двойственность, а более широкую стратегию автономного балансирования, в рамках которой Турция стремится быть не объектом давления со стороны крупных держав, а самостоятельным посредником между конфликтующими сторонами.

²⁴¹ Fidan H. The OIC in a Transforming World: Türkiye's Vision for a More Active and Unified Islamic Cooperation // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2025. 20 June. URL: <https://www.mfa.gov.tr/article-by-minister-of-foreign-affairs-hakan-fidan-titled-the-oic-in-a-transforming-world-turkiye-s-vision.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

Посредническая активность Турции по украинскому направлению стала одним из наиболее значимых примеров ее претензии на роль актора нового мирового порядка. Именно в Стамбуле в 2022 г. проходили российско-украинские переговоры, позднее Турция участвовала в содействии обменов пленными и гуманитарным контактам, а также совместно с ООН сыграла ключевую роль в запуске Черноморской зерновой инициативы. Значение этой инициативы выходило за рамки двустороннего российско-украинского контекста, поскольку она была связана с проблемой глобальной продовольственной безопасности и интересами стран Глобального Юга.

В интервью Reuters в апреле 2025 г. Х. Фидан подчеркивал значение дипломатических усилий Турции и ее готовность способствовать переговорному процессу.²⁴² В январе 2026 г. он также указывал, что потенциальное мирное соглашение между Россией и Украиной будет иметь более широкий международный эффект, затрагивая отношения России с Европой и США, экономические связи, торговлю и вопросы безопасности.²⁴³ Это позволяет рассматривать турецкое посредничество не только как отдельный дипломатический трек, но и как элемент более широкой турецкой стратегии участия в переустройстве регионального и глобального баланса. Через участие в переговорных форматах, гуманитарных обменах и обеспечении продовольственной безопасности Турция демонстрирует, что новый мировой порядок должен строиться не только вокруг великих держав, но и вокруг активных региональных акторов, обладающих дипломатической гибкостью, каналами коммуникации и способностью работать с различными центрами силы.

Таким образом, турецкое видение нового мирового порядка имеет многослойный характер. Оно включает требование реформы глобального управления, стремление к более справедливому представительству незападных

²⁴² Interview of H. E. Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Reuters, 4 April 2025 // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2025. 4 Apr. URL: <https://www.mfa.gov.tr/interview-of-he-hakan-fidan--minister-of-foreign-affairs--reuters--4-april-2025.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

²⁴³ Fidan H. Interview of H. E. Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Al Jazeera English, 29 January 2026 // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2026. 29 Jan. URL: <https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-hakan-fidan-in-al-jazeera-english-e-verdigi-mulakat-29-ocak-2026.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

акторов, укрепление стратегической автономии, институционализацию тюркского пространства, активизацию исламского направления и использование посреднической дипломатии как инструмента международного позиционирования. Турция не предлагает универсального проекта нового мирового порядка, сопоставимого по масштабу с китайской или западной нормативной моделью, однако стремится занять в нем место самостоятельного актора. Ее внешнеполитическая стратегия направлена на то, чтобы в условиях полицентричности выступать самостоятельным участником формирования новых правил, балансов и институтов международного взаимодействия.

Для более наглядного представления различий между подходами ведущих государств и регионов к формированию нового мирового порядка в исследовании представлена сравнительная таблица.

Таблица 2. Сравнительный анализ видения нового мирового порядка ключевых акторов мировой политики

Актор	Видение мирового порядка	Фактически продвигаемый мировой порядок	Ключевые инструменты
Россия	Справедливый и устойчивый многополярный мировой порядок, основанный на суверенном равенстве, международном праве, неделимости безопасности, культурно-цивилизационном многообразии и центральной роли ООН.	Многополярный, полицентричный , при котором Россия стремится закрепить как самостоятельный центр силы и одновременно развивать альтернативные институты глобального управления.	ООН, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, энергетическая дипломатия, военно-политические инструменты, партнерство со странами Глобального Юга, развитие альтернативных финансовых и логистических механизмов.

Китай	Формирование «сообщества единой судьбы человечества», развитие более справедливого глобального управления, отказ от гегемонии и поддержка многополярности.	Китаецентричный многосторонний мировой порядок , при котором Китай выступает одним из главных центров силы и предлагает собственные экономические, инфраструктурные и институциональные механизмы.	Инициатива «Один пояс, один путь», БРИКС, ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инфраструктурная дипломатия, торгово-инвестиционные связи, технологическая экспансия.
Индия	Многополярный мировой порядок, стратегическая автономия, усиление роли Глобального Юга и реформирование международных институтов.	Балансирующий многополярный мировой порядок , при котором Индия стремится стать самостоятельным центром силы, не входя жестко ни в западный, ни в китайский блок.	G20, БРИКС, ШОС, QUAD, двусторонние партнерства с Россией, США, ЕС, Японией, странами Глобального Юга, технологическое и демографическое преимущество.
Африканский союз	Справедливый, инклюзивный и деколонизированный мировой порядок с равным представительством Африки в глобальном управлении.	Многополярный мировой порядок , при котором Африка стремится перейти от положения объекта внешней политики крупных держав к роли самостоятельного субъекта мировой политики.	Африканский союз, региональные организации, БРИКС+, партнерства с Россией, Китаем, ЕС и США, инфраструктурные проекты, сырьевой и демографический потенциал.
Латинская Америка	Многополярность, региональная автономия, усиление роли Бразилии и региональных	Двойной сценарий: многополярный мировой порядок с Бразилией как региональным полюсом либо полицентричный	СЕЛАК, МЕРКОСУР, БРИКС через участие Бразилии, региональная интеграция, сырьевой, аграрный и

	объединений, снижение зависимости от США.	мировой порядок , где лидерство распределяется между Бразилией, Мексикой, Аргентиной, Чили, Колумбией и другими странами.	демографический потенциал, дипломатия Юг — Юг.
Турция	Многополярный мировой порядок, критика западной монополии, усиление роли Турции как самостоятельного регионально-глобального актора.	Многополярный мировой порядок , при котором Турция стремится занять место самостоятельного узла влияния между Западом, Евразией, Ближним Востоком и тюркским миром.	НАТО, Организация тюркских государств, посредническая дипломатия, оборонная промышленность, энергетические и транспортные коридоры, исламское и тюркское направления внешней политики.
Европейский союз	Многосторонний мировой порядок, основанный на международном праве, правах человека, демократии, устойчивом развитии и европейских нормативных стандартах.	Порядок, основанных на правилах , при котором ЕС стремится распространять собственные правовые, экономические, климатические, цифровые и гуманитарные стандарты как универсальные.	Санкции, торговые соглашения, соглашения об ассоциации, климатическое регулирование, цифровые стандарты, помощь развитию, Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС.
США	Сохранение « порядка, основанного на правилах », лидерство демократических государств и поддержание руководящей роли США в мировой политике.	Однополярный мировой порядок , при котором США стремятся сохранить лидерство через систему союзов, санкции, военное присутствие, технологический контроль	НАТО, AUKUS, QUAD, двусторонние военно-политические союзы, санкционные режимы, экспортный контроль, долларовая система, технологические ограничения.

		и долларовую финансовую систему.	
--	--	----------------------------------	--

Источник: составлено автором

Выводы по первой главе

1. Современный мировой порядок формируется как сложная динамическая система, регулируемая совокупностью норм, принципов и институтов. Его структура определяется как формальными институтами, так и неформальными практиками, эволюционирующими в условиях изменения глобального баланса сил. В политологической науке выделяется несколько моделей мирового порядка: однополярный мир, униполярный мир, биполярный мир, многополярный мир, полицентричный мир, многосторонний мир, бесполярный мир и мир, основанный на правилах. Однако четкие критерии разграничения данных категорий отсутствуют, что приводит к терминологической неоднозначности в академических исследованиях. В контексте текущей трансформации международной системы наиболее маловероятными сценариями представляются сохранение однополярности и реализация модели, основанной на универсальных правилах. В то же время возрастает вероятность формирования биполярной или многополярной конфигурации. Наибольшие перспективы, согласно анализу современных тенденций, имеют биполярная и многополярная модели, предполагающие распределение влияния между несколькими центрами силы.

2. Ключевые акторы глобальной политики демонстрируют разные подходы к конструированию будущего мироустройства. **Соединенные Штаты Америки**, стремясь сохранить гегемонию, продвигают концепцию мира, основанного на правилах, направленную на институционализацию норм, выгодных Вашингтону. **Европейский союз** акцентирует необходимость многосторонности, однако в рамках ценностной повестки, сформированной западными демократиями. **Китайская Народная**

Республика предлагает модель «сообщества единой судьбы человечества», которая, несмотря на риторику инклюзивности, фактически предполагает усиление роли КНР как системообразующего центра. **Латинская Америка** во главе с Бразилией разделяет с Россией приверженность многополярности, однако существует вероятность формирования в Латинской Америке полицентричного мира с элементами гетерархической системы, где лидерские позиции будут распределены между несколькими странами региона. **Африканские страны** в составе Африканского союза поддерживают продвигаемые Россией принципы мирового порядка: справедливый многополярный мир без глобальной гегемонии, с уважением к цивилизационному и политическому многообразию, к праву государств самим выбирать модели развития. **Индия**, как и Россия выразила свое предпочтение многополярному глобальному порядку, но текущая ситуация «крайне неравномерной многополярности» сделала для нее сложной задачу управления неопределенностью, связанной с такой системой. **Российская Федерация** выступает за многополярную систему международных отношений, базирующуюся на принципах суверенного равенства, взаимного уважения и кооперации, ориентированной на достижение коллективной безопасности и устойчивого развития. Однако в российском политическом дискурсе часто синонимично используются понятия полицентричного и многополярного миров. Разработка этих и ряда других теоретических вопросов будет способствовать определению более четкой позиции России по вопросу политики в отношении формирования нового мирового порядка. **Турецкая Республика** поддерживает многополярную систему международных отношений и позиционирует страну как независимый полюс в формирующемся многополярном мире. Турция выступает за активное участие в международных отношениях и со временем может стать актором мировой политики, оказывающим влияние на формирование нового мирового порядка.

3. Сопоставление представленных подходов с российским видением нового мирового порядка позволяет классифицировать рассматриваемых акторов по степени совпадения с позицией России. В качестве критериев такого сопоставления могут быть использованы отношение к многополярности, принципу суверенного равенства государств, реформированию международных институтов и западноцентричной модели глобального управления. Наибольшая степень содержательного совпадения с российским подходом наблюдается у Китая, а также у ряда государств Африки и значительной части стран Латинской Америки. Их позиции объединяет критика гегемонистских практик, поддержка многополярности, признание суверенного равенства государств и стремление к более справедливому представительству стран Глобального Юга в международных институтах. Вместе с тем данное совпадение не является полным. Китай, выступая самостоятельным глобальным центром силы, стремится к расширению собственной экономико-институциональной роли, тогда как африканские и латиноамериканские государства отличаются высокой внутренней неоднородностью и не всегда формируют единую внешнеполитическую линию. Частичное совпадение с российским подходом характерно для Индии и Турции. Оба актора поддерживают идею более сбалансированного мирового порядка и стремятся к стратегической автономии. Индия проводит политику балансирования между ведущими центрами силы, а Турция сохраняет институциональную связь с НАТО и конкурирует с Россией в отдельных региональных пространствах. Ограниченное совпадение наблюдается в подходе Европейского союза. Оно проявляется преимущественно на уровне признания значимости многосторонних институтов и международно-правового регулирования. Подход ЕС предполагает распространение европейских регуляторных, правовых и политических стандартов, что существенно ограничивает его совместимость с российским пониманием многополярности. Наиболее выраженное противоречие выявляется с подходом США, ориентированным

на сохранение американского лидерства, поддержание западноцентричной институциональной архитектуры и продвижение концепции «порядка, основанного на правилах». Данный подход вступает в противоречие с российской установкой на многополярность, суверенное равенство и отказ от гегемонии в международных отношениях. Таким образом, вокруг России не формируется единый блок государств, полностью разделяющих ее видение нового мирового порядка. Более корректно говорить о многоуровневой конфигурации совпадающих, частично совпадающих, ограниченно совместимых и конфликтующих подходов. Такая дифференциация имеет прикладное значение для внешнеполитической деятельности России и позволяет определить направления углубления взаимодействия с близкими акторами, выстраивания гибких форматов сотрудничества с балансирующими государствами и разработки механизмов противодействия тем моделям мирового порядка, которые направлены на сохранение западноцентричной системы глобального управления.

Глава 2. Состояние и перспективы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка

2.1. Современное состояние, успехи и проблемы во внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка

Для более точной оценки внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка необходимо предварительно отделить ее от более широкого понятия внешней политики. Внешняя политика задает систему целей, принципов и приоритетов государства во внешней среде, тогда как внешнеполитическая деятельность представляет собой практическую сторону их реализации: совокупность решений, институтов, переговорных действий, международно-правовых инициатив, экономических, военно-стратегических, информационных и гуманитарных практик, посредством которых государство стремится изменить, поддержать или адаптировать внешнюю среду в соответствии со своими национальными интересами.²⁴⁴

В рамках настоящего исследования внешнеполитическая деятельность России понимается как институционально организованная и концептуально обоснованная активность государства, направленная на укрепление суверенитета, обеспечение безопасности, создание благоприятных внешних условий развития и участие в выработке норм, принципов и институтов мирового порядка.

Механизмы внешнеполитической деятельности России представляют собой систему государственных институтов, правовых процедур и практических действий, через которые внешнеполитический курс превращается в конкретные решения. Главный институциональный механизм включает деятельность Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства РФ, Совета Безопасности РФ, Министерства иностранных дел РФ и других федеральных органов исполнительной власти. МИД России является ключевым органом, обеспечивающим выработку и реализацию государственной политики в сфере

²⁴⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

международных отношений²⁴⁵. Федеральное Собрание участвует в законодательном обеспечении внешней политики, включая ратификацию международных договоров. Порядок заключения, выполнения, прекращения и приостановления международных договоров регулируется Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации»²⁴⁶

Инструменты внешнеполитической деятельности России не сводятся к классической дипломатии. Их целесообразно рассматривать как сочетание «жестких», «мягких» и смешанных инструментов. К «жестким» относятся военная мощь, ядерное сдерживание, оборонно-промышленный потенциал, военно-техническое сотрудничество, контрсанкционные меры, энергетические и ресурсные рычаги. Они обеспечивают пределы допустимого внешнего давления и задают для партнеров и оппонентов материальную цену конфронтационного курса. К «мягким» инструментам относятся культура, спорт, образование, русский язык, работа с соотечественниками, научные обмены, публичная дипломатия, гуманитарные проекты, медийное присутствие и ценностная повестка. Между ними располагаются геоэкономические и институциональные инструменты: расчеты в национальных валютах, транспортные коридоры, технологическое сотрудничество, альтернативные финансовые механизмы, формирование новых площадок согласования интересов, ведение переговоров.²⁴⁷

Публичная дипломатия в этой системе перестала быть только вспомогательным каналом культурного присутствия и стала одним из способов объяснения российской позиции в условиях информационной конфронтации. Ее содержание включает продвижение русского языка и российского образования, работу Россотрудничества и «Русских домов», поддержку соотечественников, международные молодежные, экспертные, научные и культурные мероприятия, а

²⁴⁵ Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 865 : ред. от 05.11.2025// КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518202/ (дата обращения: 26.05.2026).

²⁴⁶ О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ : ред. от 08.12.2020 // Конституционный Суд Российской Федерации: URL: <https://www.ksrf.ru/about/legalbases/IContracts/> (дата обращения: 26.05.2026).

²⁴⁷

также формирование устойчивых коммуникаций с обществами стран Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом закрепляет эту линию через задачи сохранения культурно-цивилизационной самобытности, расширения гуманитарного сотрудничества и укрепления объективного восприятия России за рубежом.²⁴⁸

Каналами реализации внешнеполитической деятельности выступают не только межгосударственные переговоры. В современной российской практике они включают универсальные площадки, прежде всего ООН и Совет Безопасности ООН; региональные и межрегиональные объединения, такие как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС; форматы диалога со странами Африки, Латинской Америки, исламского мира и АСЕАН; парламентскую дипломатию; экспертные и деловые форумы; коммуникацию через образовательные, культурные и информационные сети. Именно множественность каналов позволяет России компенсировать сужение западного направления и переносить акцент с отношений с ограниченным кругом государств на более широкую систему связей с незападными центрами силы.

Концептуальная основа современной российской внешней политики строится вокруг нескольких взаимодополняющих идей, отраженных в Концепции внешней политики Российской Федерации. Многополярность задает желаемую структуру международной системы, многосторонность описывает способ согласования интересов, суверенное равенство выступает нормативным основанием, цивилизационное многообразие легитимирует право государств и обществ на собственную модель развития. В практическом измерении эти установки получают выражение через «поворот на Восток»²⁴⁹, «поворот на

²⁴⁸ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: утв. Указом Президента РФ от 05.09.2022 № 611 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁴⁹ Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16. URL:

Глобальный Юг»²⁵⁰, обращение к категории «мирового большинства»²⁵¹ и продвижение идеи Большого Евразийского партнерства. Эти концепты не являются полностью тождественными, но в российском дискурсе они работают как элементы единой логики ухода от западнцентричной модели регулирования и создания более распределенной архитектуры международного взаимодействия.

«Поворот на Восток» следует понимать не только как географическую переориентацию внешней торговли и дипломатических контактов. Его смысл заключается во включении России в растущую систему азиатских экономических, технологических, логистических и финансовых связей, где значение имеют Китай, Индия, страны АСЕАН, Иран, арабские государства Персидского залива и другие партнеры. После 2014 г. этот курс стал ответом на ухудшение отношений с Западом, а после 2022 г. приобрел характер ускоренной адаптации к санкционному давлению. При этом «поворот на Восток» не отменяет многовекторность, поскольку именно незападные рынки и политические площадки становятся главным пространством для компенсации ограничений на европейском направлении.

«Поворот на Глобальный Юг» не совпадает полностью с поворотом на Восток, хотя оба направления тесно связаны. Если «поворот на Восток» концентрирует внимание на азиатском измерении российской политики и на включении России в экономическую, инфраструктурную и политическую динамику Азии, то «поворот на Глобальный Юг» шире по географии и по смыслу. Он охватывает отношения со странами Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, а также предполагает работу с теми государствами, которые заинтересованы в большей автономии от западных центров силы. В этой логике «Глобальный Юг» обозначает прежде всего совокупность регионов, исторически

https://www.imemo.ru/index.php?file=https%3A%2F%2Fwww.imemo.ru%2Ffiles%2FFile%2Fmagazines%2Fmeimo%2F04_2023%2F02-TORKUNOV.pdf&page_id=1248 (дата обращения: 19.05.2026).

²⁵⁰ Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Разворот России на Глобальный Юг как фактор ее регионального развития // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 6. С. 110-130. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06. URL: <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.06> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁵¹ Силаев Н.Ю. Граждане мирового большинства // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 47-66. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/grazhdane-mirovogo-bolshinstva/> (дата обращения: 19.05.2026).

находившихся в периферийном положении по отношению к западным центрам экономической и политической силы, тогда как «мировое большинство» имеет более политизированный смысл, подчеркивает растущий запрос значительной части государств на суверенный выбор, невмешательство, отказ от неоколониальных практик и более справедливое представительство в глобальном управлении. Для России апелляция к мировому большинству позволяет представить собственную линию не как изолированное противостояние с Западом, а как часть более широкого процесса перераспределения влияния в международной системе.

Идея «Большой Евразии», или «Большого Евразийского партнерства», занимает в этой конструкции особое место. Она связывает географическое положение России, евразийскую интеграцию, транспортно-логистические проекты, энергетическое сотрудничество, ШОС, ЕАЭС, СНГ и сопряжение с инициативами азиатских партнеров. Если «поворот на Восток» описывает направление движения, то «Большая Евразия» задает пространственную рамку, в которой Россия стремится быть не периферией азиатского роста, а одним из центров принятия решений. Транспортный коридор «Север — Юг», Северный морской путь, каспийское направление, а также ЕАЭС с другими интеграционными проектами обладают не только экономической, но и политической значимостью. Они выступают в качестве инфраструктурного базиса для формирования нового мирового порядка, создавая альтернативные логистические и институциональные связи между незападными центрами силы.

Специальная военная операция стала одним из ключевых факторов, радикально изменивших условия внешнеполитической деятельности России. Сам факт начала СВО привел к резкому обострению отношений России с США, ЕС и НАТО, расширению санкционной политики, сокращению каналов политического диалога с западными государствами и ускорению процессов военно-политической консолидации западного блока. Одновременно СВО повысила значение незападных направлений, сделала антисанкционную повестку одним из постоянных направлений российской дипломатии и усилила связь между внешней

политикой, технологическим суверенитетом, финансовой устойчивостью и информационной безопасностью.²⁵²

Санкционная политика западных государств является не только внешним ограничителем, но и фактором, на который Россия вынуждена отвечать набором институциональных и геоэкономических решений, среди которых переориентация экспортных потоков, развитие расчетов в национальных валютах, создание альтернативных логистических маршрутов, расширение сотрудничества с партнерами по БРИКС, ШОС, ЕАЭС. В этом смысле санкции парадоксальным образом ускорили формирование тех практик, которые в российской логике рассматриваются как элементы нового мирового порядка: снижение зависимости от западных финансовых институтов, укрепление региональных связей, расширение технологической кооперации вне прежних центров и политизация вопроса о допустимости односторонних ограничительных мер.

Отдельного рассмотрения требует ядерный фактор. Для России он является не только элементом оборонной политики, но и важнейшим параметром ее положения в мировой иерархии. Статус одной из крупнейших ядерных держав, постоянное членство в Совете Безопасности ООН и участие в режимах контроля над вооружениями традиционно обеспечивали Москве роль участника решений по вопросам стратегической стабильности. После 2022 г. деградация прежней архитектуры контроля над вооружениями и рост прямого военно-политического противостояния с НАТО усилили значение ядерного сдерживания как «жесткого» инструмента внешнеполитического позиционирования. При этом в официальных документах ядерное сдерживание описывается как оборонительная политика, направленная на предотвращение агрессии и недопущение эскалации военного конфликта до уровней, угрожающих существованию государства.²⁵³

²⁵² Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2022. 24 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 19.05.2026).

²⁵³ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента РФ от 19.11.2024 № 991 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 19 ноября. URL: <https://rg.ru/documents/2024/11/19/prezident-ukaz991-site-dok.html> (дата обращения: 19.05.2026).

Эволюция участия России в международных организациях также показывает переход от преимущественно адаптационной линии к линии институционального переустройства. Ее целесообразно представить в виде трех этапов. **Первый этап**, охватывающий 1990-е - начало 2000-х гг., был связан с попыткой закрепить статус России внутри уже сложившихся универсальных и евроатлантических механизмов и использовать международные организации как канал возвращения в систему глобального управления. **Второй этап**, с середины 2000-х гг. до 2021 г., характеризовался нарастающей критикой асимметрии западного влияния и постепенным усилением незападных форматов, в Концепции внешней политики 2016 г. уже фиксировалось сокращение возможностей исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике, а также смещение потенциала мирового развития в Азиатско-Тихоокеанский регион.²⁵⁴ **Третий этап**, начавшийся после 2022 г., связан с переходом к более активному институциональному строительству вне западнцентричных контуров. В Концепции 2023 г. эта логика получила более жесткое оформление через приоритет формирования справедливого и устойчивого мироустройства, углубление связей с дружественными суверенными центрами силы и концентрацию усилий на перспективных географических векторах сотрудничества.²⁵⁵ В связи с этим после 2022 г. участие в ООН сохраняет значение как пространство легитимации и правовой аргументации, но приоритет практического институционального строительства все заметнее смещается в сторону БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, форматов Россия - Африка, Россия - исламский мир, а также двусторонних стратегических партнерств. Практическим выражением этой линии стали, в частности, документы БРИКС и ШОС, закрепляющие повестку укрепления многосторонности, суверенного равенства, безопасности и реформирования

²⁵⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30.11.2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 19.05.2026).

²⁵⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/print> (дата обращения: 19.05.2026).

глобального управления.²⁵⁶ Следовательно, речь идет не об отказе от международных организаций, а о перераспределении их значимости. Универсальные институты используются для защиты принципов и публичной фиксации позиции, а незападные объединения для создания новых практик сотрудничества.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность России по формированию нового мирового порядка должна рассматриваться как **многоуровневая система**. Ее концептуальный уровень образуют представления о многополярности, суверенном равенстве, мировом большинстве и Большой Евразии. Институциональный уровень связан с ООН, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и региональными диалоговыми форматами. Инструментальный уровень включает дипломатию, право, экономику, безопасность, публичную дипломатию, гуманитарное сотрудничество и стратегическое сдерживание. Факторный уровень задают СВО, санкционное давление, деградация прежних режимов контроля над вооружениями, формирование новых блоковых и квазиблоковых структур, а также рост субъектности незападных государств. Только при таком понимании последующий анализ внешнеполитических итогов МИД России может быть представлен не как перечень событий, а как материал для оценки того, насколько заявленные концепции превращаются в устойчивую практику. В обобщенном виде авторская модель представлена в схеме 1.

Схема 1. Авторская многоуровневая модель анализа внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка

Уровень модели	Содержание уровня	Механизмы и инструменты	Каналы реализации и ожидаемый результат
Концептуальный	Многополярность, суверенное равенство, поворот на Восток, поворот на Глобальный Юг,	Документы стратегического планирования, президентский и дипломатический	Закрепление образа желаемого мироустройства и легитимация российской позиции в

²⁵⁶ Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (Казань, 23 октября 2024 г.) [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).

	мировое большинство, Большая Евразия, цивилизационное многообразие.	дискурс, формирование нормативных инициатив.	международной среде.
Институциональный	ООН, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, АТЭС, Группа двадцати, форматы Россия - Африка, Россия - исламский мир.	Саммитная и переговорная дипломатия, декларации, резолюции, договорная практика, рабочие группы и координационные механизмы.	Создание и укрепление площадок, через которые принципы многополярности переводятся в устойчивые форматы сотрудничества.
Инструментальный	«Жесткие», «мягкие» и смешанные инструменты внешнеполитического воздействия.	Ядерное и стратегическое сдерживание, военно-техническое сотрудничество, антисанкционные меры, энергетика, расчеты в национальных валютах, публичная дипломатия, образование, культура, русский язык.	Практическое продвижение интересов России, снижение зависимости от западных институтов, расширение гуманитарного и геоэкономического присутствия.
Факторный	СВО, санкционная политика, деградация контроля над вооружениями, новые блоковые и квазиблоковые структуры, рост субъектности незападных государств.	Адаптация внешнеполитических приоритетов, переориентация торгово-логистических связей, усиление стратегического сдерживания, развитие альтернативных финансовых и инфраструктурных решений.	Определение ограничений, рисков и возможностей российской внешнеполитической деятельности в условиях трансформации мирового порядка.

Составлена автором.

Представленная схема фиксирует авторский аналитический подход, в котором внешнеполитические итоги рассматриваются не как сумма отдельных дипломатических событий, а как система практик, посредством которых концепты многополярности, поворота на Восток, поворота на Глобальный Юг, мирового большинства, Большой Евразии и суверенного равенства переводятся в институциональные, геоэкономические, гуманитарные и военно-стратегические действия.

В контексте активного участия России в формировании новой архитектуры мирового порядка особую актуальность приобретает проблема терминологической четкости при описании процессов трансформации мирового порядка. Анализ

ключевых стратегических документов России и выступлений представителей внешнеполитических ведомств свидетельствует о необходимости уточнения терминологического аппарата, используемого при описании процессов мирового порядка.

Так, в российском внешнеполитическом дискурсе наблюдается смешение понятий «мировой порядок» и «мировое устройство», а также нечеткое разграничение между терминами «многополярность», «многосторонность», «полицентричность». В академической среде подобная синонимизация не всегда уместна, поскольку каждое из этих понятий несет специфическую смысловую нагрузку.

Анализ ключевых документов российской внешней политики позволяет выявить эволюцию терминологического аппарата, отражающую сдвиги в официальном дискурсе. В этих документах наблюдается не только количественное увеличение упоминаний ключевых концептов, но и их смысловое переосмысление, что свидетельствует о динамике внешнеполитической стратегии России в условиях трансформации международной системы. Терминологические сдвиги в российских стратегических документах отражают не только адаптацию к меняющейся международной среде, но и попытку концептуально обосновать новую роль России как «архитектора» постзападного мира. Однако нечеткость в разграничении ключевых понятий может затруднять их операционализацию в практической дипломатии.

Вместе с тем упоминание данной терминологии в публичных выступлениях Президента России, представителей МИД России также свидетельствует о необходимости четкого разграничения ключевых понятий, касающихся формирования нового мирового порядка. Так, ивент-анализ выступлений Президента России В. В. Путина и Министра иностранных дел С.В. Лаврова выявляет упоминание многополярного, полицентричного миропорядка и многосторонности в контексте выступлений о принципах построения новой системы международных отношений и роли России в формировании нового мирового порядка (Приложение №1).

Анализ выступлений ключевых лиц государства, отвечающих за внешнеполитическую стратегию, за период с 2000 по 2025 год демонстрирует последовательную эволюцию дискурса о структуре международных отношений, отражающую как изменения глобального ландшафта, так и стратегические приоритеты российской внешней политики.

В ранний период президентства Путина ключевым нарративом стала критика однополярной модели, доминирующей после распада СССР. Апогеем этой риторики стала Мюнхенская речь 2007 года, где впервые прозвучал тезис о необходимости полицентричного миропорядка²⁵⁷. Этот термин, введенный в международный дискурс, подчеркивал не только неприемлемость гегемонии США, но и структурную неизбежность распределения власти между несколькими центрами силы. На данном этапе концепция носила преимущественно декларативный характер, фокусируясь на идеологическом противопоставлении.

В выступлениях С. В. Лаврова многополярность рассматривалась как естественный исторический процесс, отражающий культурно-цивилизационное многообразие мира, а критика западной политики, хотя и присутствовала, носила скорее декларативный характер, фокусируясь на двойных стандартах в применении норм международного права.

В 2010-х годах акцент сместился в сторону многополярности, причем ее обоснование стало опираться на международное право и принцип суверенитета. Россия позиционировала себя как защитника мира, основанного на коллективных решениях.²⁵⁸

После 2022 года в центре внимания оказалась «многосторонность» – как практический механизм формирования альтернативных экономических и политических структур в контексте развития БРИКС, ШОС, ЕАЭС. В выступлениях на площадках, ориентированных на «Глобальный Юг», в частности, на площадке БРИКС, В. В. Путин акцентировал необходимость создания

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 28 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/US/events/50385> (дата обращения: 01.08.2025).

независимых платежных систем и пересмотра роли международных организаций.²⁵⁹

Таким образом, терминология в выступлениях Президента России В. В. Путина и С. В. Лаврова отражает адаптацию России к меняющемуся миропорядку. Данный анализ позволяет прогнозировать дальнейшее усиление акцента на многосторонние форматы как ключевые элементы новой международной архитектуры, в которой Россия стремится занять роль одного из системообразующих центров.

В условиях трансформации международной системы и формирования нового мирового порядка перед Россией стоит стратегическая задача не просто участвовать в этом процессе, но и выступать одним из его ключевых архитекторов. Для достижения этой цели необходимо последовательное укрепление геополитического статуса государства.

Геополитический статус государства имеет свою структуру и включает ряд элементов, таких как: пространственно-географическая характеристика, политическая составляющая (в том числе военно-политическая), геочивилизационная составляющая, экономико-технологическая составляющая, ресурсная составляющая, демографическая составляющая (потенциал), обороноспособность, внешнеполитическое позиционирование, внешнеполитические амбиции, геополитические приоритеты, представления о своей миссии в регионе / мире, информационно-репутационный ресурс²⁶⁰.

Ключевые стратегические преимущества России, формирующие ее геополитический статус в условиях современных международных вызовов, включают:

1. Пространственно-географический потенциал, учитывая евразийское положение. Россия выступает связующим звеном между Востоком и Западом,

²⁵⁹ Путин заявил о создании в рамках БРИКС независимой платежной системы [Электронный ресурс] // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/666303049a7947f4cse492f4> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁶⁰ Киселев С.Г. Геополитический статус государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2. (855). С. 9-15.

контролируя важнейшие транспортные коридоры, включая Северный морской путь.

2. Геоцивилизационная уникальность. Россия позиционируется как самостоятельное «государство-цивилизация». Концепция «Русского мира» подчеркивает способность гармонизировать интересы многонационального населения, сохраняя внутреннюю стабильность и внешнее культурное влияние.

3. Экономико-технологическая составляющая. Санкционное давление стимулирует курс на технологический суверенитет, реализуемый через федеральные программы (например, «Передовые инженерные школы») и увеличение финансирования НИОКР.

4. Природно-ресурсный сегмент геополитического статуса. Контроль над 50% мировых природных ресурсов и энергоносителями Евразии обеспечивает России роль ключевого поставщика сырья, усиливая ее переговорные позиции в условиях глобальной конкуренции.

5. Обороноспособность. Участие в ОДКБ и ШОС укрепляет региональную безопасность, а наличие ядерного арсенала и модернизация вооружений сохраняют статус глобальной военной державы.

В контексте современных международных отношений процесс формирования геополитического статуса Российской Федерации характеризуется комплексом взаимосвязанных элементов, развитие которых сопряжено с рядом системных вызовов и противоречий. Анализ текущего состояния данного процесса позволяет выделить следующие ключевые составляющие, определяющие позиционирование России в структуре глобальной политики.

Геоцивилизационная уникальность. Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации, характеризующийся нарастанием межгосударственных противоречий, кризисом миропорядка и усилением культурно-цивилизационной идентичности. В этом контексте цивилизационный подход, разработанный О. Шпенглером²⁶¹, Н. Я.

²⁶¹ Там же.

Данилевским²⁶², А. Тойнби²⁶³ и развитый С. Хантингтоном²⁶⁴, приобретает новую аналитическую ценность, предлагая альтернативную парадигму понимания глобальных процессов.

Цивилизационный подход как методологическая парадигма политического анализа акцентирует внимание на роли культурно-исторических факторов в формировании политических систем. Согласно концепции С. Хантингтона, изложенной в работе «Столкновение цивилизаций», цивилизация представляет собой высшую культурную общность, объединяющую народы на основе религии, истории, языка и традиций. Хантингтон выделяет 9 цивилизаций (западная, православная, латиноамериканская, африканская, исламская, индуистская, буддистская, китайская, японская), где границы между ними становятся линиями потенциальных конфликтов. Хантингтон относит Россию к православной цивилизации, отмечая ее как геополитический центр силы, защитника традиционных ценностей.

В рамках цивилизационной парадигмы С. Хантингтона можно рассмотреть украинский кризис как цивилизационный феномен²⁶⁵. С. Хантингтон определяет Украину как государство, расположенное на линии цивилизационного разлома, отделяющей Запад от православия. Исторически территории Западной Украины входили в состав Польского королевства, Великого княжества Литовского и Австро-Венгерской империи. Этот фактор обусловил доминирование униатской церкви в западных областях, которая, сохраняя православную обрядность, признает верховенство Римского Папы. Для данного региона также характерны преимущественное использование украинского языка и выраженная национально-ориентированная идентичность. В противоположность этому, население Восточной Украины исторически интегрировано в православную культурную традицию с превалированием русского языка как средства коммуникации.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Скалепов А.Н. Тектоника украинского кризиса. М.: Проспект, 2023. С.32.

Автор в своей статье «Столкновение цивилизаций?»²⁶⁶ выделил три потенциальных сценария развития российско-украинских отношений, каждый из которых отражает сложное взаимодействие исторических, культурных и геополитических факторов:

1. Эскалация межгосударственного конфликта по вопросам ядерного оружия, статуса Крыма и территориальной целостности, правам русских на Украине;

2. Цивилизационный раскол Украины по линии разлома, то есть на униатскую и православную цивилизации, и тогда православная часть Украины будет тянуться к России, а униатская к Западу.

3. Сохранение единства при многовекторности: наиболее вероятный вариант, по мнению С. Хантингтона, это, когда «Украина останется единой, останется расколотой, останется независимой и в целом будет тесно сотрудничать с Россией».

С. Хантингтон уточнил свой прогноз в вышедшей в 1996 г. книге «Столкновение цивилизаций», предложив три сценарных варианта будущего развития Украины:

1. Вооруженный конфликт между украинцами и русскими;

2. Государственный раскол по линии цивилизационного разлома с последующим присоединением восточной части к России. При этом жизнеспособность оставшегося униатского и прозападного анклава, по мнению автора, будет обусловлена масштабной западной поддержкой, возможной лишь в контексте значительного ухудшения отношений между Россией и Западом;

3. Сохранение Украины как единого, но внутренне расколотого и независимого государства, поддерживающего тесное сотрудничество с Россией. Такие отношения, по аналогии с франко-германским ядром в Западной Европе, могли бы стать основой консолидации православного мира.

Цивилизационный подход сохраняет значительную объяснительную силу в условиях кризиса традиционных парадигм международных отношений. Его прогностический потенциал особенно важен для анализа долгосрочных тенденций,

²⁶⁶ Huntington S. P. The clash of the civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, n 3. P. 22-49.

хотя требует дополнения другими теоретическими подходами для комплексного понимания современных вызовов.

Н. Н. Моисеев развивал идею цивилизационной идентичности России «Русская цивилизация вмещает в себя черты и Запада и Востока – техногенна и традиционна, коллективна и индивидуалистична одновременно. Причем Россия – не симбиоз Запада и Востока, а нечто совершенно самостоятельное»²⁶⁷. Многие черты его работ об исключительности и совершенстве каждой цивилизации мы сейчас находим в китайской концепции единой судьбы человечества, которая провозглашает необходимость сосуществования всех цивилизаций, каждая из которых обладает своей культурой, идентичностью, исторической памятью.

Н. Я. Данилевский в своих трудах обосновывает дилемму, стоящую перед Россией: либо сформировать самостоятельный культурно-исторический тип в союзе с другими славянскими народами, создав всеславянское объединение, либо утратить свою культурно-историческую значимость, превратившись в этнографический материал. Согласно его концепции, Россия призвана занять ведущее положение в истории, возглавив особую политическую систему государств, что позволит ей выступать в качестве противовеса европейскому влиянию. Предполагаемый славянский союз, обеспечивая суверенитет славянских народов и их продуктивное взаимодействие, не представлял бы угрозы для чьей-либо независимости или законных интересов. Его ключевой функцией стало бы сдерживание экспансии Европы, стремящейся к глобальному доминированию. Рассматривая критерии цивилизации, Данилевский выделяет четыре фундаментальных направления деятельности: религиозное, культурное, политическое и социально-экономическое. Исходя из этого, он делает вывод о потенциале России в формировании четырехосновной славянской цивилизации, опираясь на имеющиеся в стране предпосылки²⁶⁸.

Опираясь на цивилизационную теорию, Россия позиционирует себя в качестве ядра цивилизационной общности Русского мира и границы русского мира

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

шире государственных границ. В связи с этим уделяется особое внимание формированию единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств – участников СНГ, сохранению многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств.²⁶⁹

В концепции внешней политики Россия обозначена в качестве самобытного государства–цивилизации, что определяет ее как одного из суверенных центров мирового развития²⁷⁰.

Россия активно использует цивилизационный подход при выстраивании отношений со странами СНГ, что находит отражение в официальных документах и публичной риторике. Инструментами реализации данной стратегии выступают инфраструктурные, транспортно-энергетические, инвестиционные проекты, создание совместных научно-образовательных центров. России следует обращать внимание на сотрудничество в контексте близости культурного кода и подбирать стратегии, позволяющие выстраивать отношения с другими цивилизациями, исходя из их цивилизационных аспектов.

Экономико-технологическая составляющая. В Российской Федерации технологическое развитие является приоритетным направлением государственной политики. Однако обострение геополитической конъюнктуры и сопутствующие антироссийские санкционные меры, включая ограничения на трансфер технологий, выявили структурные уязвимости в системе научно-технологического обеспечения страны.

Исходя из концепции баланса сил, оказывать влияние на формирование нового мирового порядка могут те государства, которые имеют достаточную экономическую мощь и влияние, в связи с этим зачастую поднимается вопрос и о технологическом суверенитете. Технологии сегодня – это ключ к мировому лидерству. И если по доли ВВП Россия сегодня входит в топ–4 экономики мира²⁷¹,

²⁶⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. ст. 2406.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ МВФ признал Россию четвертой экономикой мира [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/6717ac329a79478792f175ec> (дата обращения: 01.08.2025).

то по технологическому развитию, в соответствии с Глобальным инновационным индексом (ГИИ, Global Innovation Index, GII), который ранжирует мировые экономики в соответствии с их инновационными усилиями – только на 59 месте, США в данном рейтинге на 3–м месте, Китай –11.²⁷²

Стоит отметить, что высокие технологии не воспроизводятся, и одним из проявлений экономической деградации является невозможность развития высоких технологий.

Вместе с тем, Дмитрий Песков, спецпредставитель президента России по вопросам цифрового и технологического развития, назвал «островизацию» – основным трендом ближайшего десятилетия, когда мир разделится на крупные технико-экономические блоки, произойдет перезагрузка глобальных технологических рынков, национализация техстандартов, релокализация производства критических товаров.²⁷³

Россия стремится к достижению технологического суверенитета в соответствии со Стратегией научно-технологического развития.²⁷⁴

Кроме того, принята Концепция технологического развития на период до 2030 года²⁷⁵, функционирует Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»²⁷⁶. С 2022 г. Минобрнауки России реализует федеральный проект «Передовые инженерные школы».²⁷⁷

В рамках Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 года выявляет комплекс системных вызовов, препятствующих достижению

²⁷² Global Innovation Index 2024 rankings [Электронный ресурс] // World Intellectual Property Organization (WIPO). – URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000_Global_Innovation_Index_2024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

²⁷³ Спецпредставитель президента России Дмитрий Песков назвал в качестве наиболее вероятного сценария развития для страны «островизацию» [Электронный ресурс] // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/06/2022/62a0bb419a79471aefb3cc5e (дата обращения: 01.08.2025).

²⁷⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. ст. 1373.

²⁷⁵ Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р // Собрание законодательства РФ. 2023. N 22. ст. 3964.

²⁷⁶ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно–технологическое развитие Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 377 // Собрание законодательства РФ. 2019. N 15 (часть III). ст. 1750.

²⁷⁷ Валерий Фальков: Первые 30 передовых инженерных школ переходят на новый качественный уровень развития [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/97466/> (дата обращения: 01.08.2025)

технологического суверенитета и конкурентоспособности на глобальном уровне²⁷⁸. Ключевой проблемой остается структурное отставание от ведущих экономик в темпах инновационного роста, обусловленное слабой мотивацией бизнеса к разработке и внедрению новых технологий, хроническим дефицитом инвестиций в НИОКР, а также зависимостью от импорта критических технологий и комплектующих. Низкая доля инновационной продукции в экспорте (5% против 15% в ЕС), минимальные объемы венчурного финансирования (в 11–43 раза ниже показателей ОЭСР) и снижение числа патентных заявок вдвое свидетельствуют о неэффективности прежней модели развития, основанной на сырьевом экспорте и заимствовании зарубежных решений. Усугубляет ситуацию массовая миграция высококвалифицированных кадров, вызванная недостаточным финансированием науки, устареванием инфраструктуры и низкой оплатой труда, что подрывает научно-технологический потенциал страны.

Текущий этап технологической трансформации, следующий за неудачными попытками создания национальной инновационной системы в 2000-х годах, характеризуется сохранением критических дисбалансов: расходы на исследования не превышают 1,1% ВВП, численность научных кадров сократилась на четверть, а уровень инновационной активности бизнеса остается на отметке 9–11%. Введение санкционных ограничений привело к разрывам производственных цепочек, затруднению доступа к иностранным патентам и оборудованию, а также к сокращению масштабов международной кооперации.

В основе концепции лежит необходимость перехода к модели технологического суверенитета. Данная модель предполагает развитие критических и сквозных технологий (микроэлектроника, энергетика, биотехнологии) под национальным контролем. Достижение этой цели требует структурных изменений в институциональной среде, включая создание технологических холдингов на базе вузов, формирование исследовательских консорциумов для мегапроектов, поддержку малых инновационных компаний и

²⁷⁸ Там же.

внедрение механизмов трансфера технологий. Государство выступает основным драйвером преобразований через финансирование высокорисковых проектов, модернизацию образовательной системы, развитие испытательной инфраструктуры.

Важное место в стратегии занимает укрепление международного сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС, БРИКС и двусторонних форматов. Приоритетными направлениями здесь являются совместные исследовательские и опытно-конструкторские работы, унификация стандартов и привлечение иностранных специалистов. Успех перечисленных мер напрямую зависит от способности преодолеть сырьевую зависимость экономики, повысить инвестиционную привлекательность НИОКР и создать условия для коммерциализации научных достижений. Только системная модернизация институтов с концентрацией ресурсов на приоритетных направлениях позволит России интегрироваться в глобальные технологические цепочки и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность в условиях возрастающих геоэкономических рисков.

Демографический фактор, наряду с природно-ресурсным капиталом, составляет неотъемлемый элемент ресурсного потенциала государства и фундаментальную основу его геополитического позиционирования. В отличие от экономических или технологических показателей, демографические тренды обладают значительной инерционностью, что придает им характер объективной исторической силы, медленно, но неуклонно трансформирующей архитектуру мирового порядка²⁷⁹. Ключевым проявлением этой трансформации является нарастающий демографический дисбаланс между растущими регионами Глобального Юга и стареющими обществами Глобального Севера, что ведет к перераспределению не только человеческого, но и, как следствие, экономического и военно-политического потенциалов в международной системе. Многомерное влияние демографии пронизывает все сферы: от экономической

²⁷⁹ Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок в демографическом аспекте // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 50–76

конкурентоспособности и возможностей по комплектованию вооруженных сил до внутренней социально-политической сплоченности, которая подвергается трансформации в условиях миграции и изменения этнокультурного ландшафта.

Достаточная численность и качественные характеристики населения выступают ключевым условием сохранения территориальной целостности и суверенитета. Антропогенный потенциал включает количественные параметры, качественные показатели, такие как здоровье, образование, а также структурные особенности и пространственное распределение популяции. Российская демографическая политика, регламентированная Концепцией до 2025 года, ориентирована на стабилизацию численности населения с последующим ростом до 145 млн к 2025 г. и повышение продолжительности жизни до 75 лет²⁸⁰. Ее реализация уточнена Планом мероприятий на 2021–2025 гг.²⁸¹ Приоритет семейных ценностей подчеркнут объявлением 2024 года «Годом семьи» в РФ.²⁸²

Согласно исследованию Агеева А. И., Золотаревой О. А. «Демографическая политика в России: оценка результативности. Вопросы статистики» Россия переживает вторую волну депопуляции, начавшуюся в 2016–2017 гг., характеризующуюся устойчивой естественной убылью населения. Эта ситуация рассматривается как угроза социально-экономическому развитию и национальной безопасности.²⁸³ Ключевые структурные барьеры для роста рождаемости: неблагоприятная возрастная структура и «старение» рождаемости. Демографическая структура населения характеризуется как регрессивная (стареющая). На этом фоне наблюдается критическое сокращение численности женщин в активном репродуктивном возрасте (25–34 года) и низкий уровень

²⁸⁰ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. ст. 5009.

²⁸¹ План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 2580–р от 16 сентября 2021 г. // Собрание законодательства РФ. 2021. N 39. ст. 6751.

²⁸² О проведении в Российской Федерации Года семьи: указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 48. ст. 8560.

²⁸³ Агеев А.И., Золотарева О.А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. №30(2). 53.

замещения поколений — через пять лет он составит 78,8%. Кроме того, зафиксировано устойчивое смещение модального возраста материнства: за 15 лет он увеличился более чем на 5 лет. Если в 2008 году максимум рождаемости приходился на группу 20–24 года, то впоследствии он переместился сначала на 25–29 лет, а к 2019 году — на 30–34 года.

Одновременно с этим действует устойчивая поведенческая тенденция к откладыванию деторождений, что исследователи связывают с импортом западных поведенческих моделей. Эффективность государственных мер поддержки остается ограниченной. Так, введение федерального материнского капитала (2007 г.) дало положительный, но краткосрочный эффект: суммарный коэффициент рождаемости (СКР) вырос до 1,777 в 2015 году, после чего последовал спад. Корреляционный анализ не выявил значимой связи уровня рождаемости в регионах с наличием регионального материнского капитала ($r = 0,255$) и со среднедушевыми доходами населения ($r = 0,027$). Наибольшую, хотя и слабую, положительную корреляцию демонстрируют регулярные выплаты при рождении третьего и последующих детей ($r = 0,375$). Значимость этого механизма объясняется высокой долей малоимущих среди семей с детьми — в 2020 году она достигла 80,8%.

Проведенное исследование констатирует низкую результативность текущей демографической политики РФ в условиях структурных ограничений и устойчивых негативных поведенческих трендов. Для преодоления кризиса требуется фундаментальный пересмотр концептуальных основ политики, ее целей и инструментов, смещение фокуса на обеспечение долгосрочной демографической стабильности как основы национальной безопасности.

В качестве инструментов формирования актуальной демографической политики можно выделить необходимость разработки комплекса документов стратегического планирования (Доктрина демографической безопасности, Концепция, Стратегия), четко разграничивающих цели и средства. Вместе с тем требуется разработка специфических мер для борьбы с устойчивой тенденцией «откладывания рождений», не зависящей от материальных факторов и обеспечение

демографической стабильности как краеугольного элемента национальной безопасности.

В целях определения роли России в формировании нового мирового порядка автор рассматривает ключевые аспекты геоэкономической стратегии России, а также связанные с ней вызовы и перспективы в условиях трансформации глобальной экономической парадигмы.

Т.В. Карадже определяет геоэкономические стратегии как «искусство достижения политических целей преимущественно долгосрочными экономическими методами перераспределения ресурсов и мирового дохода, созданием конкурентноспособных региональных условий хозяйствования»²⁸⁴

Россия активно продвигает отказ от доллара и евро в международных расчетах, усиливая использование рубля и валют партнеров. Это направление поддерживается созданием альтернативных платежных систем, таких как СПФС, расширением расчетов в национальных валютах в рамках ЕАЭС. Санкционное давление и заморозка резервов ускорили процесс снижения зависимости от западных финансовых инструментов, что соответствует стратегии укрепления экономического суверенитета.²⁸⁵

Россия сохраняет статус ключевого игрока на мировом рынке энергоресурсов, обеспечивая треть глобального прироста спроса на газ. В среднесрочной перспективе спрос на углеводороды поддерживается ростом экономик Индо–тихоокеанского региона. Стратегический акцент делается на перераспределении энергопоставок в соответствии с геополитическими интересами, включая переориентацию на азиатские рынки. В долгосрочной перспективе ожидается снижение спроса на углеводороды. В связи с этим Россия заявляет о необходимости развития научно-технического потенциала в сфере возобновляемой энергетики, водородных технологий и атомной энергетики.

²⁸⁴ Карадже Т.В. Методологические аспекты политической науки: Геоэкономический подход как методология анализа глобального мира. М., 2011. С. 163.

²⁸⁵ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2902.

Успешность геоэкономической стратегии страны определяется способностью преодолеть три группы ограничений. Во-первых, это сохраняющаяся зависимость от сырьевого экспорта. Во-вторых, технологическое отставание от лидеров. В-третьих, ограниченность альтернативных финансовых систем. В качестве возможных путей решения можно выделить диверсификацию энергетического экспорта за счет водородной и атомной энергетики, участие в евразийских интеграционных проектах (ШОС, ЕАЭС), а также сотрудничество со странами Индо-Тихоокеанского региона. Эти пути развития позволят России усилить влияние при формировании многополярной финансовой архитектуры и снизить зависимость от западных институтов, осуществить переход к инновационной модели в рамках достижения технологического суверенитета, что требует значительных инвестиций в НИОКР, модернизацию инфраструктуры и подготовку кадров.

Геоэкономическая стратегия России сочетает краткосрочные выгоды от сырьевой модели с долгосрочными целями технологической модернизации и финансовой независимости. Основными проблемами остаются преодоление сырьевой зависимости и ускорение инновационного развития. При условии успешной реализации заявленных направлений, включая интеграцию в альтернативные финансовые системы и диверсификацию энергетического экспорта, Россия сможет сохранить свое влияние в условиях глобальной трансформации мирового порядка.

Укрепление геополитического статуса следует рассматривать лишь как первый этап реализации стратегических интересов государства. Следующая задача заключается в **выстраивании системной внешнеполитической деятельности, нацеленной на активное участие России в определении архитектуры будущего миропорядка.**

С этой целью необходимо не только формировать внешнеполитическую повестку и последовательно продвигать ключевые инициативы на международной арене, но и проводить комплексный анализ как достигнутых результатов, так и основных препятствий, с которыми сталкивается реализация внешнеполитических

инициатив, влияющих на становление нового мирового порядка. В качестве эмпирической базы для оценки практической реализации обозначенных механизмов ниже используются ежегодные внешнеполитические итоги, публикуемые МИД России. Однако эти материалы рассматриваются не как самостоятельная хроника событий, а как источник для выявления устойчивых направлений, инструментов и ограничений российской внешнеполитической деятельности. Поскольку внешнеполитическая повестка была существенно трансформирована после начала специальной военной операции, в данной работе анализируются внешнеполитические итоги МИД России начиная с 2022 года.

По итогам отчета за 2022 год ключевые направления внешнеполитической деятельности России включают укрепление консолидированного евразийского пространства в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, подготовку основ новой архитектуры безопасности в Евразии, укрепление сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС, включая экономическую интеграцию, антикризисные меры и продвижение многополярного мирового порядка, а также расширение гуманитарной дипломатии.²⁸⁶

Системные усилия по продвижению внешнеполитических инициатив привели к институциональным успехам, таким как расширение ШОС после вступления Ирана, усиление роли БРИКС, рост торговли в ЕАЭС на 12%. Среди дипломатических успехов можно выделить компенсацию попыток изоляции России на западном направлении укреплением связей с Азией, Ближним Востоком и Африкой.

В отчете также отмечается успех усилий по трансформации идеологических установок и формирование антиколониальной повестки в ООН совместно с продвижением идей многополярного мирового порядка.

Среди проблем, с которыми сталкивается Россия на международной арене, выделяются попытки международной изоляции и ограничение влияния в европейских и трансатлантических структурах вследствие конфронтации со

²⁸⁶ Основные внешнеполитические итоги 2022 года [Электронный ресурс] // Дипломатическая академия МИД России. URL: <https://dipacademy.ru/press/osnovnye-vneshnepoliticheskie-itogi-2022-goda/> (дата обращения: 01.08.2025).

странами коллективного Запада и ее усиления после начала специальной военной операции на Украине, экономические риски и необходимость переориентации экспорта и логистических цепочек из-за санкционного давления, развитие региональных конфликтов в Закавказье между Арменией и Азербайджаном, в Сирии и вокруг иранской ядерной программы.

Отчет по итогам 2023 года уже претерпел некоторую трансформацию.

Согласно данным отчета внешнеполитическая деятельность Российской Федерации осуществлялась в условиях затяжного противостояния с государствами «коллективного Запада» и усиливающейся глобальной турбулентности. В этих условиях ключевыми векторами российской дипломатии стали обеспечение политико-дипломатического сопровождения специальной военной операции, продвижение концепции многополярного мира и углубление взаимодействия с так называемым «Мировым большинством» — государствами Азии, Африки, Латинской Америки и других регионов, не вовлеченными в санкционную конфронтацию.²⁸⁷

К числу важнейших успехов относится утверждение новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, где зафиксирована установка на формирование справедливого многополярного мироустройства. Россия продемонстрировала способность к адаптации и активизации дипломатической активности в условиях усилившегося давления со стороны коллективного Запада. Особенно заметными стали успехи на южном и восточном векторах: значительно укрепились связи с государствами Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, что выразилось как в росте товарооборота (например, с Китаем – свыше 230 млрд долларов, с Индией – свыше 54 млрд), так и в подписании ряда соглашений о торговле, безопасности и инвестициях.

Выделяются достижения в рамках интеграционных форматов с участием России. В рамках ЕАЭС принята долгосрочная декларация о развитии

²⁸⁷ Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1923985 (дата обращения: 01.08.2025).

экономической интеграции, подписано соглашение о зоне свободной торговли с Ираном. ШОС и БРИКС расширили свое влияние: Иран стал полноправным членом ШОС, а БРИКС был расширен за счет шести новых стран. В рамках ОДКБ активизировано обсуждение безопасности на евразийском пространстве. На постсоветском направлении углубилось взаимодействие с Белоруссией, включая подписание соглашений по безопасности и взаимному признанию виз.

Заметен прогресс в развитии отношений с Китаем, Индией, Ираном, странами АСЕАН, Турцией и арабскими государствами Персидского залива, а также в укреплении контактов со странами Африки, что подтверждает растущее влияние России как глобального игрока. Второй Саммит Россия–Африка, проведение парламентской конференции «Россия – Латинская Америка», активизация работы с ОПЕК+ также служат доказательством высокой дипломатической активности.

Одновременно с этим сохраняются и нарастают проблемы, связанные с противодействием западной политике санкций, дипломатической изоляции и военно-политического давления. США и ЕС продолжают курс на стратегическое сдерживание России, в том числе через расширение НАТО и милитаризацию восточного фланга Европы. В этих условиях Россия приостановила участие в ключевых международных соглашениях в сфере контроля над вооружениями, что свидетельствует о деградации прежней системы международной безопасности.

В гуманитарной области расширяются квоты для обучения иностранных студентов, учреждено Международное движение русофилов, проводятся конференции соотечественников и форумы, посвященные традиционным ценностям. Тем не менее сохраняются трудности с продвижением культурно-гуманитарного присутствия России в странах, которые придерживаются недружественного политического курса. Дополнительный вызов связан с необходимостью компенсировать экономические и технологические потери в условиях санкционного давления и ограниченного доступа к западным рынкам и технологиям.

Согласно последнему отчету, внешнеполитическая деятельность России в 2024 году охватывала идеологическую, военно-стратегическую, экономическую и гуманитарную сферы. Ключевой инициативой стало продвижение идеи о формировании архитектуры неделимой безопасности в Евразии. В рамках этого направления Россия добилась согласования подходов по вопросам безопасности в СНГ и Союзном государстве, заключила соглашения с Белоруссией и КНДР о взаимных гарантиях на случай агрессии, а также приняла Концепцию безопасности Союзного государства.²⁸⁸

Параллельно развивались проекты в сфере транспортной и логистической связанности в рамках концепции Большой Евразии. В их числе реализация международного транспортного коридора «Север–Юг», создание новых особых экономических зон, запуск Каспийского кластера, а также углубление энергетического и промышленного сотрудничества с рядом азиатских стран.

Отдельное направление составила антиколониальная повестка. Россия выступила инициатором международного форума против неокOLONиализма, который получил поддержку более чем 50 стран. Кроме того, была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 14 декабря Международным днем борьбы с колониализмом.

Еще одним стратегическим направлением стала активизация связей с глобальным Югом, включая Китай, Индию, Иран, страны Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Внешнеполитическая повестка России строилась также на укреплении сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и СНГ, где продвигались как экономические, так и гуманитарные инициативы.

Однако на фоне значительных достижений внешняя политика России сталкивалась и с серьезными проблемами. Продолжалась политика международного давления со стороны Запада, выражающаяся в санкционной

²⁸⁸ Евразийская экономическая интеграция [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1989553 (дата обращения: 01.08.2025).

изоляции, информационных атаках и попытках навязать Москве односторонние подходы к решению конфликтов.

Кризис вокруг Украины сохраняется как наиболее острый и непреодоленный элемент международной повестки, несмотря на усилия России по продвижению собственной трактовки первопричин конфликта и дипломатического пути его урегулирования. Длительное противостояние с Западом сопряжено с высокими затратами для внешнеполитического и экономического аппарата страны, что усугубляется необходимостью одновременного ведения активной политики на десятках направлений. Кроме того, несмотря на рост связей с Мировым большинством, формализация ряда соглашений остается на предварительном уровне и требует дальнейшего наполнения конкретным содержанием.

Ключевыми направлениями внешнеполитической активности России в 2025 году стали дальнейшее укрепление евразийской безопасности²⁸⁹, углубление взаимодействия в рамках БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и СНГ, активизация дипломатии в странах Африки²⁹⁰, Латинской Америки²⁹¹ и Юго-Восточной Азии²⁹², а также продвижение антиколониальной и антинеоколониальной повестки на глобальном уровне. Особое внимание уделяется развитию стратегических инфраструктурных связей в рамках Большой Евразии — был завершён важнейший этап модернизации транспортного коридора «Север–Юг»²⁹³, расширен функционал

²⁸⁹ Итоги заседания Евразийского экономического совета 23 мая 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-23-maya-2025-goda/> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁰ Африка на ПМЭФ-2025: новый мировой порядок [Электронный ресурс] // Asia24. URL: <https://asia24.media/news/afrika-na-pmef-2025-novyy-mirovoy-poryadok-perspektivnyy-dialog-dlya-millionov-grazhdan/> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹¹ Россия и Латинская Америка: в поисках новых форм сотрудничества [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. URL: <https://opr.ru/news/rossiya-i-latinskaya-amerika-v-poiskakh-novykh-form-sotrudnichestva> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹² Юго-Восточная Азия и Россия: в поисках новой взаимосвязанности [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yugo-vostochnaya-aziya-i-rossiya-v-poiskakh-novoy-vzaimosvyazannosti/> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹³ Новости транспортного комплекса РФ [Электронный ресурс] // Министерство транспорта РФ. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11880> (дата обращения: 01.08.2025).

Строительство первых объектов Каспийского кластера в Дагестане [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/stroitelstvo_pervyh_obektov_kaspiyskogo_klastera_v_dagestane_nachnetsya_v_2025_godu.html (дата обращения: 01.08.2025).

Каспийского кластера²⁹⁴, подписаны новые соглашения с государствами Персидского залива и Южной Азии по логистическим, энергетическим и промышленным проектам²⁹⁵. В военно-политической сфере усилилось взаимодействие с Белоруссией и странами ОДКБ по линии совместного реагирования на угрозы, включая кибербезопасность и биологическую защиту.²⁹⁶ На фоне сохраняющейся нестабильности в ряде регионов, Россия предприняла инициативы по посредничеству и предотвращению эскалации, в том числе в контексте обострения в зоне палестино-израильского конфликта и на Ближнем Востоке.²⁹⁷

В условиях затяжного давления со стороны США и ЕС Россия наращивала сотрудничество с азиатскими державами. Было подписано новое стратегическое соглашение с Китаем, охватывающее координацию на уровне Центральных банков, развитие альтернативных платежных механизмов и расширение промышленной кооперации²⁹⁸. Россия укрепила позиции в Индо - Тихоокеанском регионе, в том числе за счет прорывных соглашений с Индонезией²⁹⁹, Вьетнамом³⁰⁰ и Малайзией.³⁰¹ Африканское направление приобрело стратегическое значение: открыты новые посольства и культурные центры³⁰², подписан пакет соглашений со

²⁹⁴ Строительство первых объектов Каспийского кластера в Дагестане [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/stroitelstvo_pervyh_obektov_kaspiyskogo_klastera_v_dagestane_nachnetsya_v_2025_godu.html (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁵ Соглашения о свободной торговле с ОАЭ и Монголией [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/soglasheniya_o_svobodnoy_torgovle_s_oae_i_mongoliey_sekomyat_rossiyskomu_biznesu_poryadka_20_mlrdrublei.html (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁶ Обсуждение деталей совместных учений ОДКБ в Беларуси [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-belarusi-obsuzhdeny-detali-sovmestnykh-ucheniyo-odkb/#loaded (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁷ Палестина: позиция России в ООН [Электронный ресурс] // Постоянное представительство РФ при ООН. – URL: https://russia.un.org/ru/news/palestine_030425 (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁸ Документы саммита БРИКС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁹⁹ Материалы международного форума [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/6351> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁰ Россия и Вьетнам подписали меморандум о сотрудничестве в сфере туризма [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_vietnam_podpisali_memorandum_o_sotrudnichestve_v_sfere_turizma.html (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰¹ Малайзия: актуальные вопросы сотрудничества [Электронный ресурс] // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250514/malayziya-2016705900.html> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰² Исследование по вопросам развития Африки [Электронный ресурс] // Институт Африки РАН. – URL: <https://www.inafran.ru/node/3482> (дата обращения: 01.08.2025).

странами Африканского союза³⁰³, проведены форумы по безопасности, агропромышленному сотрудничеству и гуманитарному взаимодействию. Существенные шаги предприняты для укрепления связей с исламским миром — в рамках инициативы «Россия – исламские страны» активизирован диалог с ОИК, а также реализованы совместные проекты в сфере образования, медицины и цифровых решений.³⁰⁴

Среди главных успехов российской внешней политики в 2025 году необходимо выделить работу над экосистемой взаиморасчетов на базе БРИКС Клим³⁰⁵. Это позволит расширить число стран, подключившихся к альтернативным финансовым каналам, и снизить зависимость от долларовой системы. Россия также добилась реального прогресса в институционализации диалога «Россия – Африка»³⁰⁶ и «Россия – Латинская Америка»³⁰⁷: были созданы постоянные координационные механизмы, активизированы совместные бизнес-советы, разработаны пакеты инфраструктурных и инвестиционных проектов. В сфере гуманитарной дипломатии Россия усилила культурное и образовательное присутствие, расширив сеть Русских домов³⁰⁸, а также запустила новые академические программы совместно с университетами в Индии, Китае, Бразилии и Эфиопии.³⁰⁹

Вместе с тем ряд проблем продолжает оказывать давление на эффективность внешнеполитической деятельности. Конфликт на Украине, несмотря на усилия

³⁰³ Россия-Африка: к общему будущему [Электронный ресурс] // Форум партнерства Россия-Африка. – URL: <https://summitafrica.ru/news/rossija-afrika-k-obschemu-buduschemu-podvedeny-itogi-pervoj-ministerskoj-konferentsii-foruma-partnerstva-rossija-afrika/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁴ Россия и исламский мир: диалог во имя справедливости [Электронный ресурс] // Ислам в современном мире. – URL: <https://eimi.pf/novosti-resursa/item/499-rossiya-i-islamskij-mir-dialog-vo-imya-spravedlivosti-i-mnogopolynosti.html> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁵ Международные экономические форумы [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/mezdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/2038079/ (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁶ Нота бене: актуальные вопросы внешней политики [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – URL: <https://www.mid.ru/ru/nota-bene/2018588/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁷ Поворот России в Азию: новый путеводитель по Латинской Америке [Электронный ресурс] // Russia's Pivot to Asia. – URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/povorot-rossii-v-aziyu-novyy-putevoditel-po-latinskoj-amerike-na-2025-god/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁸ Россотрудничество расширило географию сети партнерских Русских домов [Электронный ресурс] // Россотрудничество. – URL: <https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-rasshirilo-geografiyu-seti-partnerskih-russkih-domov-do-20-stran/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁰⁹ Египетский вуз присоединился к сетевому университету БРИКС [Электронный ресурс] // TV BRICS. – URL: <https://tvbrics.com/news/egipetskiy-vuz-prisoedinihsya-k-setevomu-universitetu-briks/> (дата обращения: 01.08.2025).

Москвы по продвижению мирных инициатив, остается нерешенным и по-прежнему служит основанием для продолжения санкционного и политического давления со стороны западных государств.

Новые ограничения, введенные в сфере высоких технологий и финансов, требуют от России дополнительных усилий по наращиванию импортозамещения и развитию национальных платформ.³¹⁰ На ряде направлений сохранялась инерционность в реализации ранее заключенных соглашений: часть проектов с партнерами из Латинской Америки и Юго-Восточной Азии продвигалась медленно ввиду нестабильной внутренней политической обстановки в этих странах. Участие России в решении региональных конфликтов, включая ближневосточное урегулирование, сопровождалось дипломатическими рисками и необходимостью балансировать между конкурирующими интересами региональных игроков.

Декларация Рио-де-Жанейро БРИКС 2025 г. прямо связала повестку объединения с укреплением сотрудничества Глобального Юга, реформированием глобального управления и расширением представительства развивающихся государств.³¹¹ Документы саммита ШОС в Тяньцзине 2025 г. зафиксировали принятие Стратегии развития ШОС до 2035 г., программы противодействия экстремистской идеологии на 2026-2030 гг., решений по цифровой экономике, энергетике, искусственному интеллекту и поддержке многосторонней торговой системы.³¹² Наконец, документ СМД БРИКС в Нью-Дели от 15 мая 2026 г. подтвердил приверженность БРИКС многополярности, реформе глобального управления, усилению голоса Глобального Юга, развитию трансграничных расчетов и критике односторонних принудительных мер, но одновременно показал пределы консенсуса расширенного объединения, поскольку был оформлен как

³¹⁰ Заседание по вопросам экономического развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/77099> (дата обращения: 01.08.2025).

³¹¹ Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» (Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).

³¹² Перечень документов, подписанных в ходе заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (31 августа - 1 сентября 2025 г., г. Тяньцзинь) [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. URL: <https://rus.sectsco.org/20250901/1958273.html> (дата обращения: 19.05.2026).

заявление председателя и итоговый документ, а не как полноценное совместное заявление³¹³. Следовательно, свежие документы последних двух лет усиливают вывод о росте значения незападных институтов, но требуют учитывать неоднородность интересов их участников.

Основные итоги внешней политики России за период 2022—2025 г.г. представлены в таблице 3.

Таблица 3. Итоги внешней политики России за период 2022—2025 г.г.

Год	Ключевые направления внешней политики	Успехи и достижения	Проблемы и вызовы
2022	- Укрепление ЕАЭС, СНГ, ОДКБ - Развитие сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС - Антиколониальная повестка - Гуманитарная дипломатия	- Рост торговли в ЕАЭС (+12%) - Вступление Ирана в ШОС - Укрепление связей с Азией, Африкой и Ближним Востоком	- Санкции и изоляция - Потеря влияния в Европе - Конфликты в Закавказье, Сирии и вокруг Ирана
2023	- Поддержка СВО на дипломатическом уровне - Продвижение концепции «мирового большинства» - Углубление сотрудничества с Югом	- Обновленная Концепция внешней политики - Рост торговли с Китаем и Индией - Соглашения с Ираном, Белоруссией	- Усиление санкций - Разрыв с ЕС и НАТО - Выход из ДОВСЕ, ДВЗЯИ, СНВ-III
2024	- Продвижение архитектуры неделимой безопасности в Евразии - Развитие коридора «Север–Юг», Каспийского кластера - Антиколониальный форум	- Принятие резолюции ООН (14 декабря — День борьбы с колониализмом) - Соглашения с КНДР, Ираном и арабскими странами	- Кризис вокруг Украины - Давление Запада - Недостаточная реализация соглашений
2025	- Развитие БРИКС+ и ШОС	- Запуск БРИКС Климатического и Совета	- Конфликт на Украине сохраняется

³¹³ Chair's Statement and Outcome Document at BRICS Foreign Ministers' Meeting (May 15, 2026) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs, Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/41144/Chairs+Statement+and+Outcome+Document+at+BRICS+Foreign+Ministers+Meeting+May+15+2026> (accessed: 19.05.2026).

	- Стратегические соглашения с Китаем, странами ЮВА, Африки, исламским миром - Продвижение гуманитарной дипломатии	стратегического планирования - Форумы с Африкой и Латинской Америкой - Академические программы за рубежом	- Новые санкции в технологиях и финансах - Задержки в ряде проектов
--	--	---	--

Составлена автором

Проведенный анализ внешнеполитической деятельности России позволяет сделать вывод, что участие России в формировании нового мирового порядка не сводится к декларативному продвижению идеи многополярности. Автор выделяет основные направления, оказывающие прямое влияние на формирование нового мирового порядка. Эти направления формируют архитектуру многополярности, способствуют деколонизации международных отношений и трансформации глобальной системы управления:

1. Внешняя политика задает систему целей и приоритетов, тогда как внешнеполитическая деятельность выступает механизмом их практического воплощения. Российская линия раскрывается через взаимосвязь концептов, институтов, инструментов и факторов, определяющих пределы их применения.

2. На концептуальном уровне опорными элементами внешнеполитической деятельности России выступают многополярность, суверенное равенство, цивилизационное многообразие, категория «мирового большинства» и идея Большой Евразии. Их значение состоит не только в идеологическом оформлении внешнеполитического курса, но и в формировании языка легитимации, с помощью которого Россия обосновывает необходимость перераспределения влияния в глобальном управлении. На институциональном уровне эта логика выражается в усилении БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и региональных форматов взаимодействия с Азией, Африкой, Латинской Америкой и исламским миром. При этом ООН сохраняет роль пространства правовой

аргументации, тогда как западные площадки все чаще используются для выработки практических режимов сотрудничества.

3. Инструментальный уровень показывает, что формирование нового мирового порядка обеспечивается не только дипломатией, но и геоэкономическими, инфраструктурными, военно-стратегическими и гуманитарными средствами. Расчеты в национальных валютах, транспортные коридоры, энергетические проекты, стратегическое сдерживание, публичная дипломатия, образовательное и культурное присутствие переводят заявленные концепты в материальные и организационные практики. В этом смысле санкционное давление и кризис прежних механизмов безопасности выступают не только ограничителями, но и факторами, ускоряющими поиск альтернативных финансовых, логистических и институциональных решений.

4. Вместе с тем результаты исследования не позволяют трактовать этот процесс как линейный и завершенный. Расширение связей с западными центрами силы, продвижение антиколониальной повестки и развитие евразийских проектов сочетаются с устойчивыми проблемами: кризисом вокруг Украины, санкционным давлением, разрывом с евроатлантическими структурами, деградацией режимов контроля над вооружениями, технологическими и демографическими уязвимостями, а также неоднородностью интересов партнеров по западным объединениям. Отсюда следует, что эффективность российской внешнеполитической деятельности зависит не только от дипломатической активности, но и от внутренней ресурсной базы, технологического суверенитета, демографической устойчивости и способности наполнять соглашения конкретным содержанием.

5. Научная новизна проведенного анализа заключается в том, что внешнеполитическая деятельность России представлена не как сумма отдельных направлений и ежегодных итогов, а как многоуровневый механизм участия государства в трансформации мирового порядка. В этой модели концепты задают смысловую рамку, институты обеспечивают площадки согласования интересов, инструменты переводят цели в практические действия, а факторные ограничения

показывают пределы и условия эффективности. Следовательно, формирование нового мирового порядка в российской практике следует рассматривать как длительный и конкурентный процесс превращения внешнеполитических установок в устойчивые международные практики.

2.2. Приоритетные направления повышения эффективности внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка

Российская Федерация, занимая позицию одного из системообразующих акторов международных отношений, играет ключевую роль в трансформации устаревших моделей глобального управления. Анализ ее стратегических приоритетов в контексте становления нового мирового порядка позволяет прогнозировать сценарии реформирования мировой политики. Практическая значимость исследования заключается в разработке алгоритмов оптимизации дипломатических инструментов России для усиления ее влияния в процессе формирования инклюзивной международной системы.

Современный дискурс о будущем мировом порядке включает конкурирующие концепции. Отсутствие консенсуса среди ведущих держав относительно целевой модели создает пространство для стратегического маневрирования. Российская позиция, отраженная в Концепции внешней политики 2023 г., акцентирует преимущества многополярного мира, предполагающего равноправное взаимодействие суверенных центров силы³¹⁴.

Для реализации данной модели России необходимо систематизировать внешнеполитические действия через призму трех взаимосвязанных элементов: нормы, принципы и институты.

Нормы. Современная международная система переживает не только институциональный, но и нормативный кризис. Его проявлением является разрыв

³¹⁴ Там же.

между формально провозглашенной универсальностью международного права и практикой его избирательного применения. Современная система международных норм демонстрирует ряд системных недостатков, включая отсутствие действенного механизма привлечения к ответственности за нарушение базовых принципов межгосударственного взаимодействия, политизацию оценки правомерности действий государств, блокирование конструктивных инициатив в Совете Безопасности ООН и распространение односторонних ограничительных мер, ошибочно именуемых «санкциями». В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость создания правовых барьеров на пути применения подобных ограничений.³¹⁵ При этом для юридической точности такие меры целесообразно оценивать прежде всего через призму принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, добросовестного выполнения международных обязательств и полномочий Совета Безопасности ООН, а не только через прямую аналогию с запретом угрозы силой или ее применения. Следовательно, проблема односторонних ограничительных мер выходит за рамки двусторонних конфликтов и затрагивает саму способность международного права выполнять функцию общего регулятора, а не инструмента ситуативного давления.

В этой связи авторская постановка проблемы состоит в том, что борьба за нормативное поле не сводится к спору о юридической квалификации отдельных санкционных режимов. Речь идет о более глубоком противоречии между универсалистской природой международного права и практикой его иерархического применения, когда наиболее влиятельные государства стремятся закрепить за собой право определять, какие нормы являются обязательными, а какие могут быть интерпретированы ситуативно. Для преодоления указанного кризиса необходима ревитализация роли ООН, включая повышение эффективности процедур рассмотрения гуманитарных вопросов, развитие механизмов правовой оценки ограничительных мер и укрепление универсальных,

³¹⁵ Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Вадов А. А. Императивы создания правовых барьеров на пути применения односторонних ограничительных мер // Международная жизнь. 2025. № 3. С. 40.

а не коалиционных форм нормотворчества. Именно поэтому российская внешнеполитическая линия в данной сфере должна рассматриваться не только как защитная реакция на внешнее давление, но и как попытка поставить вопрос о перераспределении полномочий по производству и толкованию международных норм.

Для России критика односторонних ограничительных мер является не только реакцией на санкционное давление со стороны западных государств, но и частью более широкой внешнеполитической стратегии. Ее смысл состоит в том, чтобы вернуть вопрос о допустимости подобных мер в универсальное международно-правовое поле, прежде всего в рамки ООН. Российская позиция строится не на предположении о возможности быстрого универсального запрета, а на поэтапном формировании критериев неправомерности экономического, финансового и технологического давления, применяемого в обход коллективных процедур. Такая постановка вопроса позволяет России представить антисанкционную повестку не как узконациональную, а как значимую для широкого круга государств, заинтересованных в защите суверенитета, равноправия и предсказуемости международного регулирования.

Практическое продвижение этой линии осуществляется через несколько взаимосвязанных площадок. В совместном заявлении министров иностранных дел государств - участников СНГ о принципах сотрудничества в обеспечении безопасности в Евразии была зафиксирована недопустимость использования в международных отношениях односторонних ограничительных мер.³¹⁶ Аналогичный подход получил развитие в Казанской декларации БРИКС 2024 г., где подчеркивалось деструктивное воздействие незаконных односторонних принудительных мер на мировую экономику, международную торговлю и

³¹⁶ Совместное заявление министров иностранных дел государств - участников Содружества Независимых Государств о принципах сотрудничества в обеспечении безопасности в Евразии [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.10.2024. URL: https://mid.ru/upload/medialibrary/a0a/mv1w0so1hxoy21ok8qh2cnsputa4zula4/2024-10-24_Безопасность.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

достижение целей устойчивого развития.³¹⁷ В Декларации Рио-де-Жанейро 2025 г. страны БРИКС вновь осудили односторонние принудительные меры, включая вторичные санкции, и связали их последствия с ограничением развития, продовольственной безопасности, здравоохранения и сокращения цифрового разрыва.³¹⁸ В рамках ШОС односторонние санкции и торговые ограничения также рассматриваются как несовместимые с принципами международного права и многосторонней торговой системы.³¹⁹

Значение этих документов заключается не только в декларативном осуждении санкционной практики. Через СНГ, БРИКС и ШОС Россия стремится сформировать альтернативный консенсус по вопросу о допустимых пределах внешнего давления. В западном политико-правовом дискурсе санкции часто представляются как инструмент защиты «порядка, основанного на правилах», а российский подход, напротив, делает акцент на том, что сами правила должны обладать универсальным характером и формироваться в инклюзивных межгосударственных форматах. В соответствии с этим антисанкционная линия России связана не столько с отрицанием международного регулирования как такового, сколько с критикой асимметричного влияния отдельных групп государств на интерпретацию международного права и с попыткой перенести нормотворческую дискуссию на универсальные площадки.

Важной новой вводной 2025 г. стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 79/293, провозгласившей 4 декабря Международным днем борьбы с односторонними принудительными мерами.³²⁰ Содержательное значение этого решения состоит не только в символическом закреплении соответствующей даты,

³¹⁷ Kazan Declaration. Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security [Электронный ресурс] // President of Russia. 23.10.2024. URL:

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/Ro1JrKj0011uNF8W0ME4qkR39cI6XkR0.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).

³¹⁸ Rio de Janeiro Declaration. Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance [Электронный ресурс] // BRICS Brazil 2025. 06.07.2025. URL: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents/250705-brics-leaders-declaration-en.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).

³¹⁹ Совместное коммюнике по итогам двадцать третьего заседания Совета глав правительств государств - членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. 16.10.2024. URL: <https://rus.secsco.org/20241016/1562172.html> (дата обращения: 18.05.2026).

³²⁰ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/293 «Международный день борьбы с односторонними принудительными мерами» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/293> (дата обращения: 18.05.2026).

но и в признании того, что односторонние принудительные меры имеют не только межгосударственное, но и социально-гуманитарное измерение. Через обращение к проблемам развития, продовольственной безопасности, здравоохранения и доступа к технологиям антисанкционная повестка переводится из плоскости узкого политического спора в более широкую сферу защиты принципов справедливого глобального управления.

Вместе с тем данная тенденция не означает автоматического формирования единого антисанкционного блока. Показательным примером стала встреча министров иностранных дел БРИКС в Нью-Дели в мае 2026 г. С одной стороны, в опубликованном документе председателя министры вновь осудили односторонние принудительные меры, противоречащие международному праву. С другой стороны, сама форма документа в виде заявления председателя и итогового документа, а не полноценное совместное заявление, отразила трудности достижения консенсуса по ряду военно-политических вопросов, прежде всего по ситуации на Ближнем Востоке.³²¹ Следовательно, расширение БРИКС усиливает представительность объединения, но одновременно усложняет выработку единой позиции по конфликтным сюжетам. Для российской внешней политики это означает, что опора на незападные форматы создает дополнительные возможности для продвижения нормативной повестки, однако не устраняет проблему различия национальных интересов внутри самих этих объединений.

Дополнительное значение имеет российско-китайское взаимодействие. В совместных подходах Москвы и Пекина последовательно подчеркивается неприемлемость неправомерных односторонних ограничений в торговой и

³²¹ BRICS talks end without joint statement, exposing divisions over war in Iran [Электронный ресурс] // Reuters. 15.05.2026. URL: <https://www.reuters.com/world/china/india-issues-chair-statement-after-brics-meeting-amid-differences-over-gulf-2026-05-15/> (дата обращения: 18.05.2026); BRICS ministers fail to issue a joint statement over differences on conflict in the Middle East [Электронный ресурс] // Associated Press. 15.05.2026. URL: <https://apnews.com/article/c2239256c5f08ad15739fb528a53aedd> (дата обращения: 18.05.2026); Chair's Statement and Outcome Document at BRICS Foreign Ministers' Meeting, May 15, 2026 [Электронный ресурс] // Ministry of External Affairs, Government of India. 15.05.2026. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/41144/Chairs_Statement_and_Outcome_Document_at_BRICS_Foreign_Ministers_Meeting_May_15_2026 (дата обращения: 18.05.2026).

финансовой сферах.³²² Тем самым антисанкционная повестка получает поддержку не только в многосторонних форматах, но и в рамках стратегического партнерства двух государств, заинтересованных в ограничении экстерриториального применения национальных правовых и финансовых инструментов в ущерб принципам суверенного равенства и недискриминации.

Однако эффективность антисанкционной стратегии России пока ограничена. Несмотря на рост числа государств, критикующих односторонние ограничения, международное право не располагает достаточным набором действенных механизмов, позволяющих предотвращать или оперативно оспаривать такие меры. Перспективным направлением дальнейшей работы является не только политическое осуждение санкционной практики, но и создание процедурной базы для оценки ее правомерности: международного арбитражного механизма, экспертных заключений в рамках ООН, а также согласованных критериев разграничения легитимных коллективных санкций и неправомερных односторонних ограничений. На национальном уровне Россия уже использует инструменты противодействия недружественным действиям иностранных государств и международных организаций, однако эти меры в большей степени имеют внутренний компенсационный и административно-правовой характер, а не образуют самостоятельный универсальный режим международно-правового контроля.³²³

Сходная логика прослеживается и в российском подходе к международной информационной безопасности. Россия рассматривает цифровую сферу не как нейтральное технологическое пространство, а как новую область международной

³²² Актуальные вопросы международного права: позиция России [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2017655/ (дата обращения: 18.05.2026).

³²³ О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций : указ Президента Российской Федерации от 30.10.2018 № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6903.

О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств и международных организаций: федер. закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394; О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств и международных организаций : федер. закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394.

конкуренции, в которой вопросы контроля над инфраструктурой, данными и информационными потоками напрямую связаны с суверенитетом. В рамках ШОС и других многосторонних форматов продвигаются подходы к обеспечению международной информационной безопасности и цифрового суверенитета, что отражено, в частности, в документах ШОС о сотрудничестве в сфере информационной безопасности. В этой части российская позиция стремится распространить классические принципы суверенного равенства и невмешательства на цифровую среду.³²⁴

На уровне ООН Россия последовательно поддерживает межправительственный и универсальный формат обсуждения информационной безопасности. Ранее российская инициатива была связана с созданием Рабочей группы открытого состава ООН по безопасности ИКТ. В 2025 г. завершение деятельности РГОС и подготовка перехода к постоянному глобальному механизму по ИКТ зафиксировали важный институциональный сдвиг: обсуждение норм ответственного поведения государств в цифровой среде постепенно переходит из временного формата в постоянную площадку ООН. Для России это принципиально, поскольку именно универсальный межгосударственный формат позволяет оспаривать попытки закрепления цифровых правил через закрытые клубные механизмы или через доминирование отдельных негосударственных структур.³²⁵

Отдельным направлением институционализации цифрового регулирования стала Конвенция ООН против киберпреступности. Она была принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 г., открыта для подписания в Ханое 25 октября 2025 г. и будет оставаться открытой для подписания в штаб-квартире ООН до 31 декабря 2026 г. Вступление Конвенции в силу предусмотрено после присоединения сорока государств. Для рассматриваемого раздела этот документ важен не только

³²⁴ Декларация ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности : утв. в г. Циндао 10.06.2018 [Электронный ресурс] // Информационный портал ШОС. URL: <https://infoshos.ru/ru/> (дата обращения: 18.05.2026).

³²⁵ Open-ended Working Group on Security of and in the Use of Information and Communications Technologies 2021-2025. Final report [Электронный ресурс] // United Nations Digital Library. 2025. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4084927> (дата обращения: 18.05.2026).;

как инструмент уголовно-правового сотрудничества. В цифровой сфере возможен переход от политических деклараций и рекомендаций к договорным механизмам, причем даже при сохраняющихся дискуссиях о балансе между безопасностью, суверенитетом, правами человека и трансграничным обменом данными.

Российская позиция в области информационной безопасности предлагает распространить классическое понимание суверенитета на цифровую среду. Если традиционная международно-правовая система связывала суверенитет прежде всего с территорией, границами и политической независимостью, то сегодня к этому добавляется способность государства контролировать критическую информационную инфраструктуру, защищать данные и участвовать в выработке правил цифрового управления. Такое расширение отражает реальные сдвиги в международных отношениях, но порождает и противоречие, при котором усиление государственного контроля над цифровой средой одни страны считают гарантией безопасности, другие угрозой открытости и трансграничной природе интернета. Это противоречие и задает остроту современных дискуссий о цифровом суверенитете.

Регулирование искусственного интеллекта приобретает особую значимость в нормативной борьбе. ИИ становится не только технологическим ресурсом, но и инструментом перераспределения власти в мировой политике. Государства, имеющие доступ к передовым алгоритмам, вычислительным мощностям и крупным массивам данных, получают преимущества в экономике, обороне, управлении информационными потоками и политических решениях. Международные правила в сфере ИИ не сводятся к этике или техническим стандартам. Для научной строгости необходимо различать три аспекта регулирования: гражданское применение ИИ (экономика, социальная сфера, госуслуги); глобальное управление ИИ (универсальные принципы, институты, процедуры); военное применение ИИ (автономные системы, риски для международной безопасности).

Именно на пересечении этих трех уровней формируется вопрос о том, кто будет определять параметры будущего цифрового миропорядка и смогут ли незападные государства участвовать в этом процессе на равных основаниях.

Регулирование ИИ окончательно закрепилось в универсальной повестке ООН в 2025-2026 г.г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/325 учредила Глобальный диалог по управлению ИИ и независимую международную научную группу по ИИ.³²⁶ Первая сессия Глобального диалога назначена на 6-7 июля 2026 г. в Женеве, а следующая на май 2027 г. в Нью-Йорке. Эти решения показывают, что международное регулирование ИИ переходит от общих деклараций к созданию устойчивых площадок обсуждения. Для России принципиально важно, чтобы такие площадки сохраняли универсальный и инклюзивный характер, поскольку только в этом случае возможно поставить вопрос о недопущении технологической дискриминации и о равном участии государств в выработке правил цифрового будущего.

Российская позиция в сфере регулирования ИИ строится вокруг нескольких ключевых принципов, таких как центральная роль ООН, уважение государственного суверенитета, недопустимость вмешательства во внутренние дела и учет интересов всего международного сообщества. На национальном уровне значение данной сферы закреплено в документах стратегического планирования и регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. На международном уровне Россия поддержала резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/265 и A/RES/78/311, направленные на развитие безопасных, защищенных и надежных систем ИИ, а также на укрепление международного сотрудничества в области наращивания потенциала.³²⁷ Следовательно, российская

³²⁶ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/325 «Искусственный интеллект во благо» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/325> (дата обращения: 18.05.2026).

³²⁷ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/78/265 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 21.03.2024. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/265> (дата обращения: 18.05.2026); Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/78/311 «Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 01.07.2024. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/311> (дата обращения: 18.05.2026).

линия не сводится к отрицанию глобального регулирования ИИ. Москва поддерживает его при условии, что нормы вырабатываются на универсальной основе и не закрепляют преимущество ограниченного круга технологически развитых государств.³²⁸

Вместе с тем Россия дистанцировалась от ряда документов и инициатив, которые, по ее оценке, не обеспечивали должного учета принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств. В частности, критика была высказана в отношении Пакта во имя будущего и приложенного к нему Глобального цифрового договора, принятого на Саммите будущего ООН в 2024 г.³²⁹ Аналогичная логика проявилась при голосовании по проекту резолюции о применении ИИ в военной сфере, российская сторона указала, что документ не учитывает предложенные поправки, связанные с недопустимостью вмешательства во внутренние дела государств, и может закрепить подход, усиливающий фрагментацию международной правовой системы.³³⁰ Для рассматриваемой темы этот эпизод важен тем, что показывает границу российской поддержки глобального цифрового регулирования. Москва поддерживает универсальные механизмы при условии их инклюзивности, но критически относится к форматам, которые воспринимаются ею как институционализация нормативного лидерства ограниченного круга государств под видом глобального консенсуса.

Наиболее чувствительным направлением остается военное применение ИИ. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/239 закрепила применимость международного права, включая Устав ООН, к вопросам военного использования

³²⁸ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

³²⁹ Пакт во имя будущего, Глобальный цифровой договор и Декларация о будущих поколениях [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2024. URL: <https://www.un.org/pact-for-the-future/ru> (дата обращения: 18.05.2026); Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Вершинина на Саммите будущего, Нью-Йорк, 22 сентября 2024 г. [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 22.09.2024. URL: <https://russiaun.ru/en/news/pactforthefuture2209> (дата обращения: 18.05.2026).

³³⁰ Выступление представителя делегации Российской Федерации с разъяснением позиции по проекту резолюции «Применение искусственного интеллекта в военной сфере и его последствия для международного мира и безопасности» в Первом комитете 79-й сессии ГА ООН, Нью-Йорк, 6 ноября 2024 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.11.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/1979934/ (дата обращения: 18.05.2026).

искусственного интеллекта.³³¹ Российская сторона при этом подчеркивает, что обсуждение военного ИИ должно вестись на инклюзивных площадках, прежде всего в рамках Конвенции о конкретных видах обычного оружия и соответствующих групп правительственных экспертов, а не в форматах ограниченных коалиций.³³² Такой подход отражает общий принцип российской внешнеполитической линии, когда новые технологические стандарты не должны вырабатываться таким образом, чтобы воспроизводить военно-технологическую иерархию и ограничивать участие государств, не входящих в узкий круг технологических лидеров

Сильной стороной российского подхода является акцент на равноправии государств, предотвращении технологической дискриминации и учете рисков военного применения ИИ. Уязвимость же состоит в том, что универсальный и юридически обязательный режим регулирования ИИ пока остается отдаленной перспективой. Ведущие технологические державы заинтересованы в сохранении свободы маневра, а различия между национальными и региональными моделями регулирования затрудняют выработку единых понятий, критериев ответственности и механизмов контроля. В связи с этим российская стратегия в этой сфере имеет преимущественно долгосрочный характер и ее результат будет зависеть не только от дипломатической активности России, но и от способности незападных государств согласовать собственные подходы к цифровому развитию.

Региональное измерение российской политики в сфере ИИ также имеет самостоятельное значение. Продвижение модельных актов и рекомендаций в рамках СНГ позволяет формировать пространство нормативной совместимости с ближайшими партнерами. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного

³³¹ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/239 «Искусственный интеллект в военной сфере и его последствия для международного мира и безопасности» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 24.12.2024. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/239> (дата обращения: 18.05.2026).

³³² Выступление заместителя руководителя делегации Российской Федерации К. В. Воронцова в ходе тематической дискуссии по разделу V «Другие меры разоружения и международная безопасность» в Первом комитете 80-й сессии ГА ООН [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 27.10.2025. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/427102025> (дата обращения: 18.05.2026).

интеллекта, включая этические стандарты исследований и разработок. Кроме того, в 2024 г. было принято заявление глав государств СНГ о развитии сотрудничества в области искусственного интеллекта гражданского назначения. Эти документы не заменяют универсальные механизмы ООН, но создают промежуточный уровень регулирования, на котором возможно согласование понятийного аппарата, этических принципов и подходов к гражданскому применению ИИ.³³³

Таким образом, борьба за нормативное поле международных отношений является одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности России. Ее содержание не ограничивается критикой западных подходов, а включает попытку предложить альтернативную систему принципов: приоритет Устава ООН, уважение суверенитета, недопустимость одностороннего принуждения, равный доступ к технологиям и участие всех государств в выработке глобальных правил. Научная значимость данного подхода состоит в том, что внешнеполитическая деятельность России может рассматриваться не только через призму противостояния с Западом, но и как попытка перераспределения полномочий по производству международных норм от ограниченных коалиционных и клубных форматов к универсальным межгосударственным механизмам, прежде всего ООН.

Вместе с тем перспективы этой стратегии зависят от способности России и ее партнеров перевести политические декларации в устойчивые международно-правовые механизмы. Новые материалы показывают двойственный характер процесса. С одной стороны, антисанкционная повестка, регулирование ИКТ и управление ИИ постепенно институционализируются через решения Генеральной Ассамблеи ООН, механизмы БРИКС, ШОС и СНГ, а также через договорные инструменты в сфере киберпреступности. С другой стороны, сохраняются серьезные ограничения, такие как отсутствие действенных процедур контроля за односторонними мерами, различие интересов внутри незападных объединений,

³³³ О Заявлении глав государств - участников Содружества Независимых Государств о развитии сотрудничества в области искусственного интеллекта гражданского назначения : решение Совета глав государств СНГ от 08.10.2024 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/410642396/> (дата обращения: 18.05.2026).

конкуренция моделей цифрового регулирования и нежелание ведущих технологических держав связывать себя жесткими универсальными обязательствами. Следовательно, специфика российской внешнеполитической стратегии состоит не только в противодействии отдельным санкционным, цифровым или военно-технологическим инициативам, но и в стремлении изменить саму архитектуру нормотворчества от модели ограниченных коалиций и клубного регулирования к универсальным межгосударственным механизмам, основанным на принципах суверенного равенства и центральной роли ООН. Именно в этом проявляется ее нормативное измерение и связь с формированием нового мирового порядка.

Принципы. Под видом соблюдения универсальных принципов государства и другие субъекты международной деятельности подчиняются целому ряду непоследовательных обязательных и необязательных правил, а также двойным стандартам.

Новый международный порядок должен создать международную правовую и институциональную основу, которая, основываясь на основополагающих принципах и ценностях, принимает прагматичный подход к международному сотрудничеству. Виды правил и принципов, которые станут основой нового мирового порядка — это нормативно-правовые принципы мировой политики, правила сосуществования и правила сотрудничества и решения конфликтов.

Необходимо пространство для глобального сотрудничества по вопросам, имеющим решающее значение для существования человечества: изменение климата и биоразнообразие, долгосрочный мир и безопасность, включая ответственное поведение в космосе, киберпространство и искусственный интеллект, а также приверженность правам человека и другим основным свободам.

В рамках ООН были инициированы ключевые документы, отражающие глобальную обеспокоенность этими вызовами. Так, Парижское соглашение определяет цели по сдерживанию глобального потепления на уровне ниже 2 °C³³⁴,

³³⁴ Paris Agreement [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Series. 2015. – URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (дата обращения: 01.08.2025).

а Глобальная рамочная программа по биоразнообразию «Куньмин – Монреаль» направлена на приостановление и обращение вспять утраты экосистем.³³⁵ Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года включает Цель 16, ориентированную на построение мирных и инклюзивных обществ³³⁶, в то время как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивает необходимость ответственного поведения государств в космическом пространстве.³³⁷

В сфере кибербезопасности и технологий ООН опубликовала доклад Группы правительственных экспертов по вопросам ИКТ в контексте международной безопасности³³⁸ и приняла резолюцию о создании многостороннего механизма по регулированию искусственного интеллекта³³⁹. Эти документы подкрепляются фундаментальными положениями Всеобщей декларации прав человека³⁴⁰ и Совместным заявлением высокого уровня ООН по правам человека в цифровую эпоху³⁴¹, подчеркивающими значимость защиты прав личности в условиях глобальной цифровой трансформации. Совокупность этих инициатив отражает признание того, что без согласованных международных усилий по данным направлениям устойчивый и безопасный мировой порядок невозможен.

Разработка принципов, на которых должен строиться новый мировой порядок, требует отказа от традиционного подхода, основанного преимущественно на перераспределении баланса сил, в пользу формирования новых универсальных правил и механизмов международного взаимодействия, обеспечивающих

³³⁵ Kunming-Montreal Global Biodiversity Framework [Электронный ресурс] // Convention on Biological Diversity. 2022. – URL: <https://www.cbd.int/gbf/> (дата обращения: 01.08.2025).

³³⁶ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс] / UN Doc. A/RES/70/1 // Программа развития ООН. 2015. – URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 01.08.2025).

³³⁷ General Assembly Resolution A/RES/76/231 «Reducing space threats through norms, rules and principles of responsible behaviours» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2021. – URL: <https://undocs.org/A/RES/76/231> (дата обращения: 01.08.2025).

³³⁸ Report of the Group of Governmental Experts on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security [Электронный ресурс] / UN Doc. A/76/135 // Официальный сайт ООН. 2021. – URL: <https://undocs.org/A/76/135> (дата обращения: 01.08.2025).

³³⁹ General Assembly Resolution A/RES/78/268 «Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2023. – URL: <https://undocs.org/A/RES/78/268> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴⁰ Universal Declaration of Human Rights [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 1948. – URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴¹ UN High-Level Joint Statement on Human Rights in the Digital Age [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. 2022. – URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2022/06/joint-statement-human-rights-digital-age> (дата обращения: 01.08.2025).

справедливость, инклюзивность и устойчивость глобальной системы. В этом контексте принцип многополярности и суверенного равенства государств, продвигаемый Россией, становится не просто ответом на стремление отдельных стран к большей субъектности, но и основой для выстраивания новой модели мироустройства, в которой приоритет отдается кооперации, равноправному диалогу и уважению культурно-цивилизационного многообразия мира.

Разработка принципов, на которых должен строиться новый мировой порядок, требует отказа от традиционного подхода, основанного преимущественно на перераспределении баланса сил, в пользу формирования новых универсальных правил и механизмов международного взаимодействия, обеспечивающих справедливость, инклюзивность и устойчивость глобальной системы.³⁴² В этом контексте принцип многополярности и суверенного равенства государств, продвигаемый Россией, становится не просто ответом на стремление отдельных стран к большей субъектности, но и основой для выстраивания новой модели мироустройства, в которой приоритет отдается кооперации, равноправному диалогу и уважению культурно-цивилизационного многообразия мира.

Россия подчеркивает необходимость демократизации международных отношений, что прямо зафиксировано в Концепции внешней политики Российской Федерации, где говорится: «Россия выступает за демократизацию международных отношений и их развитие на справедливой и устойчивой основе»³⁴³. Такая позиция предполагает переход от конкурентной логики глобального управления к институционализации равноправного взаимодействия, в том числе через реформу ключевых международных институтов. Россия поддерживает реформу Совета Безопасности ООН с включением государств Африки, Латинской Америки и Азии. Роль этих регионов в международных делах значительно возросла, но их представительство в системе глобального управления остается заниженным.³⁴⁴

³⁴² Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 1945. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴³ Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. ст. 2406.

³⁴⁴ Security Council Reform [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/reform> (дата обращения: 01.08.2025).

Другим важным элементом выступает принцип права на собственный путь развития. Он предполагает отказ от идеологического диктата и признание за государствами суверенного права самостоятельно выбирать модель развития, политическую систему, идеологические установки и союзников. Россия отстаивает этот принцип в рамках ШОС, БРИКС, ЕАЭС и на площадках ООН, с акцентом на защиту традиционных ценностей, культурного и цифрового суверенитета.³⁴⁵ Из этого вырастают инициативы по формированию пространств сотрудничества без внешнего давления и вмешательства с целью построения новой архитектуры международных отношений, где каждая страна сохраняет контроль над своим развитием, включая информационные технологии, образование и культурную политику.

Поддержка цифрового и культурного суверенитета, в том числе в рамках соответствующих резолюций ЮНЕСКО³⁴⁶, выступает ответом на вызовы цифровой глобализации, при которой технологическая зависимость от ограниченного круга стран может использоваться как инструмент давления. Таким образом, принципы многополярности, равноправия и права на собственный путь развития становятся краеугольными камнями новой парадигмы международного взаимодействия, основанной на уважении, справедливости и отказе от гегемонизма в любой форме.

Россия подчеркивает необходимость выстраивать новые принципы и подходы к созданию равноправной неделимой системы безопасности в условиях становления нового мирового порядка. Необходимо вовлекать не только государства, но и субгосударственных субъектов и гражданское общество в выстраивание принципов нового международного порядка. Новые транснациональные организации и соглашения будут играть решающую роль в поддержании сотрудничества в области торговли, развития, финансов и денежно-

³⁴⁵ BRICS Joint Statement. Johannesburg II Declaration [Электронный ресурс] // Официальный сайт БРИКС. Август 2023. – URL: <https://brics2023.gov.za/johannesburg-ii-declaration/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴⁶ Рекомендация по этике искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / ЮНЕСКО // Официальный сайт ЮНЕСКО. 2021. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 01.08.2025).

кредитной политики, одновременно помогая устанавливать новые мировые стандарты³⁴⁷.

Россия выступает за становление справедливого мирового порядка, основанного на принципах верховенства международного права, суверенного равенства государств и их права на самостоятельное развитие, сохранения культурно-цивилизационного многообразия, взаимовыгодного сотрудничества государств и их объединений при координирующей роли ООН³⁴⁸.

Новый миропорядок должен строиться на отказе от гегемонизма и переходе к равноправному сотрудничеству. Требуется баланс между национальными интересами и глобальными вызовами, от климатических изменений до регулирования искусственного интеллекта. Вовлечение неправительственных организаций, бизнеса и научного сообщества в форматы «многоуровневой дипломатии» позволяет учесть разнообразие позиций. Возможны практически решением выступает принятие под эгидой ООН Конвенции о кибербезопасности или Глобального пакта по климату с дифференцированными обязательствами для развитых и развивающихся стран.³⁴⁹ Одновременно следует легализовать инструменты «мягкого права», среди которых можно выделить меморандумы и дорожные карты, которые обеспечивают гибкость при решении новых задач (космическая деятельность, биоэтика). Нормативно-правовое регулирование правил разработки и использования ИИ должно осуществляться на уровне ООН.³⁵⁰

Институты. Институциональная архитектура современного мира переживает глубокую трансформацию, отражающую системный кризис традиционных глобальных структур управления, таких как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация³⁵¹.

³⁴⁷ Глобальные тренды 2030: новые вызовы / Под ред. М. К. Смирнова. М.: ИМЭМО РАН, 2023. С.159.

³⁴⁸ Морозов Г. И. Принципы справедливого миропорядка в документах ООН // Международное право. 2021. № 3. С. 56.

³⁴⁹ Клименко А. В. Кибербезопасность и международное право: новые вызовы // Право и политика. 2023. № 1. С. 108.

³⁵⁰ Филиппова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 3-е издание, обновленное и дополненное. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. С. 18.

³⁵¹ Абалкин Л. И. Кризис глобальных институтов: анализ и прогнозы // Мировая экономика. 2023. № 7. С. 40.

Этот кризис выражается в снижении легитимности и эффективности указанных организаций, которые сохраняют значительную институциональную инерцию, ориентированную на интересы ограниченного круга развитых стран. В ответ на это возрастает значение новых форматов регионального и межрегионального сотрудничества, сочетающих политическую и экономическую координацию.

Одним из таких форматов становится объединение БРИКС+, в которое в 2023 году подали заявки 23 государства, что свидетельствует о растущем интересе стран Глобального Юга к созданию альтернативных центров силы, основанных на принципах равноправия и взаимного уважения³⁵².

Шанхайская организация сотрудничества выступает как площадка для расширения диалога в Евразии и Южной Азии, охватывая вопросы безопасности, инфраструктуры, энергетики и культурного взаимодействия. Особое значение приобретает и АСЕАН с ее моделью консенсусного принятия решений, демонстрирующей эффективность многостороннего подхода на региональном уровне без жесткой иерархии³⁵³.

Россия активно инициирует институциональные изменения, направленные на укрепление многополярного миропорядка. Основным направлением становится углубление евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза, включая разработку единого цифрового рынка, создание инфраструктуры для взаимного признания электронных подписей, трансграничной торговли и обмена данными.³⁵⁴

Расширение БРИКС включает проработку новых форматов членства (полноправного, ассоциированного, партнерского), что должно обеспечить гибкость структуры и ее адаптацию к новым международным реалиям³⁵⁵.

³⁵² BRICS Joint Statement. Johannesburg II Declaration [Электронный ресурс] // Официальный сайт БРИКС. Август 2023. – URL: <https://brics2023.gov.za/johannesburg-ii-declaration/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁵³ Overview of ASEAN [Электронный ресурс] // Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN). – URL: <https://asean.org/about-asean/overview/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁵⁴ О развитии цифровой повестки ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/direction/digital/> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁵⁵ Комментарии по расширению БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1912050/> (дата обращения: 01.08.2025).

Россия ставит задачу превращения БРИКС в полноценную международную организацию, принять Устав организации, определить ее структуру, функции и полномочия, а также создать необходимые институты и механизмы для осуществления деятельности. Процесс институционализации БРИКС сталкивается с несколькими серьезными препятствиями, которые влияют на реалистичность такого сценария. Участники не склонны наделять наднациональные органы реальными полномочиями, особенно в сфере экономической политики или безопасности. Разнородность политических режимов и правовых систем внутри объединения затрудняет выработку единого устава и согласованной процедуры принятия решений. Создание институциональных механизмов предполагает формирование постоянного секретариата, системы распределения финансовых взносов и арбитражных процедур. Это означает переход от консенсусной модели, основанной на доверии, к формализованным правилам. Данная модель не является приемлемой для объединений с сильным суверенным самосознанием стран членов. С высокой степенью вероятности реализация проекта займет несколько лет и потребует от России, как текущего председателя, последовательной дипломатической работы по снижению институциональных рисков.

В ОДКБ Россия выступает за модернизацию, включая создание кибервойск, формирование единой системы противовоздушной и противоракетной обороны, а также повышение уровня координации в сфере гибридных угроз и информационной безопасности³⁵⁶. Эти меры направлены на институциональное укрепление союзнических механизмов безопасности в Евразии, дополняя экономическое и дипломатическое измерения интеграции. Реалистичность этих мер остается невысокой из-за нескольких препятствий. Создание кибервойск упирается в нежелание стран членов передавать контроль над национальными цифровыми ресурсами наднациональным органам. Формирование единой системы ПВО и ПРО сдерживается неравномерностью финансовых взносов и отсутствием согласованных процедур оперативного подчинения сил. Повышение координации

³⁵⁶ Стратегия развития ОДКБ до 2030 года [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: <https://odkb-csto.org/> (дата обращения: 01.08.2025).

по гибридным угрозам затруднено различиями в правовых подходах и механизмах идентификации таких рисков. Наиболее вероятным сценарием станет не полноформатная реализация заявленных мер, а запуск пилотных проектов, например совместных учений или интеграции отдельных сегментов систем ПВО. Институциональные механизмы ОДКБ позволят эту работу начать, но для полноценного перехода потребуются политические решения на высшем уровне.

Россия совместно с партнерами по БРИКС продвигает реформу международных экономических институтов. Йоханнесбургская декларация БРИКС 2023 года фиксирует общую позицию: механизмы ВТО устарели, необходимо более широкое представительство развивающихся стран в руководящих органах организации, а также реформа МВФ для справедливого перераспределения квот и голосов.³⁵⁷ Страны БРИКС подчеркивают важность многосторонней торговой системы, но настаивают на ее модернизации с учетом текущих реалий, включая цифровую трансформацию и изменение глобальных логистических цепочек.

В отношении ООН российская позиция заключается не в замене универсальной организации альтернативными клубными форматами, а в восстановлении ее центральной координирующей роли в вопросах международной безопасности и согласования интересов государств. В связи с этим предложения о более представительном составе Совета Безопасности, включая усиление участия государств Азии, Африки и Латинской Америки, следует рассматривать как инструмент укрепления легитимности ООН, а не как самоцель. Одновременно Россия последовательно критикует практику подмены норм Устава ООН и международного права политически гибкой конструкцией «порядка, основанного на правилах», поскольку такая подмена закрепляет преимущество ограниченного круга государств в толковании допустимого поведения на международной арене.

Таким образом, Россия не только выступает с критикой старой архитектуры глобального управления, но и предлагает позитивную повестку, направленную на

³⁵⁷ BRICS Joint Statement. Johannesburg II Declaration [Электронный ресурс] // Официальный сайт БРИКС. Август 2023. – URL: <https://brics2023.gov.za/johannesburg-ii-declaration/> (дата обращения: 01.08.2025).

построение новой системы международных институтов, соответствующей принципам многополярности, суверенного равенства и права на собственный путь развития. Успех этой трансформации зависит от способности предложить конструктивную, кооперативную модель взаимодействия, ориентированную на долгосрочную устойчивость, а не на конфронтацию. Переход к новому мировому порядку возможен только через синхронное обновление всех элементов системы. Для России критически важно совмещать активность в глобальных процессах с развитием региональных альянсов, демонстрируя альтернативу устаревшим моделям глобализации. Только сочетая прагматизм с приверженностью международному праву, можно минимизировать риски конфронтации и создать устойчивую архитектуру мироустройства, учитывающую культурное, политическое и экономическое многообразие современного мира³⁵⁸.

Приоритетные направления внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка целесообразно формулировать как набор реализуемых механизмов. Такой подход позволяет учитывать политические препятствия и сопротивление государств, заинтересованных в сохранении западноцентричной модели регулирования, различие интересов внутри незападных объединений, инерцию действующих международных институтов и ограниченность правовых процедур принуждения. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. российская линия определяется не как отказ от универсальных институтов, а как защита международного права, Устава ООН и центральной координирующей роли ООН при одновременной критике подмены международно-правовых норм конструкцией «порядка, основанного на правилах»³⁵⁹. Следовательно, практическая задача России состоит не в одномоментном демонтаже существующей архитектуры, а в ее последовательной коррекции через коалиционное нормотворчество, развитие альтернативных

³⁵⁸ Караганов С. А. Россия в формирующемся мировом порядке // Россия в глобальной политике. 2023. № 3. С. 120.

расчетных и логистических контуров, институционализацию БРИКС и ШОС, а также расширение представительства государств Глобального Юга в глобальном управлении. С учетом этого приоритеты могут быть представлены следующим образом.

Схема 2. Практическая операционализация приоритетов внешнеполитической деятельности России

Приоритет	Политические препятствия	Институциональный механизм	Реалистичный результат
Институционализация БРИКС без преждевременного превращения объединения в жесткий блок.	Разнородность состава БРИКС, различие экономических интересов, нежелание части участников связывать себя наднациональными обязательствами.	Развитие постоянных рабочих треков, категории стран-партнеров, координации через шерп и су-шерп, Нового банка развития, расчетных и проектных механизмов.	Не немедленное принятие устава классической организации, а формирование устойчивой сети институтов, способной вырабатывать общие позиции там, где существует консенсус.
Восстановление роли ООН как центрального универсального механизма согласования интересов государств.	Блоковая дисциплина западных стран, противоречия постоянных членов Совета Безопасности, конкурирующие проекты реформы ООН.	Последовательная работа в Генеральной Ассамблее, Совете Безопасности, профильных комитетах, поддержка расширения представительства Азии, Африки и Латинской Америки, юридическая аргументация через Устав ООН.	Сохранение ООН как главной площадки легитимации международных решений и постепенное усиление давления в пользу более представительного глобального управления.
Ограничение практики односторонних принудительных мер.	Экстерриториальное применение национального права США и ЕС, зависимость многих государств от западной финансовой инфраструктуры, отсутствие универсального механизма оспаривания таких мер.	Резолюции ГА ООН, экспертный механизм оценки правомерности ограничительных мер, согласование критериев в БРИКС, ШОС и СНГ, поддержка расчетов в национальных валютах и альтернативных платежных каналов.	Не быстрый универсальный запрет санкций, а накопление правовой и политической базы, которая снижает их легитимность и уменьшает зависимость партнеров от западных инструментов давления.

Приоритет	Политические препятствия	Институциональный механизм	Реалистичный результат
Реформа экономического и финансового управления через МВФ, Всемирный банк, ВТО	Сопротивление государств, обладающих контрольными долями и процедурным влиянием в МВФ, Всемирном банке, ВТО и смежных структурах.	Координация позиций с государствами Глобального Юга, работа в G20, БРИКС, ВТО, развитие Нового банка развития, национальных валют и трансграничных расчетных инициатив.	Расширение переговорных возможностей незападных государств и частичное снижение зависимости от прежних финансовых центров без разрушения действующих каналов торговли.
Продвижение цифрового суверенитета и международных правил в сфере ИИ и кибербезопасности.	Расхождение моделей цифрового регулирования, технологическое неравенство, конкуренция за стандарты и контроль над инфраструктурой данных.	Работа в ООН, РГОС по ИКТ, профильных форматах ШОС и СНГ, участие в глобальном диалоге по ИИ, выработка принципов контроля военного применения ИИ.	Формирование минимального набора общих норм поведения государств в цифровой среде и расширение участия незападных стран в технологическом нормотворчестве.
Укрепление евразийской связанности и региональной безопасности.	Различие интересов участников ЕАЭС, ШОС, СНГ и ОДКБ, инфраструктурные ограничения, риск конкуренции внешних проектов в Евразии.	Сопряжение транспортных коридоров, цифровых таможенных процедур, энергетических проектов, механизмов кризисного реагирования и консультаций по безопасности.	Создание практической основы Большой Евразии как пространства связанной экономики и согласуемой безопасности, а не только как политического лозунга.
Развитие публичной и гуманитарной дипломатии.	Информационное противодействие, ограничения работы российских культурных институтов в недружественных странах, дефицит доверия к официальным нарративам.	Страновые программы Россотрудничества, Русские дома, образовательные квоты, совместные университетские программы, экспертные и молодежные сети, работа с выпускниками российских вузов.	Долгосрочное укрепление репутационного капитала России в странах Глобального Юга и формирование устойчивых каналов общественной коммуникации.

Составлена автором.

Предложенная операционализация уточняет характер рекомендаций для внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка.

Таблица 4. Матрица реалистичности приоритетных направлений внешнеполитической деятельности России

Приоритетное направление	Институциональный механизм	Политические препятствия	Горизонт реализации	Оценка реалистичности
Институционализация БРИКС	Статус стран-партнеров, постоянные рабочие треки, проектное финансирование, расчетные механизмы	Разнородность состава, конкуренция интересов участников, нежелание части стран переходить к блоковой дисциплине	Кратко- и среднесрочный	Высокая для функциональных механизмов; средняя или низкая для жесткой организации
Реформирование ООН	Защита Устава ООН, расширение представительств а незападных регионов, использование Генеральной Ассамблеи для накопления норм мягкого права	Позиции постоянных членов СБ ООН, сложность изменения Устава, отсутствие консенсуса по региональному представительству	Долгосрочный	Средняя для процедурных изменений; низкая для глубокой реформы СБ ООН
Ограничение неправомерных односторонних принудительных мер	Резолюции ГА ООН, критерии правовой оценки, экспертные заключения, альтернативные платежные и договорные практики	Сопротивление государств, использующих финансовую и технологическую инфраструктуру как инструмент давления	Средне- и долгосрочный	Средняя для норм мягкого права; низкая для универсального юридического запрета
Укрепление региональных и межрегиональных связей	Проекты в ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, АСЕАН, Африканском союзе, СЕЛАК, ОИС и ЛАГ	Различие региональных повесток, неодинаковая институциональная зрелость объединений, риск вторичного санкционного давления	Кратко- и среднесрочный	Высокая при проектной конкретизации
Цифровой суверенитет и регулирование ИИ	Модельные акты СНГ, экспертные площадки ООН, согласование принципов недискриминации	Конкуренция технологических держав, различие национальных режимов регулирования, отсутствие	Средне- и долгосрочный	Средняя для рамочных принципов; низкая для обязательного универсального режима

Приоритетное направление	Институциональный механизм	Политические препятствия	Горизонт реализации	Оценка реалистичности
	и человеческого контроля	единого понятийного аппарата		
Евразийская связанность	Транспортные коридоры, цифровые таможенные процедуры, энергетическая кооперация, сопряжение инфраструктурных проектов	Финансирование, безопасность маршрутов, конкуренция транзитных интересов, нестабильность приграничных пространств	Кратко- и среднесрочный	Высокая при наличии проектного финансирования и межведомственной координации
Публичная и гуманитарная дипломатия	Образовательные квоты, «Русские дома», научные программы, молодежные и экспертные сети	Недостаток ресурсов, информационное противодействие, различие ожиданий обществ стран-партнеров	Кратко- и среднесрочный	Высокая как поддерживающий механизм, но ограниченная без экономического наполнения

Источник: составлено автором.

Матрица показывает, что наиболее реалистичными являются не предельные политико-правовые цели, а промежуточные институциональные шаги: рабочие процедуры, проектное финансирование, экспертная оценка, нормы мягкого права и инфраструктурные механизмы. Практическая ценность рекомендаций состоит в задании последовательности действий, а не в утверждении немедленной достижимости заявленных конечных результатов.

2.3. Стратегические прогнозы развития внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка

В рамках настоящего исследования стратегический прогноз понимается как вероятностная конфигурация международной системы, возникающая под влиянием нескольких драйверов: соотношения сил США и Китая, динамики украинского кризиса и СВО, санкционной политики, устойчивости ООН, институционализации БРИКС и ШОС, технологической конкуренции, энергетической и логистической связности, а также ядерного сдерживания. Такой подход соответствует логике современных прогнозных докладов, где будущее

рассматривается не как единственная траектория, а как набор возможных развилок.³⁶⁰

Временной горизонт прогноза в данном исследовании задается до 2040 г. Краткосрочный уровень охватывает 2026-2028 гг. и связан преимущественно с военной, санкционной и электорально-политической турбулентностью; среднесрочный уровень - 2029-2035 гг. связан с проверкой устойчивости расширенных форматов БРИКС, ШОС, ЕАЭС и механизмов Большой Евразии; долгосрочный уровень - 2036-2040 гг. - с возможным закреплением нового технологического уклада и институциональных контуров постзападного порядка.

Оценка прогнозных сценариев формирования мирового порядка с точки зрения полярности выявляет два ключевых сценария — движение к биполярному или многополярному миру.³⁶¹

Биполярный мир. В сценарии биполярного мира доминирование двух сверхдержав, технологически-экономической мощи США и ресурсно-демографического гиганта КНР формирует жесткую дуополию. Конкуренция охватывает контроль над цепочками поставок, стандартами цифровых технологий и зоны влияния в Индо-Тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке.³⁶²

С. Хантингтон в работе «Запад и столкновение цивилизаций» усматривает «два главных источника конфликтов и политической нестабильности: возрождение ислама и подъем Китая».³⁶³

Так, согласно последнему докладу Национального разведывательного комитета США «Глобальные тенденции до 2040 года: более конкурентный мир» группа исследователей выделяла пять возможных сценариев, при которых может быть сформирован новый мировой порядок³⁶⁴:

³⁶⁰ The Global Risks Report 2026 [Electronic resource] // World Economic Forum. 14 January 2026. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/in-full/> (accessed: 19.05.2026).

³⁶¹ Иванов А. А. Биполярность vs. многополярность: сценарии XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 4. С. 12.

³⁶² Смирнов В. П. Китай и США: новая холодная война? // Международные процессы. 2022. № 3. С. 30.

³⁶³ Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. М., 1997. 33 с.

³⁶⁴ Global Trends report [Электронный ресурс] / National Intelligence Council // Официальный сайт Совета национальной разведки США. — Режим доступа: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home> (дата обращения: 01.08.2025)

№	Описание	Лидеры
1	«Ренессанс демократий» – к 2040 году Штаты сохраняют позицию безусловного лидера, а Китай и Россия будут находиться в глубокой стагнации	США (оптимистичный сценарий)
2	Через 20 лет мир разделится на пять закрытых блоков, которые возглавят США, Китай, Евросоюз, Россия и Индия.	США, Китай, Евросоюз, Россия, Индия
3	«Трагедия и мобилизация» – к 2030 году складываются предпосылки глобальной катастрофы, связанной с заметным изменением климата. Лидер по выходу из глобального кризиса США и Евросоюз, а альтернативным полюсом становятся нефтеносные государства - Иран и страны Персидского залива, действующие под эгидой России, при этом Китаю отводится второстепенная роль.	1.США+Евросоюз, 2. Россия+ Иран и страны Персидского залива
4	«Концепция «конкурентного сосуществования» как модель мирового порядка подразумевает асимметричное развитие его ключевых акторов. Согласно прогностическим оценкам, к 2040 году глобальное лидерство будет биполярно сосредоточено вокруг Китая и США. Данная конфигурация обусловлена их технологическим и экономическим доминированием. В то же время позиции Российской Федерации в этой системе	Китай и США

	оказываются ослабленными, что в значительной степени обусловлено структурной зависимостью ее экономики от сырьевого экспорта и сохраняющейся в среднесрочной перспективе низкой конъюнктурой на мировых рынках энергоносителей.	
5	Американские стратеги рассматривают сценарий «Дрейфующего мира» как наиболее неблагоприятный, поскольку он предполагает кардинальную реконфигурацию глобальной архитектуры. Согласно этому прогнозу, к 2040 году может произойти консолидация Китая и России в новый геополитический центр силы, что приведет к относительному упадку влияния США и Европейского союза.	Китай и Россия как единый мировой центр силы

В соответствии с докладом разведывательного сообщества США «Ежегодная оценка угроз»³⁶⁵ данные прогнозы были скорректированы в сторону усиления роли Китая, России и потери глобальной роли ЕС. Основные сценарии в видении США можно спроектировать следующим образом:

Базовый сценарий: Россия, Китай, Иран и Северная Корея – по отдельности и вместе – бросают вызов интересам США в мире. Россия также использует незападные организации, такие как группа БРИКС, для проведения политики, такой как дедолларизация.

³⁶⁵ Доклад разведки США: «Война на Украине дала Москве массу уроков» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/667602> (дата обращения: 01.08.2025)

Сценарий эскалации: Прямое вовлечение КНР в конфликт на Тайване при поддержке России, что спровоцирует формирование глобальной антикитайской коалиции во главе с США.

Сценарий фрагментации: Усиление внутренних противоречий из-за конкуренции за ресурсы (например, доступ к арктическим месторождениям) или расхождений в подходе к Ирану/КНДР.

Россия в биполярной модели выступает как «третий полюс», используя энергетические активы, ядерный паритет и дипломатический опыт для балансирования между центрами силы³⁶⁶. Ключевыми инструментами становятся стратегические альянсы (например, углубление ЕАЭС с азиатскими партнерами, БРИКС) и гибридная дипломатия, позволяющая сохранять суверенитет вопреки санкционному давлению. В данном подходе значимую роль будет играть исход украинского конфликта.

В прогнозах инвестиционного банка JPMorgan Chase идентифицируется четыре вероятных сценария развития событий, дифференцированных по критериям внешнеполитической поддержки, экономической динамики и трансформации регионального баланса сил³⁶⁷. Данные модели, условно обозначенные как «грузинская», «израильская», «южнокорейская» и «белорусская», отражают спектр стратегических альтернатив, формирующихся под воздействием взаимодействия акторов глобального и регионального уровней. *Доминантный сценарий – грузинская модель (50%)* предполагает системную деградацию институциональных и экономических основ украинской государственности. Киев не получит надежных гарантий безопасности, перспектив членства в ЕС и НАТО и вернется в сферу влияния России. Один из прогнозных вариантов, израильский (20% вероятности), предполагает создание асимметричного оборонного потенциала Украины при отсутствии прямого военного присутствия третьих стран. Западная поддержка концентрируется на

³⁶⁶ Петров К. Л. Россия в биполярной системе // Политические исследования. 2023. № 1. С. 80.

³⁶⁷ JPMorgan Chase описал четыре сценария окончания конфликта на Украине [Электронный ресурс] // РБК: Политика. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2025/6830cdca9a794748102dfec7> (дата обращения: 01.08.2025)

модернизации ВПК, поставках высокоточных вооружений и кибернетических технологий, что позволяет Киеву сформировать стратегию сдерживания. Ограниченность политических гарантий сохраняет риски эскалации. Корейская модель (15%) оценивается как оптимальная, несмотря на территориальные потери. Ключевым элементом является развертывание международных сил безопасности под эгидой ЕС при параллельном предоставлении США разведывательных и финансовых гарантий. Мобилизация замороженных российских активов (около \$300 млрд) выступает катализатором реконструкции, хотя правовые последствия, связанные с их конфискацией, могут спровоцировать длительные судебные противостояния с Москвой. «Белорусская» модель (15%) носит кризисный характер. Прекращение западной помощи ведет к установлению российского протектората над Украиной, сопровождаемого дезинтеграцией послевоенного миропорядка. Данный сценарий предполагает пересмотр базовых принципов международного права, включая суверенитет и территориальную целостность, и формирование прецедента силового передела границ.

Россия, обладая статусом державы с глобальными амбициями, выступает ключевым актором трансформации международной системы. Ее действия в контексте украинского кризиса и взаимодействие с незападными коалициями определяют вариативность будущего миропорядка. Роль Москвы варьируется от «ревизионистской державы» до «архитектора миропорядка». При реализации «грузинского сценария» Москва позиционирует себя как центр «консервативного интернационала», объединяющего государства, оппонирование либеральному порядку. Это ускоряет формирование биполярной системы с осью Москва–Пекин, где Россия отвечает за безопасность, а Китай за экономическую инфраструктуру. Израильский сценарий превращает Россию в «спойлера» западных инициатив, использующего институты типа БРИКС+ для создания параллельных механизмов регулирования (например, альтернативы SWIFT). Зависимость от Китая в технологиях ограничивает суверенность ее роли в биполярной модели. При корейском сценарии Россия становится «младшим партнером» в китаецентричной системе, теряя влияние на Ближнем Востоке и в Африке. Ее роль сводится к

поставщику ресурсов и «ядерного зонтика» для союзников Пекина. «Белорусский» сценарий ведет к трансформации мирового порядка и разделению мира на полюсы, где доминируют региональные державы. Россия возглавляет «консервативный полюс», оспаривая универсализм ООН и продвигая идею «суверенной демократии».

Многополярный мир. Альтернативная модель предполагает фрагментацию глобальной власти между несколькими центрами: Китай, США, Россия, ЕС, Индия, Латинская Америка, Африка, а также коалициями типа БРИКС или АСЕАН³⁶⁸. В этой системе влияние распределяется через экономические блоки, валютные союзы и региональные системы безопасности. Россия может усилить позиции, развивая проекты евразийской интеграции (например, Северный морской путь как альтернатива Суэцу) и выступая гарантом стабильности в постсоветском пространстве. Акцент смещается на создание «зон исключительных интересов», где Москва доминирует через ОДКБ, ШОС и двусторонние договоры (например, с Ираном или Венесуэлой).

Американские исследователи признают ошибкой попытку США влиять на весь мир, а однополярный мир – это случайность, возникшая из – за распада СССР, слабого Китая и разделенной Европы³⁶⁹. Будущий мировой порядок будет характеризоваться не первенством, а соперничеством. США необходимо реформировать свою стратегию, исходя из особенностей каждого отдельного региона без необходимости присутствовать в каждом из них и вести активную политику. Так, в Индо–Тихоокеанском регионе стоит сдерживать Пекин от амбиций по аннексии Тайваня, чтобы Китай не укрепил свои позиции в Восточной Азии. В Европе роль США должна сместиться к роли присутствующего, поддерживающего, но не несущего на своих плечах весь альянс. На Ближнем Востоке не нужно доминирование США, но нельзя допустить, чтобы какой-либо один субъект доминировал в нем. С этой целью нет необходимости в постоянном

³⁶⁸ Давыдов В. В. БРИКС и многополярность // Латинская Америка. – 2022. – № 5. – С. 50–68.

³⁶⁹ America Is No Longer the Indispensable Nation [Электронный ресурс] // National Security Journal. – Режим доступа: <https://nationalecurityjournal.org/america-is-no-longer-the-indispensable-nation/> (дата обращения: 01.08.2025)

военном присутствии, требуется способность проецировать силу при необходимости, авторитет для сдерживания крупной агрессии и мудрость, чтобы знать, когда не следует вмешиваться.

Однако, вопрос о том, станет ли мир биполярным или многополярным, не отражает всей сложности происходящего. Между этими моделями существует переходная зона, и именно эту промежуточность подтверждает текущая политическая обстановка.

Фрагментированная бесполярность. Между распадом прежнего мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны, и формированием нового миропорядка объективно возникает переходная фаза, которую все чаще характеризуют как этап бесполярного мира или фрагментированной бесполярности. Он отличается отсутствием четко определенных глобальных центров силы, эрозией международных институтов и усилением хаотических, дестабилизирующих процессов. По аналогии с концепцией «междущарствия» Антонио Грамши, этот период можно описать как ситуацию, в которой «старое умирает, а новое еще не может родиться», что сопровождается ростом насилия, политических кризисов, идеологической дезориентации и отказом от прежних универсалистских норм международного взаимодействия³⁷⁰.

Бесполярность как явление отличается как от многополярности, так и от униполярности. В отличие от мира, в котором существует несколько крупных силовых центров с устойчивыми зонами влияния, бесполярность означает отсутствие структурированной иерархии власти на глобальном уровне. Ричард Хаас, один из идеологов американской внешнеполитической школы, в начале 2000-х годов описывал бесполярность как ситуацию, в которой ни одно государство или группа государств не способны или не желают взять на себя глобальное лидерство³⁷¹.

Одной из главных черт этой фазы является распад или трансформация ключевых институтов глобального управления: ООН, Всемирной торговой

³⁷⁰ Грамши А. Тюремные тетради. М.: ROSSPEN, 2007. С.107.

³⁷¹ Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, №. 3. P. 44.

организации, Международного валютного фонда, а также ослабление доверия к международному праву. Их неспособность реагировать на современные вызовы, такие как пандемии, киберугрозы или трансграничные конфликты, ведет к фрагментации международного пространства и превращению глобальных норм в предмет ситуативных интерпретаций.

Вместо универсализма международной политики наблюдается усиление регионализма. Политико-военные конфликты локализуются, но одновременно становятся все более ожесточенными и затяжными: от Ближнего Востока и Северной Африки до постсоветского пространства и Восточной Азии. Отсутствие глобального арбитра способствует росту числа «горячих точек», где местные и внешние акторы реализуют свои интересы без оглядки на международные правила.

Бесполярность с экономической точки зрения включает в себя явления дедолларизации, геоэкономической фрагментации, санкционных войн и борьбы за контроль над критическими ресурсами от редкоземельных металлов и микрочипов до энергетических маршрутов и технологий ИИ. Экономическая турбулентность сопряжена с отказом от глобализации в ее классическом либеральном понимании и переходом к модели избирательной экономической автономии.³⁷²

Рост влияния негосударственных акторов: транснациональных корпораций, частных военных компаний, террористических сетей и хакерских группировок вносит дополнительные сложности. Их деятельность выходит за пределы государственного контроля и становится новым вызовом для обеспечения международной стабильности. В условиях цифровизации усиление роли деструктивных негосударственных субъектов приобретает особую значимость, киберпространство остается плохо урегулированным с точки зрения международного права.

Новый мировой порядок будет формироваться не сверху вниз в результате консенсуса между глобальными державами, а снизу вверх через ситуативные, гибкие коалиции государств и акторов, объединенных конкретными интересами по

³⁷² Лукьянов Ф. Глобальный хаос: бесполярность как новый мировой порядок // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. С. 8.

решению отдельных глобальных или региональных задач. Такая система будет носить фрагментарный, многоуровневый характер, в которой нормы и структуры вырабатываются в ходе практического взаимодействия, а не в результате единого глобального договора.³⁷³

Пространство дипломатии в эпоху бесполярного мира будет расширяться, но основной задачей будет не разрешение противоречий и поиск решения глобальных проблем, а поддержание данных проблем на уровне умеренной конфликтности с минимально необходимой кооперацией основных акторов на мировой арене.³⁷⁴

Ключевыми рисками для России в этот переходный период являются, с одной стороны, возможность утраты самостоятельности в случае чрезмерного сближения с Китаем, а с другой — вероятность втягивания в прямую конфронтацию с НАТО и его союзниками на постсоветском пространстве. В обоих случаях Россия рискует либо оказаться зависимым элементом чужого порядка, либо объектом сдерживания и ослабления в старом формате.

Сергей Караганов, оценивая перспективы России в условиях бесполярности, подчеркивает, что стране необходимо стать «центром кристаллизации» нового миропорядка — субъектом, вокруг которого будут выстраиваться новые нормы и коалиции. В противном случае она окажется на периферии создающейся китаецентричной системы, утратив историческую субъектность и возможность влияния на ход мировой истории³⁷⁵.

В докладе Мюнхенской конференции по безопасности 2025 г. ключевым понятием стала не завершенная многополярность, а «мультиполяризация», то есть процесс перераспределения силы без гарантированного согласования правил.³⁷⁶ Доклад Всемирного экономического форума 2026 г. фиксирует усиление

³⁷³ Тренин Д. Мир без мирового порядка: к новой архитектуре международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 10.

³⁷⁴ Барабанов О.Н. Доктор Хаос, или как перестать бояться и полюбить беспорядок? [Электронный ресурс] / О.Н. Барабанов, Т.В. Бордачев, Ф.А. Лукьянов, А.С. Беспалов, А.А. Сушенцов, И.Н. Тимофеев // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. – 29 сентября. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/53295/> (дата обращения: 05.10.2025)

³⁷⁵ Караганов С.А. Вперед, в восточный мир! // Россия в глобальной политике. 2023. № 2. С. 5.

³⁷⁶ Bunde T., Eisentraut S., Schütte L. (eds.). Munich Security Report 2025: Multipolarization. Munich: Munich Security Conference, 2025. DOI: 10.47342/EZUC8623. URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2025/> (accessed: 19.05.2026).

геоэкономического противостояния, вооруженных конфликтов, фрагментации и ситуацию «многополярности без многосторонности».³⁷⁷ Ежегодная оценка угроз разведывательного сообщества США 2026 г., пусть и отражает американскую оптику, также показывает усложнение среды: экономическая фрагментация, технологическая конкуренция, распространение вооруженных конфликтов и соперничество великих держав рассматриваются как взаимосвязанные риски.³⁷⁸

Эмпирический фон для сценарного анализа также стал более жестким. По данным PRIO на основе UCDP, в 2024 г. было зафиксировано 61 активное государственное вооруженное противостояние в 36 странах, что стало максимальным показателем с 1946 г. Этот факт важен как признак нормализации конфликтности в переходном порядке.³⁷⁹ Оценка CFR «Conflicts to Watch in 2026» дополнительно показывает, что риск великих держав сохраняется рядом с множеством региональных кризисов, а значит, мировая система движется не к аккуратной иерархии, а к наложению глобальных и региональных линий напряженности.³⁸⁰

Отдельным ограничителем сценариев выступает ядерный фактор. Он не отменяет конфликтность, но задает верхний предел эскалации и одновременно повышает цену ошибок в кризисном управлении. Материалы SIPRI Yearbook 2025 показывают, что проблемы ядерного оружия, контроля над вооружениями, новых технологий и вооруженных конфликтов все теснее переплетаются.³⁸¹ В связи с этим в российской внешнеполитической стратегии ядерное сдерживание следует рассматривать не только как силовой ресурс, но и как инструмент предотвращения

³⁷⁷ World Economic Forum. Global Risks Report 2026. – Geneva, 2026. – 14 Jan. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/> (дата обращения: [число.месяц.год]).

³⁷⁸ Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. March 2026 [Electronic resource] // Office of the Director of National Intelligence. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2026-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 19.05.2026).

³⁷⁹ Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946-2024. PRIO Paper. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2025. URL: <https://www.prio.org/publications/14453> (accessed: 19.05.2026).

³⁸⁰ Conflicts to Watch in 2026 [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. Center for Preventive Action. URL: <https://www.cfr.org/reports/conflicts-watch-2026> (accessed: 19.05.2026).

³⁸¹ SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security [Electronic resource] // Stockholm International Peace Research Institute. Oxford: Oxford University Press, 2025. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2025> (accessed: 19.05.2026).

прямого столкновения крупных держав при одновременном сохранении каналов переговоров.

Вероятностные параметры в схеме рассчитаны по качественной шкале экспертной оценки, а не как статистическая модель. В каждом временном срезе значения суммируются до 100%, что позволяет сопоставить относительный вес сценариев, не утверждая предопределенность одного исхода. За основу взяты три группы индикаторов: текущая интенсивность конфликтов, санкционной и технологической фрагментации; степень институционального оформления соответствующего сценария; наличие акторов, заинтересованных в его продвижении или сдерживании. Более высокие значения присвоены тем сценариям, которые уже проявляются в международной практике 2025-2026 гг., а более низкие тем, которые требуют резкого перелома тенденций или связаны с экстремальной эскалацией.

Схема 3. Сценарная матрица развития мирового порядка и внешнеполитической роли России (2026-2040 гг.)

Сценарий	2026-2030 гг.	2031-2040 гг.	Содержание и триггеры	Значение для России и механизм действия
Фрагментированная бесполярность	35%	25%	Сохранение высокой конфликтности, санкционных режимов, кризиса универсальных институтов и ситуативных коалиций без единого центра управления.	Базовая адаптация: дипломатия малых коалиций, устойчивость к санкциям, балансирование между Китаем, Индией, исламским миром, Африкой и Латинской Америкой.
Региональная гетерархия	25%	30%	Укрепление нескольких региональных порядков, где центры силы не образуют жесткой иерархии, а взаимодействуют через пересекающиеся форматы.	Опора на Большую Евразию, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и партнерства с региональными державами; снижение риска периферизации постсоветского пространства.

Сценарий	2026-2030 гг.	2031-2040 гг.	Содержание и триггеры	Значение для России и механизм действия
Асимметричная биполярность США-Китай	20%	20%	Концентрация мировой конкуренции вокруг технологического, финансового и военно-политического соперничества Вашингтона и Пекина.	Риск превращения России в младшего партнера одного центра; ответом должна быть диверсификация связей, технологический суверенитет и сохранение самостоятельной повестки безопасности.
Институционализ ированная многополярность	15%	20%	Постепенное оформление устойчивых правил между несколькими центрами силы при реформировании глобального управления и развитии незападных институтов.	Позитивный сценарий: закрепление России как одного из архитекторов порядка через ООН, БРИКС, ШОС, Большую Евразию, новые расчетные и экспертно- нормативные механизмы.
Эскалационная конфликтная фрагментация	5%	5%	Срыв механизмов сдерживания, расширение региональных войн, прямые столкновения крупных держав, рост ядерных и технологических рисков.	Сценарий предотвращения: поддержание стратегического сдерживания, восстановление каналов кризисной коммуникации, контроль вооружений и недопущение прямого конфликта с НАТО.

Составлена автором.

Предложенные вероятности показывают, что наиболее вероятной в горизонте 2026-2030 гг. представляется фрагментированная бесполярность. Прежняя западноцентричная иерархия уже утрачивает универсальность, но устойчивые правила нового порядка еще не сложились. В горизонте 2031-2040 гг. возрастает вероятность региональной гетерархии и частично

институционализированной многополярности, если незападные объединения смогут перейти от деклараций к постоянным процедурам координации.

Анализ сценариев приводит автора к следующей позиции. Россия в большей степени будет действовать не в завершенном многополярном мире, а в переходной среде управляемого беспорядка, где сочетаются элементы бесполярности, региональной гетерархии и асимметричной американско-китайской конкуренции. С тезисом Ф. А. Лукьянова о невозможности возврата к прежнему миропорядку можно согласиться, однако его необходимо дополнить: для России недостаточно только сохранять устойчивость, важно превращать эту устойчивость в институциональное влияние - в правила, площадки, расчетные механизмы, образовательные сети, транспортные коридоры и нормы безопасности.³⁸²

В позитивном сценарии к 2040 г. Россия становится одним из значимых центров формирующегося порядка. Однако такой результат возможен не автоматически, а при соединении нескольких условий, среди которых укрепление экономического и технологического потенциала, сохранение стратегического сдерживания, развитие научно-образовательной базы, повышение связанности пространства СНГ, ЕАЭС, Союзного государства и Большой Евразии, а также расширение устойчивых партнерств со странами Азии, Африки и Латинской Америки. В этом случае БРИКС и ШОС выступают не заменой ООН, а дополнительными площадками нормотворчества и согласования интересов мирового большинства.

Нейтральный, или базовый, сценарий заключается в том, что новый мировой порядок будет формироваться в условиях хаотизации, но без полного разрушения международно-правовых институтов и без полномасштабной мировой войны. Старые нормы будут работать неравномерно, а новые складываться через практику: соглашения о расчетах, транспортных коридорах, энергетике, продовольственной безопасности, цифровом суверенитете, кризисной

³⁸² Лукьянов Ф.А. «Возврата к старому миропорядку не будет» [Электронный ресурс] // Ведомости. 09.02.2026. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2026/02/09/1174869-vozvrata-k-staromu-miroporyadku-ne-budet/> (дата обращения: 19.05.2026).

коммуникации и региональном урегулировании. Для России такой сценарий означает необходимость осторожной многовекторности в отношениях с Китаем, развитие связи с Индией, Ираном, арабскими государствами, странами Африки и Латинской Америки, сохранение центральности ООН там, где универсальный институт еще способен выполнять функцию легитимации.

Негативный сценарий связан с эскалационной фрагментацией: расширением региональных войн, срывом режимов контроля над вооружениями, ростом практики одностороннего применения силы и переносом санкционной логики в новые сферы от финансов до технологий и логистики. В таком случае новый мировой порядок будет складываться не через согласование правил, а через серию силовых кризисов. Автор считает данный сценарий менее вероятным, чем базовый, но наиболее опасным по последствиям. Внешнеполитический механизм России в этих условиях должен быть направлен не на расширение конфронтации, а на принуждение к политико-дипломатическим решениям через ООН, контактные группы, БРИКС, ШОС, ОДКБ, двусторонние каналы и восстановление элементов контроля над вооружениями.

Таким образом, авторская позиция состоит в том, что наиболее реалистичным является не чистый вариант биполярности США-Китай и не быстрое становление гармоничной многополярности, а длительная переходная фаза, в которой Россия должна одновременно решать две задачи: удерживать стратегическую автономию в условиях силового давления и наполнять идею справедливого многополярного порядка конкретными институтами.

Выводы по второй главе

Анализ внешнеполитической деятельности Российской Федерации в условиях трансформации международной системы позволяет выявить совокупность устойчивых тенденций и концептуальных сдвигов, определяющих роль России в формирующемся мировом порядке.

1. На современном этапе происходит качественное изменение парадигмы внешнеполитического мышления от фрагментарной реакции на международные вызовы к проактивной стратегии по конструированию новой архитектуры глобального взаимодействия. В рамках данной трансформации пересматривается терминологический аппарат. В стратегических документах и публичных речах прослеживается неустойчивость в использовании понятий «мироустройство», «мировой порядок», «многополярность», «многосторонность». Отсутствие четких дефиниций затрудняет научный анализ и практическую реализацию внешнеполитических инициатив, что требует выработки единых понятийных рамок. Российская риторика нового мирового порядка не сводится к простому повторению тезиса о кризисе западноцентричной модели. Это попытка связать многополярность с институциональными механизмами согласования интересов.

2. Одновременно усиливается акцент на цивилизационной специфике России. Государство все более последовательно позиционирует себя как самостоятельная цивилизация, обладающая уникальными историко-культурными кодами и миссией по формированию альтернативного центра глобального развития. Продвижение концепта «Русского мира», защита традиционных ценностей, формирование гуманитарного пространства на постсоветском пространстве и в странах Глобального Юга становятся важнейшими элементами внешнеполитической прагматики. В связи с этим возрастает значимость цивилизационного подхода, основанного на признании культурного многообразия, суверенного равенства государств и права на самостоятельный путь развития.

3. Институциональный вектор внешней политики Российской Федерации усиливается, однако его не следует трактовать как уже сложившуюся замену универсальным организациям. ООН, МВФ и ВТО. БРИКС, ШОС, ЕАЭС и ОДКБ обладают разной правовой природой, разным уровнем обязательности решений и разной степенью внутренней согласованности участников. Практическая задача России состоит не в декларации новой архитектуры, а в поэтапной процедурной институционализации через развитие постоянных экспертных треков, расчетных и проектных механизмов, отраслевых соглашений, мониторинга исполнения решений и регулярных каналов согласования позиций.

4. Российская дипломатия приобретает черты стратегической многовекторности и адаптивности. Наблюдается активное расширение связей с государствами Глобального Юга, углубление взаимодействия с Китаем, Индией, странами Африки и Латинской Америки³⁸³. Развиваются гуманитарные, инфраструктурные, образовательные и культурные проекты. Особое внимание уделяется идеологическому сопровождению внешнеполитической повестки через сопротивление односторонним ограничительным мерам совместно с незападными странами³⁸⁴.

5. Россия участвует в выработке глобальных правил и норм поведения в цифровой среде, сфере искусственного интеллекта, биобезопасности и экологии. Поддержка нормативного регулирования новых технологий, в том числе в рамках ООН, СНГ и БРИКС, создает собственное нормативное поле России, ориентированное на принципы справедливости, недискриминации и цифрового суверенитета.³⁸⁵ Россия выступает субъектом не только силового и экономического, но и нормативного влияния.

6. Конфликт на Украине, усиление санкционного давления, ограничения в сфере высоких технологий, риски зависимого положения в отношениях с Китаем, а также задержки в реализации отдельных международных соглашений

³⁸³ Итоги внешнеполитической деятельности РФ. Доклады МИД России за 2023 и 2024 гг

³⁸⁴ Караганов С.А. Мир после гегемонии Запада. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 104.

³⁸⁵ Документы ООН по информационной безопасности и ИИ (A/RES/78/265, A/RES/78/311); модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта»

демонстрируют противоречивость и сложность внешнеполитической повестки и сигнализируют о системном кризисе³⁸⁶. Реализация стратегических целей требует преодоления внутренней институциональной фрагментации, технологической уязвимости и демографического давления, что должно быть учтено при дальнейшем планировании внешнеполитической стратегии³⁸⁷.

7. Прогностический анализ показывает, что в горизонте 2026-2030 гг. наиболее вероятной является фрагментированная бесполярность с элементами региональной гетерархии, тогда как к 2031-2040 гг. возрастает вероятность частично институционализированной многополярности. Для России это означает необходимость действовать не только декларативно, но и процедурно через укрепление БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и площадки ООН, развивать расчетные, транспортные, гуманитарные и экспертно-нормативные механизмы, одновременно снижая риски чрезмерной зависимости от одного партнера и прямой военной эскалации с западными государствами.

8. Выработанные рекомендации имеют различную степень реалистичности. В краткосрочном горизонте наиболее осуществимы меры функциональной координации: расчеты в национальных валютах, проектное финансирование, транспортно-логистическая связанность, гуманитарные и экспертные сети. В среднесрочном горизонте возможна институционализация отдельных механизмов БРИКС, ШОС, ЕАЭС и СНГ, но она будет сдерживаться различием интересов участников, конкуренцией региональных повесток и нежеланием ряда государств превращать гибкие форматы в жесткие блоки. В долгосрочном горизонте находятся наиболее сложные цели: поэтапная кодификация запретов в отношении неправомерных односторонних принудительных мер, глубокая реформа ООН и создание универсальных режимов регулирования новых технологий. Их реализация зависит от согласия широкого круга государств, сопротивления

³⁸⁶ Агеева А.И., Золотарева О.А. Демографическая политика в России: проблемы и вызовы // Вопросы статистики. 2024. № 2.

³⁸⁷ Концепция технологического развития РФ до 2030 года. – М.: Минобрнауки РФ, 2023.

нынешних бенефициаров западнoцентричной системы и наличия процедур контроля за исполнением принятых решений.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Современный мировой порядок формируется как сложная динамическая система, регулируемая совокупностью норм, принципов и институтов. Его структура определяется как формальными институтами, так и неформальными практиками, эволюционирующими в условиях изменения глобального баланса сил. В политологической науке выделяется несколько моделей мироустройства — однополярный, униполярный, биполярный, многополярный, полицентричный, многосторонний, бесполярный и «мир, основанный на правилах». Однако четкие критерии разграничения данных категорий отсутствуют, что приводит к терминологической неоднозначности в академических исследованиях. Комплексный анализ концептов и теорий трансформации международной системы показал, что наряду с классическими теориями силовой конкуренции, все большее значение приобретают объяснительные модели, апеллирующие к технологическим, экономическим и цивилизационным сдвигам. Эти альтернативные концепции указывают на нелинейную природу глобального мирового порядка, в рамках которого центральное место занимает эволюция принципов, институтов и норм. В этом контексте целесообразна унификация понятийного аппарата и повышение терминологической строгости в научном и экспертном дискурсе.

Автором сформулировано определение нового мирового порядка: «Новый мировой порядок — это полиструктурная динамическая система. Ее функциональная целостность обеспечивается комплексным взаимодействием политико-правовой архитектуры, включающей нормы, принципы и институты, а также динамичного поля неформализованных практик, детерминирующих поведение акторов на международной арене». Эволюция данной системы осуществляется под воздействием таких факторов, как смена технологических укладов, цивилизационные сдвиги, структурная логика мир-системного анализа, циклы гегемонии и кондратьевские волны, геоэкономические стратегии и

укрепление геополитического статуса государства, а также ресурсы мягкой силы и культурно-ценностное многообразие.

В условиях растущей неопределенности на первый план выходит анализ сценариев будущей полярности. США выступают за однополярный мир, ЕС стремятся сохранить лидерство через концепцию «порядка, основанного на правилах»; Китай продвигает модель «сообщества единой судьбы человечества»; Индия, Турция, страны Африки и Латинской Америки используют многополярную риторику для укрепления собственной стратегической автономии. Следовательно, совпадение этих подходов с российской позицией носит неодинаковый характер и может быть концептуальным, ситуативным, ограниченным или конфликтным. Это исключает представление о готовом антизападном блоке и требует от России гибкой работы с различными группами партнеров.

Сохранение однополярности и реализация универсального порядка, основанного на «правилах», представляются наименее вероятными. В то же время большие перспективы имеют биполярная модель США — Китай и многополярная, где влияние распределяется между несколькими центрами. Промежуточной фазой может выступать бесполярный период — переходное состояние, характеризующееся фрагментацией институтов, усилением конкуренции и ролью негосударственных акторов. Оценка этих прогнозных сценариев позволяет не только уточнить направление внешнеполитической стратегии России, но и зафиксировать императив активного участия в формировании новой архитектуры мира.

Вместе с тем стоит отметить институциональные и ресурсные ограничения российской субъектности на глобальной арене. Ключевыми вызовами остаются технологическое отставание, зависимость от внешних решений, фрагментация НИОКР, демографические дефициты и структурная уязвимость в образовательной и научной сфере. Эти внутренние ограничения требуют укрепления и системной реализации совокупного геополитического статуса государства, включающего экономико-технологический, военно-стратегический, демографический, пространственно-географический и цивилизационно-культурный потенциалы, что,

в свою очередь, позволит России перейти от реактивного реагирования на внешние вызовы к проактивной стратегии нормативного и институционального конструирования международной архитектуры, а также обеспечит ей роль системообразующего центра силы при формировании нового мирового порядка.

Среди приоритетных направлений внешнеполитической деятельности России в данном контексте выделяются следующие:

1. Повышение терминологической строгости при описании нового мирового порядка. Унификация понятийного аппарата способна усилить согласованность внешнеполитических действий России и минимизировать риски их ошибочной интерпретации;
2. Институционализация БРИКС прежде всего в функциональном, а не блоковом формате: через развитие статуса стран-партнеров, постоянных рабочих треков, проектного финансирования, механизмов расчетов и отраслевой координации. Превращение БРИКС в полноценную международную организацию с жесткими обязательствами в краткосрочной перспективе малореалистично из-за неоднородности состава, различий между интересами Китая, Индии, Бразилии, России и новых участников, а также нежелания ряда стран связывать себя дисциплиной блокового типа.
3. Укрепление связей с ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, АСЕАН, Африканским союзом, СЕЛАК, ОИС и Лигой арабских государств имеет высокую прикладную значимость, но требует проектной конкретизации. Наиболее реализуемыми являются инициативы в логистике, энергетике, продовольственной безопасности, образовании, цифровой экономике и кризисных консультациях. Ограничителями выступают конкуренция региональных повесток, разный уровень институциональной зрелости объединений и осторожность партнеров в вопросах, способных вызвать вторичное санкционное давление.
4. В отношениях со странами коллективного Запада российская стратегия не должна сводиться к полной институциональной изоляции. При сохранении принципиальных разногласий по вопросам безопасности, санкционной политики и интерпретации международного права необходимо оставлять пространство для

избирательного экономического, научного и культурного взаимодействия в тех сферах, где оно не противоречит национальным интересам и может снижать риски долговременной фрагментации международной системы.

5. Отдельное значение сохраняет работа над восстановлением роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств – членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН. Реформирование ООН является необходимым, но политически наиболее трудным направлением. Основные препятствия связаны с процедурой изменения Устава ООН, интересами постоянных членов Совета Безопасности и отсутствием консенсуса относительно представительства регионов. В связи с этим более реалистичной является не одномоментная реформа, а последовательная защита центральной роли Устава ООН, расширение участия государств Азии, Африки и Латинской Америки в рабочих механизмах, повышение прозрачности санкционных и миротворческих процедур, а также использование Генеральной Ассамблеи как площадки накопления норм мягкого права.

6. Поэтапное ограничение неправомерных односторонних принудительных мер не может быть сведено к немедленному юридическому запрету: ему противодействуют государства, использующие финансовую, технологическую и торговую инфраструктуру как инструмент внешнего давления. Реалистичный механизм состоит в формировании критериев неправомерности таких мер, принятии резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, экспертной оценке гуманитарных и экономических последствий, развитии альтернативных расчетных каналов и расширении договорных практик, снижающих зависимость от юрисдикций, применяющих экстерриториальные ограничения;

7. Поддержка принципов суверенитета, многополярности и международного права. Россия отстаивает равноправие государств, право на самостоятельный путь развития и уважение культурного многообразия, выступая против вмешательства во внутренние дела и гегемонии отдельных стран;

8. Продвижение правил в сфере цифрового суверенитета и искусственного интеллекта имеет долгосрочный потенциал, поскольку эта область еще не

полностью институционализована. Универсальный юридически обязательный режим регулирования ИИ пока маловероятен из-за конкуренции технологических держав и различий между национальными моделями регулирования. Для России более реалистичны промежуточные механизмы: модельные акты СНГ, экспертные площадки ООН, согласование принципов недискриминации доступа к технологиям и запрета военного применения систем, не обеспечивающих достаточного человеческого контроля.

9. Развитие евразийской связанности через транспортные коридоры, цифровые таможенные процедуры, энергетическую кооперацию и сопряжение инфраструктурных проектов относится к числу наиболее практически реализуемых направлений. Его результативность зависит от финансирования, устойчивости транзитных маршрутов, безопасности приграничных пространств и способности согласовать интересы России, Китая, Индии, Ирана, государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

10. Публичная и гуманитарная дипломатия способна укреплять долгосрочную поддержку российской позиции, но не заменяет экономические и институциональные результаты. Ее эффективность устойчивостью образовательных квот, работой «Русских домов», совместными научными программами, молодежными и экспертными сетями, а также способностью формировать доверие к России в странах Глобального Юга.

11. Реформирование международных экономических институтов, прежде всего МВФ и ВТО, остается важным элементом российской повестки, поскольку действующие механизмы представительства и принятия решений не в полной мере отражают возросший вес развивающихся государств. Однако реализация этого направления будет сталкиваться с сопротивлением государств, получающих преимущества от существующей архитектуры глобального экономического управления. Задача России состоит в том, чтобы сочетать критику асимметрии представительства с предложением процедурных решений, способных расширить участие незападных стран без разрушения универсальных экономических институтов.

12. Участие в решении глобальных проблем сохраняет значение для легитимации российской внешней политики. Россия поддерживает международные инициативы в области климата, устойчивого развития, биобезопасности и мирного использования космоса, одновременно настаивая на учете интересов всех государств, а не ограниченного круга западных стран. В данном случае принципиально важно не противопоставлять национальные интересы глобальной ответственности, а демонстрировать возможность их согласования через универсальные и инклюзивные механизмы.

13. Формирование альтернативных финансовых и торговых механизмов направлено на снижение зависимости от доллара США и западной финансовой инфраструктуры. К таким механизмам относятся расчеты в национальных валютах, развитие независимых платежных систем, расширение корреспондентских и клиринговых каналов, использование инструментов проектного финансирования и углубление торговой кооперации с партнерами. Вместе с тем данные меры не следует трактовать как быстрый отказ от существующей мировой финансовой системы: их реалистичный смысл состоит в диверсификации рисков и создании дополнительных контуров устойчивости.

14. Наиболее реалистичная стратегия России заключается не в ожидании быстрого формирования гармоничного многополярного порядка, а в действиях в условиях переходной международной среды, которую можно охарактеризовать как управляемую неопределенность. Под управляемой неопределенностью в данном исследовании понимается состояние, при котором основные параметры будущего мирового порядка еще не стабилизированы, но государство способно снижать риски через стратегическую автономию, диверсификацию партнерств, поддержание переговорных каналов и наполнение многополярной повестки конкретными институтами. каналов и наполнении многополярной повестки конкретными институтами.

Таким образом, устойчивое положение России в системе будущего миропорядка возможно при выполнении двух взаимодополняющих условий: синхронное преодоление внутренних ограничений и последовательное развитие

нормотворческой, институциональной инициативы и формирование принципов нового мирового порядка. Концептуальная ясность в определении модели многополярности, сопряженная с нормативной инициативностью, позволит России трансформироваться из объекта международной политики в одного из ее ключевых субъектов, предлагающих конструктивную и справедливую альтернативу как биполярной конфронтации, так и стратегической фрагментации.

Список литературы

Официальные документы

1. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 28 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/US/events/50385> (дата обращения: 01.08.2025)
2. Встреча с участниками Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме» Электронный ресурс / В. В. Путин // Официальный сайт МИД РФ. 11 августа 2017 г. Режим доступа: https://washington.mid.ru/ru/presscentre/news/vystuplenie_i_otvety_na_voprosy_ministra_inostrannykh_del_rossii_s_v_lavrova_v_ramkakh_vserossiyskog/ (дата обращения: 01.08.2025)
3. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе переговоров с Министром иностранных дел Кубы Б. Родригесом Электронный ресурс / С. В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 19 февраля 2024 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1933050/ (дата обращения: 01.08.2025)
4. Выступление В. В. Путина на итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года. [Электронный ресурс] / В. В. Путин – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 25.05.2025)
5. Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Вершинина на Саммите будущего, Нью-Йорк, 22 сентября 2024 г. [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 22.09.2024. – Режим доступа: <https://russiaun.ru/en/news/pactforthefuture2209> (дата обращения: 18.05.2026).

6. Выступление заместителя руководителя делегации Российской Федерации К. В. Воронцова в ходе тематической дискуссии по разделу V «Другие меры разоружения и международная безопасность» в Первом комитете 80-й сессии ГА ООН [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 27.10.2025. – Режим доступа: <https://russiaun.ru/ru/news/427102025> (дата обращения: 18.05.2026).

7. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на заседании Дипломатического клуба Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 15 мая 2025 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2017684/ (дата обращения: 01.08.2025)

8. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на встрече со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У) МИД России Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 2 сентября 2019 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1468444/ (дата обращения: 01.08.2025)

9. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам СМИД БРИКС Электронный ресурс / С. В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 29 апреля 2025 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012487/ (дата обращения: 01.08.2025)

10. Выступление министра иностранных дел Индии на тему «Индийско-российские отношения в меняющемся мире» [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/vistuplenie-ministra-inostrannih-del-indii> (дата обращения: 01.08.2025)

11. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Доминиканской Республики Р. Альваресом Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 30 апреля 2025 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012902/ (дата обращения: 01.08.2025)

12. Выступление на 75- сессии Генеральной Ассамблеи ООН Электронный ресурс /В. В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 22 сентября 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074> (дата обращения: 01.08.2025)

13. Выступление на Мюнхенской конференции по безопасности Электронный ресурс / В. В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 10 февраля 2007 г. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/page/427> (дата обращения: 01.08.2025)

14. Выступление представителя делегации Российской Федерации с разъяснением позиции по проекту резолюции «Применение искусственного интеллекта в военной сфере и его последствия для международного мира и безопасности» в Первом комитете 79-й сессии ГА ООН, Нью-Йорк, 6 ноября 2024 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.11.2024. — Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/1979934/ (дата обращения: 18.05.2026).

15. Выступление Президента РФ на встрече с руководством МИД РФ [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Официальный сайт МИД РФ. 14 июня 2024 г. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107/ (дата обращения: 01.08.2025)

16. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/78/265 от 21 марта 2024 г. «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/065/94/pdf/n2406594.pdf> (дата обращения: 01.08.2025)

17. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/78/311 от 1 июля 2024 г. «Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] // Официальный сайт

ООН. Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/311> (дата обращения: 01.08.2025)

18. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/239 «Искусственный интеллект в военной сфере и его последствия для международного мира и безопасности» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 24.12.2024. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/239> (дата обращения: 18.05.2026).

19. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/293 «Международный день борьбы с односторонними принудительными мерами» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2025. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/293> (дата обращения: 18.05.2026).

20. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/79/325 «Искусственный интеллект во благо» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2025. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/325> (дата обращения: 18.05.2026).

21. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс] // European External Action Service. – Режим доступа: https://cdn1-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/Tw-Z27xHuaPdICnLCn6dGHE2yWdLghq3eNaQFIGvrd8/mtime:1470408935/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

22. Декларация XIV саммита БРИКС – Пекин [Электронный ресурс] // НКИ БРИКС. – Режим доступа: [https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_-_Пекинская_декларация_\(г._Пекин_Китай_23_июня_2022_года\).pdf](https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_-_Пекинская_декларация_(г._Пекин_Китай_23_июня_2022_года).pdf) (дата обращения: 01.08.2025)

23. Декларация второго саммита Россия – Африка [Электронный ресурс] // Президент России. 2023. 28 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения: 01.08.2025)

24. Декларация Рио-де-Жанейро [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 01.08.2025)

25. Декларация ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (утв. в г. Циндао 10.06.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <https://infoshos.ru/ru/> (дата обращения: 01.08.2025)

26. Доклад Генерального секретаря ООН A/75/261 «Искусственный интеллект для устойчивого развития» (2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/75/261> (дата обращения: 01.08.2025)

27. Доклад Генерального секретаря ООН и президента Международного комитета Красного Креста по автономному оружию [Электронный ресурс] // ООН, МККК. Сентябрь 2024 г. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/59/67> (дата обращения: 01.08.2025)

28. Доклад открытой рабочей группы ООН A/75/816 «Прогресс в разработке международных правил поведения в информационном пространстве» (2021, позиция России о конвенции) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/75/816> (дата обращения: 01.08.2025)

29. Интервью Министра иностранных дел С. В. Лаврова итальянскому журналу «Panorama» Электронный ресурс / С. В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 3 мая 2018 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1570103/ (дата обращения: 01.08.2025)

30. Интервью Министра иностранных дел С. В. Лаврова телекомпании ВГТРК в связи с юбилеем Е. М. Примакова Электронный ресурс / С. В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 28 октября 2014 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1716438/ (дата обращения: 01.08.2025)

31. Казанская декларация XVI саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (Казань, 23 октября 2024 г.) [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Nk.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).

32. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229// Собрание законодательства РФ. 2023. N 14. ст. 2406.

33. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 г. № Пр-1440.

34. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.

35. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30.11.2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 19.05.2026).

36. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 14.05.2025)

37. Концепция ООН по противодействию вмешательству во внутренние дела через ИКТ (представлена Россией в 2020 г.) [Электронный ресурс] // Постоянное представительство РФ при ООН. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/ict_un (дата обращения: 01.08.2025)

38. Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315–р // Собрание законодательства РФ. 2023. N 22. ст. 3964.

39. Межпарламентская Ассамблея СНГ. Постановление № 55-23 от 14.04.2023 «О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН Онлайн. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=n22300137> (дата обращения: 01.08.2025)

40. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью бразильской газете Globo, 10 июля 2024 года. – Режим доступа: https://www.mid.ru/en/press_service/photos/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1936760/ (дата обращения: 25.05.2025)

41. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств и международных организаций: федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3710.

42. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 30.10.2018 № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6903.

43. О проведении в Российской Федерации Года семьи: указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 // Собрание законодательства РФ. 2023. N 48. ст. 8560.

44. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

45. О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna/ (дата обращения: 01.08.2025)

46. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. N 10. ст. 1373.

47. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

48. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. N 20. ст. 2902.

49. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно–технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 377 // Собрание законодательства РФ. 2019. N 15 (часть III). ст. 1750.

50. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. N 42. ст. 5009.

51. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента РФ от 19.11.2024 № 991 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 19 ноября. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2024/11/19/prezident-ukaz991-site-dok.html> (дата обращения: 19.05.2026).

52. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 2022. 24 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 19.05.2026).

53. Ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе специальной сессии большой дискуссионной программы МГИМО Электронный ресурс / С. В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 4 марта 2024 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012487/ (дата обращения: 01.08.2025)

54. Отказ от применения односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения как средства оказания политического и экономического давления А/79/L.93 [Электронный ресурс] // Официальный сайт

ООН. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/79/L.93> (дата обращения: 01.08.2025)

55. Официальное заявление Российской Федерации по итогам голосования по проекту резолюции о военном применении ИИ. Первый комитет ГА ООН. 6 ноября 2024 г. [Электронный ресурс] // Генеральная Ассамблея ООН. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/1979934/ (дата обращения: 01.08.2025)

56. Пакт во имя будущего, Глобальный цифровой договор и Декларация о будущих поколениях [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2024. – Режим доступа: <https://www.un.org/pact-for-the-future/ru> (дата обращения: 18.05.2026).

57. План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 2580–р от 16 сентября 2021 г. // Собрание законодательства РФ. 2021. N 39. ст. 6751.

58. Позиция России по управлению интернет-инфраструктурой (заявлена на WSIS+20, 2023) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/internet_governance/ (дата обращения: 01.08.2025)

59. Послание Президента РФ участникам и гостям XIII Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс] / В.В. Путин // РИА Новости. 19 мая 2025 г. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250519/putin-2017778585.html> (дата обращения: 01.08.2025)

60. Послание Президента РФ Федеральному Собранию [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 29 февраля 2024 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.08.2025)

61. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2020 № 287 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития

синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на 2019–2027 годы».

62. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.04.2019 № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы».

63. Путин заявил о создании в рамках БРИКС независимой платежной системы [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/666303049a7947f4cse492f4> (дата обращения: 01.08.2025)

64. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/266 «Достижения в сфере информационных и телекоммуникационных технологий в контексте международной безопасности» (принята 22.12.2018, инициатива России о создании рабочей группы) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/266> (дата обращения: 01.08.2025)

65. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/27 «Достижения в сфере информационных и телекоммуникационных технологий в контексте международной безопасности» (принята 05.12.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 01.08.2025)

66. Решение Совета Глав государств СНГ от 8 октября 2024 года «О Заявлении глав государств – участников Содружества Независимых Государств о развитии сотрудничества в области искусственного интеллекта гражданского назначения» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/410642396/> (дата обращения: 01.08.2025)

67. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 01.08.2025)

68. Совместное коммюнике по итогам двадцать третьего заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – Режим доступа: <https://rus.sectsco.org/20241016/1562172.html> (дата обращения: 01.08.2025)

69. Стратегия научно—технологического развития Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 №145// Собрание законодательства РФ. 2024. N 10. ст. 1373.

70. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. N 27 (часть II). ст. 5351

71. Стратегия развития ОДКБ до 2030 года [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: <https://odkb-csto.org/> (дата обращения: 01.08.2025)

72. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 1945. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 01.08.2025)

Монографии и научные статьи

73. Абалкин Л. И. Кризис глобальных институтов: анализ и прогнозы / Л.И. Абалкин // Мировая экономика. – 2023. – № 7. – С. 40–58.

74. Агеев А. И. Демографическая политика в России: оценка результативности /А. И. Агеев, О. А. Золотарева// Вопросы статистики. – 2023. – №30(2). – 53–71.

75. Агеева А. И. Демографическая политика в России: проблемы и вызовы/А.И. Агеев, О. А. Золотарева // Вопросы статистики. – 2024. – № 2.

76. Бажанова Е. С. Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 6 (180). – С. 137-142.

77. Бажанова Е. С. Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 7 (181). – С. 30-39.

78. Бажанова Е. С. Приоритетные направления внешнеполитической деятельности России по формированию нового мирового порядка / Е. С. Бажанова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – № 7 (72).

79. Бажанова Е. С. Современное состояние, успехи и проблемы во внешнеполитической деятельности России по формированию мирового порядка / Е. С. Бажанова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – № 2 (188). – С. 112-117.

80. Баксанский О.Е. Конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания / О.Е. Баксанский // Ноосферные исследования. – 2021. – Вып. 1. – С. 88–98.

81. Баталов Э. Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера / Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. – М.: КРАСАНД, 2010. – С. 41–45.

82. Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Э. Я. Баталов // Полис. Политические исследования. - 2003. - № 5. - С. 25-37.

83. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.

84. Бердяев Н. А. Россия и Западная Европа // Русская мысль. - М.-Пг., 1917. № 5–6.

85. Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 стр.

86. Бжезинский, Зб. Еще один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы / Збигнев Бжезинский; [пер. с англ. Ю. В. Фирсов]. - Москва: Международные отношения, 2007. – 237 с.

87. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д. Богатуров. – М.: Конверт - МОНФ, 1997. – 352 с.

88. Богатуров А. Д. Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 4 (103). С. 46-65.
89. Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 2014. – 517 с.
90. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 487 с.
91. Валлерстайн И. Мировые системы // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. – Выпуск 1. – С. 105–123.
92. Верченко А.Л. Продвижение Китая идеи «сообщества единой судьбы человечества»/ А.Л. Верченко // Восточная Азия: факты и аналитика. - 2020. – № 1. – С. 6-23.
93. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах / С. Глазьев. - М: Книжный мир, 2019. - 768 с.
94. Глазьев С. Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С.Ю. Глазьев, В. В. Харитонов. – М.: Тривант, 2009. – 512 с.
95. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // ЭНСР. – 2012. – №2 (57). – С. 27–42.
96. Глазьев С. Ю. Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в Российской экономике / С. Ю. Глазьев, Д.Л. Косакян// Экономика науки. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 11–29.
97. Глобальные тренды 2030: новые вызовы / Под ред. М. К. Смирнова. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 400 с.
98. Грамши А. Тюремные тетради / М. Грамши. — М.: ROSSPEN, 2007. — 928 с.

99. Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок в демографическом аспекте // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 50–76.
100. Гринин Л. Е. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин, А.В. Коротаев // Политическая наука. - 2024. - № 2. - С.124-150.
101. Гринин Л. Е. Контуры нового мирового порядка / Л.Е. Гринин// Философия и общество. - 2015. - №3-4. – С. 7-33.
102. Громыко А. А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. – 2012. – № 3. – С. 18-32.
103. Гузикова М. О., Победаш Д.И. «World Order», «миропорядок» и «European Disorder»: конкуренция концептов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 13. С. 35-43.
104. Давыдов В. В. БРИКС и многополярность / В. В. Давыдов// Латинская Америка. – 2022. – № 5. – С. 50–68
105. Давыдов В. М. Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка / В. М. Давыдов, М.А.М. Кодзоев// Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69. – № 1. – С. 39-52.
106. Давыдов Ю. П. Норма против силы: Проблема мирорегулирования / Ю. П. Давыдов. – М.: Наука, 2002. – 287 с.
107. Данилевский Н. Россия и Европа. – М.: АСТ, 2007. – 697 с.
108. Джайшанкар, С. Почему Бхарат имеет значение/ Субраманьям Джайшанкар; перевод с английского Ксении Орловской. - Ереван: Fortis Press, -296 с.
109. Достоевский Ф. М. – Соловьев Вл. Оправдание войны. – М., 1915.
110. Закария Ф. Постамериканский мир будущего / Ф. Закария. – М.: Европа, 2009. – 367 с.
111. Зонова Т. В. Публичная дипломатия в европейском интеграционном процессе / Т. В. Зонова// Публичная дипломатия зарубежных стран. Учебное

пособие. Под ред. А. Н. Панова и О. В. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 126-148.

112. Зуйков Р. С. Международные отношения начала XXI века: анализ критериев системности: диссертация кандидата политических наук / Зуйков Руслан Сергеевич. – М.: Отдел международно—политических проблем Учреждения Российской академии наук Института мировой экономики и международных отношений РАН, 2010. – 248 с.

113. Иванов А. А. Биполярность vs. многополярность: сценарии XXI века / А. А. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 12–25.

114. Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21-35.

115. Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 52–64.

116. Караганов С.А. Вперед, в восточный мир! / С.А. Караганов // Россия в глобальной политике. — 2023. — № 2. — С. 5–10

117. Караганов С.А. Мир после гегемонии Запада. – М.: Аспект Пресс, 2023. – 512 с.

118. Караганов С. А. Россия в формирующемся мировом порядке / С.А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 3. – С. 120–140.

119. Карадже Т.В. Методологические аспекты политической науки: Геоэкономический подход как методология анализа глобального мира / Т.В. Карадже. – М., 2011. – 214 с.

120. Карадже Т. В. Тенденции мирового цивилизационного процесса: дис. д-ра филос. наук: 22.00.06 / Карадже Татьяна Владимировна. — М., 1998. – 212 с.

121. Кеохейн, Р. Гегемония и после нее / Р. Кеохейн // Принстонский университет. – 2012. – Т. 10. – № 6.

122. Киселев С. Г. Геополитическая судьба биполярной модели мироустройства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 129-135.

123. Киселев С. Г. Геополитический статус государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2. (855). С. 9-15.

124. Киселев С. Г. Глобальная геополитическая трансформация: шансы Америки и остального мира // Аналитический бюллетень Московского Института стратегических исследований. Научные доклады. Московский институт стратегических исследований; ответственный редактор: Р.А. Явчуновская. – М., 2016. С. 89–104.

125. Киселев С. Г. Закат Америки как апогей трансформации геополитической модели мира // Геополитика и безопасность. 2015. № 2 (30). С. 68–72.

126. Киселев С. Г. На рубеже тысячелетий: геополитический «взрыв» и геополитическое возрождение России // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. №. 3 (55). С. 333-337.

127. Киселев С. Г. Столкновение цивилизаций: был ли С. Хантингтон первым в постановке проблемы? // Информационные войны. 2020. №. 3 (55). С. 61–63.

128. Киселев С. Г. «Столкновение цивилизаций»: был ли С. Хантингтон первым в постановке проблемы? Русские философы о конфликтах культур-цивилизаций: концепты и прогнозы // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 15 (2024). Столкновение цивилизаций: миф или реальность? Философские размышления о современных геополитических конфликтах. К 270-летию создания Московского университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. Е. Н. Мошелкова, науч. ред. А. В. Никандров / МГУ имени М. В. Ломоносова. Философский факультет. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2024. С. 67–81.

129. Киселев С. Г. Трансформация геополитической модели и международного права, или последний шанс Америки // Вестник международного института менеджмента ЛИНК. 2015. № 7(36). С. 77–83.

130. Киселев С. Г. Цивилизационная геополитика: монография / С. Г. Киселев. – Москва: МАКС Пресс, 2024. – 208 с. ISBN 978-5-317-07271-1 <https://doi.org/10.29003/m4201.978-5-317-07271-1>
131. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – Москва: Издательство АСТ, 2024 – 544 с.
132. Клименко А. В. Кибербезопасность и международное право: новые вызовы / А. В. Клименко // Право и политика. – 2023. – № 1. – С. 102–118.
133. Кокошин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7-21.
134. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики / Н. Д. Кондратьев, Д. И. Опарин. – М., 1928. – 287 с.
135. Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – Волгоград: Учитель, 2012. – С. 58-109.
136. Картунов С. В. Войдет ли Россия в пятерку мировых лидеров? / С.В. Картунов // Вестник аналитики. – 2010. – № 1. – С. 5–17.
137. Картунов С.В Политика и дипломатия. Становление нового мирового порядка / С.В. Картунов // Международная жизнь. – 2002. – № 6. – С. 77-93.
138. Косевич, Е. Ю. Соотношение глобального и регионального во внешней политике Мексики в начале XXI века: дис. канд. полит. наук / Косевич Елена Юрьевна. — М., 2018. — 190 с.
139. Косолапов Н. А. Глобальное управление на старте 2020-х годов / Н. А. Косолапов // Запад - Восток - Россия. - 2020. - С. 24-29.
140. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В. Разворот России на Глобальный Юг как фактор ее регионального развития [Электронный ресурс] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 110-

130. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06. – Режим доступа: <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.06> (дата обращения: 19.05.2026).
141. Куприянов А. В. (2020) Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 47–65.
142. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М. М. Лебедева // Полис. - 2020. - № 4.- С. 24-35.
143. Лебедева М. М. БРИКС в трансформирующейся политической организации мира // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 4 (103). С. 66-84.
144. Леонор Н. Р. Р. Российско-латиноамериканские отношения в контексте формирования нового мирового порядка: диссертация кандидата политических наук / Леонор Нина Рамос Росио. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2022. – 190 с.
145. Лукин А. В. Возвышающийся Китай и будущее России / А. В. Лукин. – М.: Международные отношения, 2018. – 792 с.
146. Лукин А. В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015-2024) / ред.-сост. О. С. Пугачева; Институт Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2024. 958 с.
147. Лукьянов Ф. А. Борьба за мир через силу // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 5. С. 5–8.
148. Лукьянов Ф. А. Глобальный порядок без центра / Ф. А. Лукьянов// Россия в глобальной политике. – 2023. – № 4.
149. Лукьянов Ф. Глобальный хаос: бесполярность как новый мировой порядок / Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. — 2016. — № 4. — С. 8–15.
150. Львов Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев// Экономика и математические методы: журнал. – М., 1986. – № 5. – С. 793—804.

151. Мانتусов, В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 64 с.
152. Мانتусов В. Б., Гладков А. Р., Липатова Н. Г. Перспективы регионального торгового соглашения на базе Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Российской таможенной академии. 2025. № 4. С. 176-188.
153. Михайленко А. Н. Контурь нового мирового порядка // А. Н. Михайленко // Этносоциум и межнациональная культура - 2019. - № 8 (134). - С. 143–158.
154. Михайленко А. Н. Современный этап в формировании полицентричного мира / А. Н. Михайленко // Вопросы политологии. - 2019. - № 1 (41). – С. 83-94.
155. Михайленко А. Н. Тенденции развития нового мирового порядка / А. Н. Михайленко, У. С. Алиев// Известия Юго–Западного государственного университета Серия: История и право Научный журнал. - 2019. - Том 9. - № 5. -С. 134-144.
156. Михайленко А. Н. Формирование нового мирового порядка и интеграционные процессы в ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2018. – 1040 с.
157. Михайленко А. Н. Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 1431-1448.
158. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы / Н. Н. Моисеев // Социально-политический журнал. – 1995. – № 5. – С.30-30.
159. Моисеев Н. Н. Экологический кризис и цивилизационные конфликты / Н. Н. Моисеев // Проблемы глобальной безопасности. – 1995. – № 2. – С.52-69.
160. Морозов Г. И. Принципы справедливого миропорядка в документах ООН / Г. И. Морозов // Международное право. – 2021. – № 3. – С. 56-73.

161. Музяков С.И., Ситников А.Д. Трансформация основных центров силы в современном геополитическом пространстве // Военный академический журнал. 2016. № 4 (12). С. 100-107.
162. Муса кызы А. Глобализация и тенденция развития современного мира, политика великих держав – центры силы в многополярном мире / А. Муса кызы // Вестник СВФУ. Серия «История. Политология. Право. – 2017. – № 4 (08). – С. 52-59.
163. Никитин А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы / А. И. Никитин // Полис. - 2018. - № 6. - С.32-45.
164. Никитин А. И. Мировые державы и трансформация миропорядка // Философия политики и права. 2019. № 10. С. 168-186.
165. Никонов В. А. Ресурсы и приоритеты внешней политики РФ / В. А. Никонов // Современные МО и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М. 2004. - С.712-43.
166. Петров К. Л. Россия в биполярной системе / К. Л. Петров // Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 80–95
167. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.
168. Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.: Издательство ТПП РФ; Российская газета, 2016. 320 с.
169. Рогов М. С. Формирующийся миропорядок: опыт теоретического осмысления / М. С. Рогов// Мировая экономика и международные отношения. 2022. – Том 66. – № 2. – С. 117-129.
170. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М., Весь Мир, 2011. 580 с.
171. Сафронова Е. И. К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы» // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско—китайских отношений / отв. ред. сост. А. О. Виноградов. – Москва: ИДВ РАН. 2018. – С. 45—54

172. Силаев Н. Ю. Граждане мирового большинства [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 47-66. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-47-66. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/grazhdane-mirovogo-bolshinstva/> (дата обращения: 19.05.2026).

173. Симония Н.А. Итоги президентских выборов в США и перспективы складывания нового многополярного миропорядка. – Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 147-154.

174. Скалепов А.Н. Тектоника украинского кризиса / А.Н. Скалепов. – М.: Проспект, 2023. – 432 с.

175. Смирнов В. П. Китай и США: новая холодная война? / В. П. Смирнов // Международные процессы. – 2022. – № 3. – С. 30–45

176. Солянова М. В. Американские концепции полярности в международных отношениях. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2017.

177. Стратегическое прогнозирование международных отношений / Под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. – М.: МГИМО–Университет, 2016. – 897 с.

178. Стрежнева М. В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка / М. В. Стрежнева // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2016. - № 2. - С. 3 – 30.

179. Суслов Д. В. Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России / Д. В. Суслов, С.А. Караганов // Россия: стратегия для нового мира: Сб. докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 41—94.

180. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. - М.: АСТ: Астрель; Владимир, 2011. – 817 с.

181. Торкунов А.В. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность / Н.А. Симония, А.В. Торкунов. – М.: Международная жизнь, 2013. – 88 с.

182. Торкунов А. В., Стрельцов Д. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5-16.
183. Тренин Д. В. Не «против», а «за» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 56–68.
184. Тренин Д. В. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д. В. Тренин. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 471 с.
185. Тренин Д. В. Россия и мир в XXI веке / Д. В. Тренин. – М.: Эксмо, 2015. – 384 с.
186. Тренин Д. Мир без мирового порядка: к новой архитектуре международных отношений / Д. Тренин// Полис. Политические исследования. — 2020. — № 1. — С. 10–23.
187. Тренин Д. В. Многополярный мир: от идеологии к проектированию // Российский совет по международным делам. 29.04.2026.
188. Уткин А. И. Новый мировой порядок / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. – 643 с.
189. Филиппова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 3-е издание, обновленное и дополненное / И. А. Филиппова. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. – 321 с.
190. Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. – М.–Пг., 1914. № 12.
191. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. - М.: Мысль, 2009. – 279 с.
192. Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. – М., 1997. – 33 с.
193. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003.
194. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48.

195. Цинь Тинтин. Экологическая политика Китайской Народной Республики на современном этапе / Цинь Тинтин // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. Т. 6, № 2А. – С. 283-298.

196. Цыганков А. П. Снова русский урок? Не в силах правда: реализм и теория международных отношений / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков // Россия в глобальной политике. - 2022. - Том 20. - № 1(113). - С. 51-58.

197. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 161-176.

198. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» / Т.А. Шаклеина. // Международные процессы. – 2019. – №4. – С. 5-19.

199. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: научное издание / Т.А. Шаклеина. - Издательство «Аспект Пресс». - 2017. –336с.

200. Шаклеина Т. А. Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 4 (861). С. 45-53.

201. Шангараев Р.Н. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира. угрозы и перспективы / Р.Н. Шангараев // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2021. – № 7 (378). – С. 70–84.

202. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Искусство, 1993. – 493с.

203. Энтин М. Л. Императивы создания правовых барьеров на пути применения односторонних ограничительных мер М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, А.А. Вадов//Международная жизнь. – 2025. – №3. – С. 40-59.

204. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004.

205. Юйянь Ч. Организация тюркских государств (отг): происхождение, мотивы, особенности и влияние / Ч. Юйянь // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – № 17(1). – С. 78-87.

206. Яковлев П. П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции / П. П. Яковлев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 47–58.

207. Яковлев П. П. Восхождение стран Глобального Юга и геоэкономические параметры нового миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 6-28.

Материалы сети Интернет и СМИ

208. Актуальные вопросы международного права: позиция России [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2017655/ (дата обращения: 01.08.2025)

209. Алексей Пушков: «Переход к новому миропорядку будет хаотичным» // Московский комсомолец. 2018. 6 июня.

210. Африка на ПМЭФ-2025: новый мировой порядок [Электронный ресурс] // Asia24. – Режим доступа: <https://asia24.media/news/afrika-na-pmef-2025-novyy-mirovoy-poryadok-perspektivnyy-dialog-dlya-millionov-grazhdan/> (дата обращения: 01.08.2025).

211. Барабанов О.Н. Глобальный бунт и глобальный порядок: революционная ситуация в мире и что с ней делать [Электронный ресурс] / О.Н. Барабанов, Т.В. Бордачев, Ф. А. Лукьянов, Д. В. Суслов, А.А. Сушенцов, И .Н. Тимофеев // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. – 22 февраля. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/> (дата обращения: 01.08.2025)

212. Барабанов О. Н., Беспалов А., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок : ежегодный доклад клуба «Валдай». М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025. URL:

<https://ru.valdaiclub.com/a/reports/doktor-khaos-ili-kak-perestat-boyatsya> (дата обращения: 06.09.2026).

213. Барабанов О.Н. Доктор Хаос, или как перестать бояться и полюбить беспорядок? [Электронный ресурс] / О.Н. Барабанов, Т.В. Бордачев, Ф. А. Лукьянов, А. С. Беспалов, А.А. Сушенцов, И. Н. Тимофеев // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. – 29 сентября. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/53295/> (дата обращения: 05.10.2025)

214. Безопасность [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/upload/medialibrary/a0a/mv1w0so1hxoy21ok8qh2cnsputa4zula4/2024-10-24_Безопасность.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

215. Бордачев, Т. Евразийская интеграция: есть ли повод для беспокойства? [Электронный ресурс] / Т. Бордачев // Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-bespokoystvo/> (дата обращения: 01.08.2025)

216. Бордачев Т. В., Суслов Д. В. Авангард Мирового большинства: новая идентичность БРИКС при неизменном базисе // Российское председательство в БРИКС - 2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. М., 2024. С. 78-91.

217. В ОТГ рассказали о росте роли Венгрии в организации [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20241023/vengriya-1979458957.html> (дата обращения: 01.08.2025)

218. Валерий Фальков: Первые 30 передовых инженерных школ переходят на новый качественный уровень развития [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/97466/> (дата обращения: 01.08.2025)

219. Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. –

Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1923985 (дата обращения: 01.08.2025)

220. Глобальный цифровой договор. Приложение к Пакту во имя будущего [Электронный ресурс] // Саммит будущего. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/common-agenda/future-summit> (дата обращения: 01.08.2025)

221. Доклад разведки США: «Война на Украине дала Москве массу уроков» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/667602> (дата обращения: 01.08.2025)

222. Документы саммита БРИКС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 01.08.2025).

223. Дугин, А. Новый многополярный порядок: гептархия и ее смыслы [Электронный ресурс] / А. Дугин // Международные отношения. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2871> (дата обращения: 01.08.2025)

224. Евразийская экономическая интеграция [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1989553 (дата обращения: 01.08.2025)

225. Евразийская экономическая комиссия. Отчет о развитии ЕАЭС в 2025 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: <https://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 01.08.2025)

226. Египетский вуз присоединился к сетевому университету БРИКС [Электронный ресурс] // TV BRICS. – Режим доступа: <https://tvbrics.com/news/egipetskiy-vuz-prisoedinilsya-k-setevomu-universitetu-briks/> (дата обращения: 01.08.2025).

227. Закон Мура – эндшпиль и удивительные продолжения [Электронный ресурс] // Habr.com. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/740958/> (дата обращения: 01.08.2025)

228. Заседание по вопросам экономического развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/77099> (дата обращения: 01.08.2025).

229. Исследование по вопросам развития Африки [Электронный ресурс] // Институт Африки РАН. – Режим доступа: <https://www.inafran.ru/node/3482> (дата обращения: 01.08.2025).

230. Итоги заседания Евразийского экономического совета 23 мая 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-23-maya-2025-goda/> (дата обращения: 01.08.2025).

231. Казанская декларация саммита БРИКС: Главное, о чем договорились мировые лидеры [Электронный ресурс] // Татар-информ. – Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/kazanskaya-deklaraciya-sammita-briks-glavnoe-o-sem-dogovorilis-mirovye-lidery-5962314> (дата обращения: 01.08.2025)

232. Караганов, С. Мир идет к более свободному выбору для каждой страны [Электронный ресурс] / С. Караганов // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/20/karaganov-my-perezhivaem-hudshuiu-holodnuiu-voynu-chem-predydushchaia.html> (дата обращения: 01.08.2025)

233. Киселев С. Г. Сбывается ли прогноз русского философа, или грядет ли последняя мировая война? // Деловой мир, 26 декабря 1996 г.

234. Комментарии по расширению БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1912050> (дата обращения: 01.08.2025)

235. Консультативный орган высокого уровня по ИИ при ООН. Доклад «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества» [Электронный ресурс] // ООН. Сентябрь 2024 г. – Режим доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

236. Картунов А. Что такое многосторонность «по-американски»? [Электронный ресурс] / А. Картунов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-mnogostoronnost-po-amerikanski/> (дата обращения: 01.08.2025)

237. Картунов А. В. Долгосрочные сценарии развития международной системы: «зимняя стужа» и «весенняя оттепель» // Полис. Политические исследования. 2026. № 1. С. 72-89.

238. Лукьянов Ф. А. «Возврата к старому миропорядку не будет» [Электронный ресурс] // Ведомости. 09.02.2026. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2026/02/09/1174869-vozvrata-k-staromu-miroporyadku-ne-budet/> (дата обращения: 19.05.2026).

239. Малайзия: актуальные вопросы сотрудничества [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250514/malayziya-2016705900.html> (дата обращения: 01.08.2025).

240. Малик, Зилл-е-Хума Мустафа. Китайский проект BRI: от геополитики к геоэкономике на примере Пакистана [Электронный ресурс] / Зилл-е-Хума Мустафа Малик // Журнал факультета политических наук (NEUSBF). 2021. 30 декабря. Режим доступа: <https://bit.ly/3VzYWTb> (дата обращения: 01.08.2025)

241. Материалы международного форума [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/6351> (дата обращения: 01.08.2025).

242. МВФ признал Россию четвертой экономикой мира [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/6717ac329a79478792f175ec> (дата обращения: 01.08.2025)

243. Международные экономические форумы [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/mezdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/2038079/ (дата обращения: 01.08.2025).

244. Мир в 2035 году: вниз по лестнице, ведущей вверх? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-v-2035-godu-vniz-po-lestnitse-vedushchey-vverkh/> (дата обращения: 10.03.2025)

245. Миршаймер, Дж. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне [Электронный ресурс] / Дж. Миршаймер // Россия в глобальной политике. – 2008. – №6. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061. (дата обращения: 01.08.2025)

246. Новости транспортного комплекса РФ [Электронный ресурс] // Министерство транспорта РФ. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11880> (дата обращения: 01.08.2025).

247. Нота бене: актуальные вопросы внешней политики [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/nota-bene/2018588/> (дата обращения: 01.08.2025).

248. О развитии цифровой повестки ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/direction/digital/> (дата обращения: 01.08.2025)

249. Обсуждение деталей совместных учений ОДКБ в Беларуси [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-belarusi-obsuzhdeny-detali-sovmestnykh-ucheni-y-odkb/#loaded (дата обращения: 01.08.2025).

250. Основные внешнеполитические итоги 2022 года [Электронный ресурс] // Дипломатическая академия МИД России. – Режим доступа: <https://dipacademy.ru/press/osnovnye-vneshnepoliticheskie-itogi-2022-goda> (дата обращения: 01.08.2025)

251. Палестина: позиция России в ООН [Электронный ресурс] // Постоянное представительство РФ при ООН. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/palestine_030425 (дата обращения: 01.08.2025).

252. Перечень документов, подписанных в ходе заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (31 августа - 1

сентября 2025 г., г. Тяньцзинь) [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rus.sectesco.org/20250901/1958273.html> (дата обращения: 19.05.2026).

253. Поворот России в Азию: новый путеводитель по Латинской Америке [Электронный ресурс] // Russia's Pivot to Asia. – Режим доступа: <https://russiaspivottoasia.com/russian/povorot-rossii-v-aziyu-novyj-putevoditel-po-latinskoj-amerike-na-2025-god/> (дата обращения: 01.08.2025).

254. Рекомендация по этике искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / ЮНЕСКО // Официальный сайт ЮНЕСКО. 2021. – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 01.08.2025)

255. Россия-Африка: к общему будущему [Электронный ресурс] // Форум партнерства Россия-Африка. – Режим доступа: <https://summitafrica.ru/news/rossija-afrika-k-obshemu-buduschemu-podvedeny-itogi-pervoj-ministerskoj-konferentsii-foruma-partnerstva-rossija-afrika/> (дата обращения: 01.08.2025).

256. Россия и Вьетнам подписали меморандум о сотрудничестве в сфере туризма [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_vetnam_podpisali_memorandum_o_sotrudnichestve_v_sfere_turizma.html (дата обращения: 01.08.2025).

257. Россия и исламский мир: диалог во имя справедливости [Электронный ресурс] // Ислам в современном мире. – Режим доступа: <https://еими.рф/novosti-resursa/item/499-rossiya-i-islamskij-mir-dialog-vo-imya-spravedlivosti-i-mnogopolyarnosti.html> (дата обращения: 01.08.2025).

258. Россия и Латинская Америка: в поисках новых форм сотрудничества [Электронный ресурс] // Общественная палата РФ. – Режим доступа: <https://oprfr.ru/news/rossiya-i-latinskaya-amerika-v-poiskakh-novykh-form-sotrudnichestva> (дата обращения: 01.08.2025).

259. Россотрудничество расширило географию сети партнерских Русских домов [Электронный ресурс] // Россотрудничество. – Режим доступа:

<https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-rasshirilo-geografiyu-seti-partnerskih-russkih-domov-do-20-stran/> (дата обращения: 01.08.2025).

260. Си Цзиньпин принял участие в диалоге высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира и выступил с программной речью [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230317_11043732.html (дата обращения: 01.08.2025)

261. Соглашения о свободной торговле с ОАЭ и Монголией [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/news/soglasheniya_o_svobodnoy_torgovle_s_oae_i_mongoliey_seconomyat_rossiyskomu_biznesu_poryadka_20_mlrd_rublei.html (дата обращения: 01.08.2025).

262. Спецпредставитель президента России Дмитрий Песков назвал в качестве наиболее вероятного сценария развития для страны «островизацию» [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/06/2022/62a0bb419a79471aefb3cc5e (дата обращения: 01.08.2025)

263. Стрежнева, М. В. Европейский союз: архитектура внешней политики [Электронный ресурс] / М. В. Стрежнева, Д. Э. Руденкова // ИМЭМО РАН. — М., 2016. — Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_029.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

264. Стрежнева, М. В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка [Электронный ресурс] / М. В. Стрежнева // Факультет мировой политики МГУ. – Режим доступа: https://old.fmp.msu.ru/attachments/article/417/STREZHNEVA_2016_2.pdf. (дата обращения: 01.08.2025)

265. Строительство первых объектов Каспийского кластера в Дагестане [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа:

https://economy.gov.ru/material/news/stroitelstvo_pervyh_obektov_kaspiyskogo_klastera_v_dagestane_nachnetsya_v_2025_godu.html (дата обращения: 01.08.2025).

266. Сюй Бо. Новый китайский взгляд на мировой (бес)порядок [Электронный ресурс] / Сюй Бо // Валдайский клуб. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novyuy-kitayskiy-vzglyad-na-mirovoy-besporядok/> (дата обращения: 01.08.2025)

267. Тимофеев И. Евразийская структура безопасности: от идеи к практике [Электронный ресурс] / И. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike/> (дата обращения: 01.08.2025)

268. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/> (дата обращения: 01.08.2025)

269. Цзя Цинлинь. Выступление в обществе британо-китайской торговли [Электронный ресурс] // Tianshannet. 2006. 26 октября. – Режим доступа: http://russian.xjts.cn/china/content/2006%20—%2010/26/content_1297787.htm (дата обращения: 01.08.2025)

270. Шнайдер-Пецингер, М. Геоэкономика [Электронный ресурс] / М. Шнайдер-Пецингер // Форум глобальной торговой политики. 2016. Режим доступа: <https://bit.ly/3VQgAT6> (дата обращения: 01.08.2025)

271. Эрдоган Р. Т. Ключ к процветанию Евразии: Тюркский мир [Электронный ресурс] // Kazinform. 2026. 14 мая. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/klyuch-k-miru-v-evrazii-tyurkskiy-mir-c75627c7> (дата обращения: 17.05.2026).

272. Юго-Восточная Азия и Россия: в поисках новой взаимосвязанности [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yugo-vostochnaya-aziya-i-rossiya-v-poiskakh-novoy-vzaimosvyazannosti/> (дата обращения: 01.08.2025).

273. JPMorgan Chase описал четыре сценария окончания конфликта на Украине [Электронный ресурс] // РБК: Политика. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2025/6830cdca9a794748102dfec7> (дата обращения: 01.08.2025)

274. Overview of ASEAN [Электронный ресурс] // Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN). – Режим доступа: <https://asean.org/about-asean/overview/> (дата обращения: 01.08.2025)

Литература на иностранных языках:

275. Acharya A. Dialogue and discovery: In search of International Relations theories beyond the West // Millennium. 2011.

276. African Union has been made a permanent member of the G20 – what does it mean for the continent? – <https://www.weforum.org/agenda/2023/09/african-union-g20-world-leaders> (дата обращения: 01.08.2025).

277. The African Union has been made a permanent member of the G20 – what does it mean for the continent? [Электронный ресурс] // World Economic Forum. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2023/09/african-union-g20-world-leaders> (дата обращения: 01.08.2025)

278. Agenda 2063: The Africa We Want: framework document [Электронный ресурс] // African Union: official website. Addis Ababa, 2015. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-framework_document_book.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

279. America Is No Longer the Indispensable Nation [Электронный ресурс] // National Security Journal. – Режим доступа: <https://nationalsecurityjournal.org/america-is-no-longer-the-indispensable-nation/> (дата обращения: 01.08.2025)

280. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. March 2026 [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence. – Режим

доступа: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2026-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).

281. Aras B. The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*. 2009. Vol. 11, № 3. P. 127–142.

282. Bajpai K., Mallavarapu S., eds. *India, the West, and International Order*. New Delhi: Orient BlackSwan, 2019.

283. Baru S. India and China in a multipolar world / S. Baru // *The Hind*. – May 11. – 2015.

284. Bastasin C. Europe should not encourage the “China vs the US” bipolarity. Rome: Luiss School of European Political Economy, 2022. 26 May. Policy Brief 13/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://leap.luiss.it/wp-content/uploads/2022/06/PB13.22-Europe-should-not-encourage-China-US-bipolarity.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

285. Bernal-Meza R. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions [Электронный ресурс] // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2016. Vol. 59, № 1. DOI: 10.1590/0034-7329201600105. – Режим доступа: <https://www.scielo.br/j/rbpi/a/hPzbpPMSvbLvBRKfbbXZjPc/?lang=en> (дата обращения: 17.05.2026).

286. Bilgin P. Thinking Past “Western” IR? // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29, № 1. P. 5–23.

287. Biscop S. *European Strategy in the 21st Century: New Future for Old Power*. – London; New York: Routledge, 2019. – 154 p.

288. BRICS Joint Statement. Johannesburg II Declaration [Электронный ресурс] // Официальный сайт БРИКС. Август 2023. – Режим доступа: <https://brics2023.gov.za/johannesburg-ii-declaration/> (дата обращения: 01.08.2025)

289. Bolton, John and the Monroe Doctrine // *The Economist*, May 9th 2019

290. BRICS Foreign Ministers convey positions on reforming global governance, strengthening multilateralism, and promoting peace [Электронный ресурс] // BRICS Brasil. 2025. 28 Apr. – Режим доступа: <https://brics.br/en/news/brics-foreign-ministers->

convey-positions-on-reforming-global-governance-strengthening-multilateralism-and-promoting-peace (дата обращения: 17.05.2026).

291. BRICS ministers fail to issue a joint statement over differences on conflict in the Middle East [Электронный ресурс] // Associated Press. 15.05.2026. – Режим доступа: <https://apnews.com/article/c2239256c5f08ad15739fb528a53aedd> (дата обращения: 18.05.2026).

292. BRICS talks end without joint statement, exposing divisions over war in Iran [Электронный ресурс] // Reuters. 15.05.2026. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/china/india-issues-chair-statement-after-brics-meeting-amid-differences-over-gulf-2026-05-15/> (дата обращения: 18.05.2026).

293. Bull H. The Anarchical Society A Study of Order in World Politics, 4th ed. / H. Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 330 p.

294. Buzan B. An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach / B. Buzan. – Cambridge: Polity Press, 2014. – P. 130.

295. Buzan B. Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations / B. Buzan, A. Acharya. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 188 p.

296. Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. 227 p.

297. Chair's Statement and Outcome Document at BRICS Foreign Ministers' Meeting, May 15, 2026 [Электронный ресурс] // Ministry of External Affairs, Government of India. 15.05.2026. – Режим доступа: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/41144/Chairs_Statement_and_Outcome_Document_at_BRICS_Foreign_Ministers_Meeting_May_15_2026 (дата обращения: 18.05.2026).

298. Chimni B.S. International Law and World Order: A Critique of Contemporary Approaches. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

299. Chomsky, N. Electing the President of An Empire [Электронный ресурс] / N. Chomsky // Alternet. – Режим доступа: <http://www.alternet.org/news-amp-politics/noam-chomsky-electing-president-empire> (дата обращения: 01.08.2025)

300. Commission reviews relations with China, proposes 10 actions. European Commission - Press release. Brussels, 12 March 2019 // http://europa.eu/rapid/press-release_IP-19-1605_en.htm (дата обращения: 01.08.2025)

301. Concept Paper on the Global Governance Initiative [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2025. 1 September. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202509/t20250901_11699912.html (дата обращения: 17.05.2026).

302. Conflicts to Watch in 2026 [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. Center for Preventive Action. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/reports/conflicts-watch-2026> (дата обращения: 19.05.2026).

303. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos [Электронный ресурс] // Cámara de Diputados del H. Congreso de la Unión. – Режим доступа: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/CPEUM.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

304. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 [Электронный ресурс] // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. – Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 17.05.2026).

305. Constitutive Act of the African Union: adopted by the Thirty-Sixth Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government, 11 July 2000, Lomé, Togo [Электронный ресурс] // African Union: official website. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

306. Cox R. Social Forces, States and World Orders: beyond International Relations Theory / R. Cox// Global Governance. Critical Concepts in Political Science. Vol. 1 / Ed. by T. Sinclair. – Vol. 1. – London & New York, Routledge, 2004. – P. 11–47

307. Césaire A. Discourse on Colonialism. New York: Monthly Review Press, 2000. 102 p.

308. Davutoğlu A. *Alternative Paradigms: The Impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory*. Lanham: University Press of America, 1994. 215 p.

309. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

310. Defence White Paper 2016 // <http://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения: 01.08.2025)

311. Deng F. M., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Zartman I. W. *Sovereignty as Responsibility: Conflict Management in Africa*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996. 265 p.

312. Department of Economic and Social Affairs Population Division [Электронный ресурс] // United Nations. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20231205201116/https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (дата обращения: 01.08.2025)

313. Directiva de Política de Defensa Nacional: Decreto 457/2021, Buenos Aires, 14 de julio de 2021 [Электронный ресурс] // Boletín Oficial de la República Argentina. 2021. 19 julio. – Режим доступа: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/246990/20210719> (дата обращения: 17.05.2026).

314. Dos Santos T. The Structure of Dependence // *The American Economic Review*. 1970. Vol. 60, № 2. P. 231–236.

315. Economic Development in Africa Report [Электронный ресурс] // UNCTAD. – Режим доступа: https://intosairussia.org/images/reports/UNCTAD_Economic_Development_in_Africa_Report_2023.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

316. Economic Survey of Latin America and the Caribbean 2024 [Электронный ресурс] // Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). – Режим доступа: <https://www.cepal.org/en/presentations/economic-survey-latin-america-and-caribbean-2024> (дата обращения: 01.08.2025)

317. Erdoğan R. T. A Fairer World is Possible: A Proposed Model for a United Nations Reform. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. 216 p [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Fairer-World-Possible-Proposed-Nations/dp/6257548195> (дата обращения: 17.05.2026).

318. Esteban M., Armanini U. Strategic autonomy in a new era: a Cold-War risk assessment of China's involvement in the EU's 5G networks [Электронный ресурс] // Real Instituto Elcano. 2019. 6 Aug. – Режим доступа: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/strategic-autonomy-in-a-new-era-a-cold-war-risk-assessment-of-chinas-involvement-in-the-eus-5g-networks/> (дата обращения: 17.05.2026).

319. Etzioni A. The Myth of Multipolarity / A. Etzioni // The National Interest. – October 5. – 2012.

320. European Economic Security Strategy [Электронный ресурс] // European Commission. 2023. 20 June. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/european-economic-security-strategy_en (дата обращения: 17.05.2026).

321. Fanon F. The Wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1963. 255 p.

322. Fidan H. Interview of H. E. Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Al Jazeera English, 29 January 2026 [Электронный ресурс] // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2026. 29 Jan. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-hakan-fidan-in-al-jazeera-english-e-verdigi-mulakat-29-ocak-2026.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

323. Fidan H. The OIC in a Transforming World: Türkiye's Vision for a More Active and Unified Islamic Cooperation [Электронный ресурс] // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2025. 20 June. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/article-by-minister-of-foreign-affairs-hakan-fidan-titled-the-oic-in-a-transforming-world-turkiye-s-vision.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

324. Finnemore M. Rules for the World: International Organizations in Global Politics. – Cornell University Press. – October 12, 2004.

325. Franck, T.M. The Power of Legitimacy Among Nations. – Oxford University Press, 1990. – 303 p.

326. Frank A. G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil. New York: Monthly Review Press, 1967. 343 p.

327. General Assembly Resolution A/RES/76/231 «Reducing space threats through norms, rules and principles of responsible behaviours» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2021. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/RES/76/231> (дата обращения: 01.08.2025)

328. General Assembly Resolution A/RES/78/268 «Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2023. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/RES/78/268> (дата обращения: 01.08.2025)

329. Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions [Электронный ресурс] // The State Council of the People's Republic of China. 2023. 26 сентября. – Режим доступа: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (дата обращения: 01.08.2025)

330. Global Innovation Index 2024 rankings [Электронный ресурс] // World Intellectual Property Organization (WIPO). – Режим доступа: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

331. The Global Risks Report 2026 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 14 January 2026. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2026/in-full/> (дата обращения: 19.05.2026).

332. Global trade growth loses momentum as trade tensions persist. Press Release. 2 April 2019 // https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (дата обращения: 01.08.2025)

333. Global Trends 2030: Alternative Worlds. // http://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

334. Global Trends report [Электронный ресурс] / National Intelligence Council // Официальный сайт Совета национальной разведки США. – Режим доступа: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home> (дата обращения: 01.08.2025)

335. Grigoriadis I. N. The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy. Athens: Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, 2010. 14 p.

336. Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order / R. Haass. – Penguin Press, 2017. – 397 с.

337. Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance / R. Haass // Foreign Affairs. — 2008. — Vol. 87, № 3. — P. 44–56.

338. Huntington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post–Cold War World // Foreign Affairs, november / december 1993, vol. 72, № 5, p. 186–194.

339. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 237 с.

340. Huntington S. P. The clash of the civilizations? / S.P. Huntington // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72, № 3. – P. 22-49.

341. Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. – Princeton: University Press, 2000. – 407 с.

342. Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, D.C.: The White House, 2022. Feb [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). P. 4–7, 15–16.

343. Integrated Security for Germany. National Security Strategy [Электронный ресурс] // The Federal Government of Germany. 2023. – Режим доступа: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). P. 12–17.

344. Interview of H. E. Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Reuters, 4 April 2025 [Электронный ресурс] // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. 2025.

4 Apr. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/interview-of-he-hakan-fidan--minister-of-foreign-affairs--reuters--4-april-2025.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

345. Jaguaribe H. Autonomy for the Peripheral Countries // *International Social Science Journal*. 1979. Vol. 31, № 3. P. 513–531.

346. Jaishankar S. *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: HarperCollins India, 2020.

347. Joint communication to the European Parliament and the Council on strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism [Электронный ресурс] // European External Action Service. 2021. 17 февраля. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/en_strategy_on_strengthening_the_eus_contribution_to_rules-based_multilateralism.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

348. Jorge Heine. *The Non-Aligned World: Striking Out in an Era of Great Power Competition*. 2025.

349. Juan Pablo Scarfi. *Latin American Foreign Policies in the New World Order* // *International Affairs*. 2024.

350. Kagan R., Kristol W. *Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy*. – New York: Encounter Books, 2000. – 397 с.

351. Kagan R. *The Twilight of the Liberal World Order* [Электронный ресурс] // Brookings Institution. 2017. 24 Jan. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (дата обращения: 17.05.2026).

352. Kalın İ. *Islam and the West*. İstanbul: İSAM Publications, 2007. 207 p.

353. Kalın İ. *Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms* // *International Journal*. 2012. Vol. 67, № 1. P. 7–21.

354. Keohane R. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy* / R.O. Keohane. – New Jersey: Princeton University Press, 2005. – 476 с.

355. Keohane R.O. *Multilateralism: An Agenda for Research* / R.O. Keohane // *International Journal*. – 1990. – Vol. 45 (XLV). – P. 732-741.

356. Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. – London: Penguin Books, 2015. – 812 с.
357. Kunming-Montreal Global Biodiversity Framework [Электронный ресурс] // Convention on Biological Diversity. 2022. – Режим доступа: <https://www.cbd.int/gbf/> (дата обращения: 01.08.2025)
358. Leonard M. *Why Europe Will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate, 2005. 170 p.
359. Livro Branco de Defesa Nacional. Brasília: Ministério da Defesa, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/livro_branco_congresso_nacional.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
360. Lukyanov F. Prefabricated World Order and Its Decline in Twenty-First Century, in: *Russia in a Changing World*. / Ed. by G. E. Diesen, A. Lukin. –Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. – С. 23–38.
361. Lula da Silva L. I. Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva during the BRICS Summit open plenary session, Johannesburg, South Africa, 23 August 2023 [Электронный ресурс] // Presidency of the Republic of Brazil. – Режим доступа: <https://www.gov.br/planalto/en/follow-the-government/speeches-statements/2023/speech-by-president-luiz-inacio-lula-da-silva-during-the-brics-summit-open-plenary-session> (дата обращения: 17.05.2026).
362. Luttwak E.N. From geopolitics to geo-economics. Logic of conflict, grammar of commerce. – 1990. – The National Interest. – P. 17–24.
363. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.
364. Maull H. W. The EU, China and America: Hanging in, by their teeth and nails [Электронный ресурс] // MERICS. 2020. 15 Sept. – Режим доступа: <https://merics.org/en/opinion/european-union-china-and-america-hanging-their-teeth-and-nails> (дата обращения: 17.05.2026).
365. Mazrui A. A. *Cultural Forces in World Politics*. – London: James Currey; Portsmouth, N.H.: Heinemann, 1990. – 262 p [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://books.google.com/books/about/Cultural_Forces_in_World_Politics.html?id=iWA2utXrTqYC (дата обращения: 17.05.2026).

366. Mazrui A. A. *The Africans: A Triple Heritage*. London: BBC Publications, 1986. 336 p.

367. Mbembe A. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001. 274 p.

368. Mbembe A. *Out of the Dark Night: Essays on Decolonization* / transl. by D. W. Waller. New York: Columbia University Press, 2021. 264 p [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <https://cup.columbia.edu/book/out-of-the-dark-night/9780231160285/> (дата обращения: 17.05.2026).

369. Mearsheimer J. J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order [Электронный ресурс] // *International Security*. 2019. Vol. 43, № 4. P. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00342. – Режим доступа: <https://direct.mit.edu/isec/article/43/4/7/12221/Bound-to-Fail-The-Rise-and-Fall-of-the-Liberal> (дата обращения: 17.05.2026).

370. Menon S. *A New World Order? Careful What You Wish For* // *Texas National Security Review*. 2025.

371. Menon S. *Choices: Inside the Making of India's Foreign Policy*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016.

372. Merke F., Stuenkel O., Feldmann A. E. *Reimagining Regional Governance in Latin America* [Электронный ресурс] // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2021. 24 June. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/research/2021/06/reimagining-regional-governance-in-latin-america> (дата обращения: 17.05.2026).

373. Miller L.H. *Global Order: Values and Power in International Politics* / L.H. Miller. – Boulder: Westview Press, 1998. – 621 с.

374. Mogherini, Federica. *Opening speech by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the annual EU Ambassadors Conference 2018*. Bruxelles, 03/09/2018 // <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters->

homepage/50025/speech-hrvp-mogherini-annual-eu-ambassadors-conference-2018_en
(дата обращения: 01.08.2025)

375. Mohan C. Raja. Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence. Noida: HarperCollins India, 2015.

376. Multilateralism and Regionalism: The New Interface. United Nations: New York and Geneva, 2005.

377. Munich Security Report 2023 [Электронный ресурс] // Stiftung Münchner Sicherheitskonferenz (gemeinnützige) GmbH. – Режим доступа: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2023/> (дата обращения: 01.08.2025)

378. Munich Security Report 2025 [Электронный ресурс] // Stiftung Münchner Sicherheitskonferenz. – Режим доступа: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2025/> (дата обращения: 01.08.2025)

379. Munich Security Report 2026: Under Destruction [Электронный ресурс] // Munich Security Conference. 2026. – Режим доступа: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report/2026/> (дата обращения: 17.05.2026).

380. Mustafa Aydin. Grand Strategizing in and for Turkish Foreign Policy: Lessons Learned from History, Geography and Practice. PERCEPTIONS, 25(2), 2021, pp. 203–226.

381. National Defense Strategy of the United States of America, including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2022. Oct [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

382. National security strategy of the United States [Электронный ресурс] // Администрация Президента США. 2022. Октябрь. Вашингтон, округ Колумбия. – Режим доступа: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp->

content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

383. National Security Strategy. Washington, D.C.: The White House, 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

384. Nye J. S. Soft power / J.S. Nye // Foreign policy. – 1990. – №. 80. – С. 153-171.

385. Open-ended Working Group on Security of and in the Use of Information and Communications Technologies 2021-2025. Final report [Электронный ресурс] // United Nations Digital Library. 2025. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/4084927> (дата обращения: 18.05.2026).

386. Organization of Turkic States (OTS) [Электронный ресурс] // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/turk-konseyi-en.en.mfa> (дата обращения: 17.05.2026).

387. Our work in Africa [Электронный ресурс] // UNEP. – Режим доступа: <https://www.unep.org/regions/africa/our-work-africa> (дата обращения: 01.08.2025)

388. Paris Agreement [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Series. 2015. – Режим доступа: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (дата обращения: 01.08.2025)

389. Política Nacional de Defesa. Estratégia Nacional de Defesa [Электронный ресурс] // Ministério da Defesa. Brasília, 2020. – Режим доступа: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/publicacoes-politica-e-estrategia-nacional-de-defesa/pnd-end-2020.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

390. Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. New York: United Nations, 1950. 59 p.

391. Programa Sectorial de Relaciones Exteriores 2025–2030 [Электронный ресурс] // Diario Oficial de la Federación. 2025. 3 sept. – Режим доступа: <https://sidof.segob.gob.mx/notas/5767163> (дата обращения: 17.05.2026).

392. Puig J. C. Doctrinas internacionales y autonomía latinoamericana. Caracas: Instituto de Altos Estudios de América Latina, Universidad Simón Bolívar, 1980. 302 p.
393. Qin Yaqing. A Relational Theory of World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
394. Qin Yaqing. Chinese Visions of World Order and Global Governance // Chinese Journal of International Politics. 2023.
395. Report of the Group of Governmental Experts on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security [Электронный ресурс] / UN Doc. A/76/135 // Официальный сайт ООН. 2021. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/76/135> (дата обращения: 01.08.2025)
396. Rio de Janeiro Declaration. Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance [Электронный ресурс] // BRICS Brazil 2025. 06.07.2025. – Режим доступа: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents/250705-brics-leaders-declaration-en.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).
397. Rodrik, D., Walt, S. How to Construct a New Global Order [Электронный ресурс] / D. Rodrik, S. Walt // HKS Faculty Research Working Paper Series, RWP21-013. 2021. Май. – Режим доступа: <https://www.hks.harvard.edu/publications/how-construct-new-global-order> (дата обращения: 01.08.2025)
398. Rodríguez Hernández L. E. Dossier «El conflicto en Ucrania y las disrupciones del orden mundial» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cipi.cu/dossier-el-conflicto-en-ucrania-y-las-disrupciones-del-orden-mundial/> (дата обращения: 04.05.2026).
399. Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form / J. G. Ruggie. – N.Y.: Columbia University Press, 1993. – 11 p.
400. Ruggie J.G. What makes the world hang together? Neo-utilitarianism and the social constructivist challenge / J.G. Ruggie // International organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – Vol. 52, N 4. – P. 855–885.
401. Russell R., Tokatlian J. G. From Antagonistic Autonomy to Relational Autonomy: A Theoretical Reflection from the Southern Cone // Latin American Politics and Society. 2003. Vol. 45, № 1. P. 1–24.

402. Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946-2024. PRIO Paper. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prio.org/publications/14453> (дата обращения: 19.05.2026).

403. Sakwa R. The International System and Models of Global Order / R. Sakwa // *Russia in Global Affairs*. – 2019. – Vol. 17, no. 3. – P. 24-25.

404. Sanahuja J. A. Crisis de globalización, crisis de hegemonía: un escenario de cambio estructural para América Latina y el Caribe // *América Latina y el Caribe frente a un nuevo orden mundial: poder, globalización y respuestas regionales* / coord. A. Serbin. Barcelona: Icaria Editorial.

405. Sanahuja J. A. Hegemonía, crisis de globalización y Relaciones Internacionales. Concepciones clásicas y teorización crítica // *El sistema internacional del siglo XXI. Dinámicas, actores y relaciones internacionales* / ed. P. González. Valencia: Tirant lo Blanch, 2020. P. 19–51.

406. Saran S. How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century. New Delhi: Juggernaut Books, 2017.

407. Security Council Reform [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/reform> (дата обращения: 01.08.2025)

408. Serbin A. Eurasia y América Latina en un mundo multipolar. – Barcelona: Icaria Editorial; CRIES, 2019. – P. 27–29.

409. Serbin A. Latin America and the Caribbean and a New Global Order: Facing Global and Regional Challenges [Электронный ресурс] // Academia.edu. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37989520/Latin_America_and_the_Caribbean_and_a_New_Global_Order_Facing_Global_and_Regional_Challenges (дата обращения: 17.05.2026).

410. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

411. Siphamandla Zondi. BRICS Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance, 2026.

412. SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security [Электронный ресурс] // Stockholm International Peace Research Institute. Oxford: Oxford University Press, 2025. – Режим доступа: <https://www.sipri.org/yearbook/2025> (дата обращения: 19.05.2026).

413. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004. С.166

414. Speech by President Lula at the Second Session of the G20 Leaders' Meeting: Reform of Global Governance Institutions, Rio de Janeiro, 19 Nov. 2024 [Электронный ресурс] // Ministério das Relações Exteriores. – Режим доступа: <https://www.gov.br/mre/en/content-centers/speeches-articles-and-interviews/president-of-the-federative-republic-of-brazil/speeches/speech-by-president-lula-at-the-second-session-of-the-g20-leaders-meeting-reform-of-global-governance-institutions> (дата обращения: 17.05.2026).

415. Strategic Agenda 2024–2029 [Электронный ресурс] // European Council. 2024. 27 June. – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/european-council/strategic-agenda-2024-2029/> (дата обращения: 17.05.2026).

416. A Strategic Compass for Security and Defence [Электронный ресурс] // Council of the European Union. 2022. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 17.05.2026).

417. Tingyang Z. Tianxia tixi: Shijie zhidu zhexue Daolun [Tianxia system: An introduction to the philosophy of world institutions]. – Nanjing: Jiangsu jiaoyu chubanshe, 2005. –Р. 54–67.

418. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс] / UN Doc. A/RES/70/1 // Программа развития ООН. 2015. – Режим доступа: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 01.08.2025)

419. Transformation of Turkish-Russian Relations: Rivalry and Cooperation in Eurasia and the Levant. Uluslararası İlişkiler, 2025.

420. Turkic World Vision – 2040: adopted at the 8th Summit of the Organization of Turkic States, Istanbul, 12 November 2021 [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. – Режим доступа: <https://turkicstates.org/u/d/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

421. Van Langenhove, L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 / L. Van Langenhove // Global Policy Volume 1. – Issue 3. – October 2010. – P. 263-264.

422. Waltz K. N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. – Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 830 с.

423. Welcome Remarks of the Chairperson of the African Union Commission, HE Dr. Nkosazana Dlamini Zuma to the 30th Ordinary Session of the Executive Council of the African Union [Электронный ресурс] // The African Union Commission. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/speeches/31936-sp-final_executive_council_cp_statement_25_jan_2017.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

424. White Paper for European Defence — Readiness 2030 [Электронный ресурс] // European Commission. 2025. 19 March. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White+paper+for+European+defence+%E2%80%93+Readiness+2030.pdf (дата обращения: 17.05.2026). P. 1–2.

425. World Bank Flagship Report. Global Economic Prospects [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/f983c12d-d43c-4e41-997e-252ec6b87dbd/content> (дата обращения: 01.08.2025)

426. World Development Indicators [Электронный ресурс] // The World Bank Group. – Режим доступа: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712> (дата обращения: 01.08.2025)

427. Xing L., Bernal-Meza R. China-US Rivalry: A New Cold War or Capitalism's Intra-Core Competition? // Revista Brasileira de Política Internacional. 2021. Vol. 64, № 1. Article e010.

428. Xuotong Y. Yichao duoqiang Zouxiang ZhongMei chaoji duojihua shihui [Движение от «одной сверх (державы) и многих сильных (государств) к «двум сверхдержавам –США-КНР и многоформатной державе]. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guancha.cn/multiple-pattern-super-country/2012_01_13_64309.shtml (дата обращения: 10.05.26.).

429. Yaqing Q. Culture and global thought: Chinese international theory in the making // Revista CIDOB d'afers internacionals. – 2013b. – № 100. – P. 23–37.

430. Yeşiltaş M. Turkey's Quest for a "New International Order": The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration [Электронный ресурс] // Perceptions: Journal of International Affairs. 2014. Vol. 19, № 4. P. 43–76. – Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/48963/624625> (дата обращения: 17.05.2026).

431. Zhao Tingyang. All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order. Oakland: University of California Press, 2021.

432. Zielonka J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

433. Zondi S. The BRICS and the Transformation of Global Governance: A Decolonial Perspective [Электронный ресурс] // Africa Insight. 2019. Vol. 48, № 4. P. 73–86. – Режим доступа: <https://repository.up.ac.za/bitstreams/89edc261-f0af-451a-b83e-c0c458b1f71c/download> (дата обращения: 17.05.2026).

434. Özel Merve Suna Özcan. The U.S. Election and the Post-Westphalian World. RIAC, 2024.

Контент- и ивент-анализ внешнеполитических документов и публичных выступлений внешнеполитического руководства Российской Федерации: методика, кодировочная схема и результаты

1. Методологическая основа и тип анализа

В приложении представлена формализованная процедура контент-анализа нормативных внешнеполитических документов Российской Федерации и вспомогательного анализа публичных выступлений. Контент-анализ используется для подсчета и сопоставления смысловых категорий, связанных с представлениями о мировом порядке, а элементы ивент-анализа для привязки изменений дискурса к ключевым внешнеполитическим событиям и временным срезам.

Категории были предварительно выделены на основе теории международных отношений, исследований мирового порядка, концепций многополярности и анализа российского внешнеполитического дискурса. После этого категории были операционализированы в виде кодов, словоформ, правил включения и исключения контекстов.

2. Корпус исследования и критерии отбора источников

Основной корпус включает документы стратегического планирования, обладающие нормативным статусом и фиксирующие официальную позицию государства. Дополнительный дискурсивный корпус включает политические выступления и дипломатические заявления, которые не смешиваются с нормативными документами при подсчете, но используются для проверки смыслового наполнения категорий и уточнения событийного контекста.

Критериями включения источников выступали: официальный характер текста; отношение к внешней политике, безопасности или международному порядку; наличие категорий, описывающих структуру международной системы; хронологическая сопоставимость; доступность текста для повторной проверки. Из подсчета исключались оглавления, технические реквизиты, библиографические

элементы, повторяющиеся заголовки, ссылки и случаи употребления слов вне внешнеполитического контекста.

Таблица 1. Основной корпус нормативных документов контент-анализа

№	Документ	Год	Тип источника	Временной срез	Аналитическое значение	Ссылка
1	Концепция внешней политики РФ	2000	Документ стратегического планирования	2000-2008	Фиксация антиоднополярной рамки	https://docs.cntd.ru/document/901764263
2	Концепция национальной безопасности РФ	2000	Документ стратегического планирования	2000-2008	Связь внешней политики и безопасности	http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927
3	Концепция внешней политики РФ	2008	Документ стратегического планирования	2000-2008	Развитие многополярной риторики	http://kremlin.ru/acts/news/785
4	Стратегия национальной безопасности РФ	2009	Документ стратегического планирования	2009-2016	Посткризисная оценка международной среды	http://www.kremlin.ru/supplement/424
5	Концепция внешней политики РФ	2013	Документ стратегического планирования	2009-2016	Переход к полицентричности	http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf
6	Стратегия национальной безопасности РФ	2015	Документ стратегического планирования	2009-2016	Усиление конфронтационного контекста	http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391
7	Концепция внешней политики РФ	2016	Документ стратегического планирования	2009-2016	Институционализация полицентричности	http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451
8	Стратегия национальной безопасности РФ	2021	Документ стратегического планирования	2021-2023	Критика кризиса западнцентричной модели	http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001
9	Концепция внешней политики РФ	2023	Документ стратегического планирования	2021-2023	Цивилизационно-нормативное мироустройство	https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Дополнительный дискурсивный корпус для контекстной и событийной интерпретации

№	Источник	Год	Тип источника	Роль в анализе
1	Мюнхенская речь В. В. Путина	2007	Политическое выступление	Контекст критики однополярности
2	Выступление В. В. Путина на заседании клуба «Валдай»	2014	Политическое выступление	Переход к проблематизации полицентричного мира
3	Выступления С. В. Лаврова о многополярности и ООН	2015-2025	Дипломатические выступления	Смысловая проверка категорий
4	Выступление Президента РФ на 75-й сессии ГА ООН	2020	Политическое выступление	Связь ООН и многополярности
5	Послание Президента РФ Федеральному Собранию	2024	Государственное выступление	Связь суверенитета и миропорядка
6	Выступление Президента РФ на встрече с руководством МИД РФ	2024	Политическое выступление	Категории многополярного и многостороннего мироустройства

Источник: составлено автором.

Приложение №1 к Табл 2. Выступления Президента России В.В. Путина

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
19.05.2025	XIII Петербургский международный юридический форум, Москва	<i>«В условиях активно формирующегося многополярного миропорядка, одна из приоритетных задач – настроить глобальные институты управления и механизмы обеспечения коллективной безопасности»³⁸⁸</i>	Многополярный миропорядок	Президент РФ адресовал послание участникам и гостям XIII Петербургского международного юридического форума
14.06.2024	Владимир Путин в ходе выступления на встрече с руководством МИД РФ, Москва	<i>«Именно на основе новой политической, экономической реальности сегодня формируются контуры многополярного и</i>	Многополярные и многостороннее мироустройство	Мир стремительно меняется

³⁸⁸Послание Президента РФ участникам и гостям XIII Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс] / В.В. Путин // РИА Новости. 19 мая 2025 г.– Режим доступа: <https://ria.ru/20250519/putin-201778585.html> (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
		<i>многостороннего мироустройства</i> ³⁸⁹		
29.02.2024	Послание Президента Федеральному Собранию, Москва	«..думаю, что это сегодня важно для всех: без суверенной, сильной России никакой прочный миропорядок невозможен» ³⁹⁰	миропорядок	Послание Президента Федеральному Собранию
22.09.2022	Выступление на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН	«ООН не должна костенеть, а должна отражать в своем развитии динамику XXI века, последовательно адаптироваться к реалиям современного мира, а он действительно становится все более сложным, многополярным, многомерным. » ³⁹¹	Многополярность	О значимости укрепления создания Организации Объединенных Наций
11.07.2018	Интервью агентству ИТАР-ТАСС о состоянии и перспективах российско-бразильских отношений	«Россия поддерживает Бразилию как достойного и сильного кандидата на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Я убежден, что эта мощная, динамично растущая страна призвана играть важную роль в формирующемся	Полицентричное мироустройство	мир XXI века глобален и взаимозависим

³⁸⁹ Выступление Президента РФ на встрече с руководством МИД РФ [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Официальный сайт МИД РФ. 14 июня 2024 г. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107/ (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 29 февраля 2024 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹¹ Выступление на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 22 сентября 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074> (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
		<i>новом полицентричном мироустройстве»³⁹²</i>		
24.10.2014	итоговая пленарная сессия XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»	« <i>формирование полицентричного мира само по себе не укрепляет стабильность</i> » « <i>Мы входим в эпоху многополярного мира, взаимозависимого мира, где каждый находится в одной и той же лодке и каждый сталкивается с результатами того, что происходит в любой точке мира</i> » ³⁹³	Полицентричный мир, многополярный мир	Тема встречи: "Новые правила игры или игра без правил".
10.02.2007	Мюнхенская речь на Конференции по безопасности	« <i>Нет оснований сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового экономического роста неизбежно будет конвертирован в политическое влияние и усилит многополярность</i> », « <i>И, конечно, мы хотели бы взаимодействовать с ответственными и независимыми партнерами, с которыми мы могли бы вместе работать над построением</i>	Многополярность, мировой порядок	Критика доминирования США, призыв к равноправному миру. Первое масштабное заявление о необходимости нового миропорядка.

³⁹² Интервью агентству ИТАР-ТАСС о состоянии и перспективах российско-бразильских отношений Электронный ресурс / В.В. Путин // ТАСС. 11 июля 2018 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/1599744/amp> (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹³ Итоговая пленарная сессия XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» Электронный ресурс / В.В. Путин // Российская газета. 24 октября 2014 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
		<i>справедливого и демократического мирового порядка»³⁹⁴</i>		

Источник: составлено автором.

Приложение №2 к таблице 2. Выступления Министра иностранных дел С. В. Лаврова

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
15.05.2025	Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Дипломатического клуба, Москва	<i>«Россия вместе с Беларусью в контексте этих дискуссий предлагает приступить к разработке Евразийской хартии многополярности и многообразия в XXI веке, приглашая, подчеркну, все без исключения страны, расположенные на Евразийском континенте, включая и западную часть Евразии.»³⁹⁵</i>	Многополярность	О ежегодной конференции по евразийской безопасности
30.04.2025	Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Доминиканской	<i>«Говорили и о том, как развиваются дела в сфере различных дискуссий о реформе ООН, о тенденциях, наблюдаемых в контексте становления многополярного миропорядка»³⁹⁶</i>	Миропорядок, многополярность	Итоги переговоров с МИД Доминиканской Республики

³⁹⁴ Выступление на Мюнхенской конференции по безопасности Электронный ресурс / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. 10 февраля 2007 г. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/page/427> (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹⁵ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на заседании Дипломатического клуба Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 15 мая 2025 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2017684/ (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹⁶ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Доминиканской Республики Р.Альваресом Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 30 апреля 2025 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012902/ (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
	Республики Р. Альваресом по итогам переговоров, Санто-Доминго			
29.04.2025	Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам СМВД БРИКС, Рио-де-Жанейро	<i>«Здесь нет никого противоречия. Позиция не менялась. Здесь та же ситуация, что и с Уставом ООН. Устав – хороший. Он в полной мере отвечает всем требованиям укрепления многополярности мировых отношений. Просто западные страны его либо применяют от случая к случаю (как Бог на душу положит), либо вообще игнорируют и продвигают свой «порядок, основанный на правилах»³⁹⁷</i>	Многополярность, приверженность принципам ООН, порядок, основанный на правилах	Ответ на вопрос об отношении России к ВТО и роли организации в текущих экономических обстоятельствах
04.03.2024	Ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе специальной сессии большой дискуссионной программы МГИМО, совмещенной с VII Глобальным форумом молодых дипломатов: «Россия и ее роль в формировании многополярного мира», Сочи	<i>«По итогам «провала» А. Гитлера в создании гегемонии одной расы во время Второй мировой войны была создана ООН. Концепция многополярности была заложена в ней изначально в виде Совета Безопасности и его пяти постоянных членов». «Формирование нового миропорядка, по моему глубоко убеждению, не требует изменения Устава ООН в его принципиальных положениях». «в любом равноправном миропорядке (называя его многополярным, полицентричным), где существует несколько центров силы и влияния (а они уже</i>	Многополярность, полицентричность, приверженность принципам ООН, формирование нового миропорядка	Россия и ее роль в формировании многополярного мира

³⁹⁷ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам СМВД БРИКС Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 29 апреля 2025 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012487/ (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
		<i>появляются), конечно, Соединенные Штаты будут одним из ведущих государств»³⁹⁸</i>		
10.07.2024	Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью бразильской газете Globo.	<i>«БРИКС – одна из опор многополярного мира»³⁹⁹</i>	многополярность	Интервью бразильской газете
19.02.2024	78-я ГА ООН	<i>"реалии многополярного мира, складывающиеся объективно и отражающие неумолимый ход истории, подвергаются не просто испытанию, а вызывают агрессивную реакцию США и других стран мирового меньшинства, которые всеми правдами и неправдами хотят сохранить свое доминирование, гегемонию, диктат»⁴⁰⁰</i>	Многополярный мир	Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе переговоров с Министром иностранных дел Кубы Б.Родригесом
02.09.2019	Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече со студентами и профессорско-	<i>Наши западные коллеги также пытаются не допустить создания многополярного мира (объективный процесс, повторяю). Они пытаются обойти легитимные международные структуры и заменить международное право, которое основано на Уставе ООН, неким порядком, основанным на каких-то</i>	Многополярный мир	Об актуальных проблемах в мировой политике

³⁹⁸ Ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе специальной сессии большой дискуссионной программы МГИМО Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 4 марта 2024 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012487/ (дата обращения: 01.08.2025)

³⁹⁹ Интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова бразильской газете Globo Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 10 июля 2024 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/en/press_service/photos/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/1936760/ (дата обращения: 01.08.2025)

⁴⁰⁰ Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе переговоров с Министром иностранных дел Кубы Б.Родригесом Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 19 февраля 2024 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1933050/ (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
	преподавательск им составом МГИМО (У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва.	<i>правилах, которые изобретаются от случая к случаю в зависимости от политической целесообразности⁴⁰¹.</i>		
03.05.20 18	С.В. Лавров в интервью итальянского журналу «Panorama»	<i>Сегодня мы... – свидетели процесса формирования полицентричной системы мироустройства. Появляются и укрепляются новые центры экономической мощи и политического влияния.⁴⁰²</i>	Полицент ричность, мироустро йство	Интервью
11.08.20 17	Встреча с участниками Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме»	<i>«Сейчас мы переживаем однозначно такой переломный этап в международных отношениях: уходит прошлая эпоха, которая характеризовалась тем, что несколько столетий то, что мы называем Западом, доминировало в международных делах, и объективно формируется то, что мы называем полицентричным миропорядком» «Однако, указал глава МИД РФ, «этот процесс невозможно остановить, потому что по большому счету многополярность - это отражение реально существующей культурно- цивилизационной многожественности, многообразия современного мира и, конечно же, это реальное отражение желания</i>	Миропоря док, полицентр ичность, многополя рность, культурно - цивилизац ионная множестве нность	О формировании многополярно го мира

⁴⁰¹Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с о студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У) МИД России Электронный ресурс / С.В. Лавров //Официальный сайт МИД РФ. 2 сентября 2019 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1468444/ (дата обращения: 01.08.2025)

⁴⁰²Интервью Министра иностранных дел С.В. Лаврова итальянскому журналу «Panorama» Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 3 мая 2018 г. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1570103/ (дата обращения: 01.08.2025)

Дата	Мероприятие	Ключевые цитаты	Термины	Контекст
		<i>народов самим свою судьбу определять»»⁴⁰³</i>		
28.10.2014	Интервью Министра иностранных дел С.В. Лаврова телекомпании ВГТРК в связи с юбилеем Е.М. Примакова, Москва	<i>«Давайте вспомним, что Е.М. Примаков первым выдвинул идею укрепления сотрудничества в формате тройки Россия-Индия-Китай (РИК), которая дала старт процессу оформления геополитических структур, выступающих за многополярность, формирование полицентричного мира, где все позиции и права будут перераспределены в соответствии с реальным весом экономики, финансов и политического влияния.»⁴⁰⁴</i>	Многополярность, полицентричный мир	О роли Примакова в выстраивании отечественной внешней политики

Источник: составлено автором.

3. Единицы анализа, смысловые единицы и единицы счета

Единицей анализа выступает отдельный официальный документ основного корпуса. Внутри документа выделяются текстовые фрагменты - предложение или абзац, содержащий кодируемую категорию. Смысловой единицей является не изолированное слово, а концепт, выраженный через устойчивую лексику, словоформу или словосочетание и относящийся к описанию международной системы, мирового порядка или механизмов внешнеполитического взаимодействия.

Единицей счета является одно релевантное употребление категории в пределах предложения или абзаца. Если в одном фрагменте повторяется одна и та же словоформа без изменения смысла, она учитывается один раз; если в одном

⁴⁰³ Встреча с участниками Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме» Электронный ресурс / В.В. Путин // Официальный сайт МИД РФ. 11 августа 2017 г. Режим доступа: https://washington.mid.ru/ru/presscentre/news/vystuplenie_i_otvety_na_voprosy_ministra_inostrannykh_del_rossii_s_v_lavrova_v_ramkakh_vserossiyskog/ (дата обращения: 01.08.2025)

⁴⁰⁴ Интервью Министра иностранных дел С.В. Лаврова телекомпании ВГТРК в связи с юбилеем Е.М. Примакова Электронный ресурс / С.В. Лавров // Официальный сайт МИД РФ. 28 октября 2014 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1716438/ (дата обращения: 01.08.2025)

фрагменте присутствуют разные категории, каждая кодируется отдельно. Такое правило снижает риск механического завышения частотности в нормативных текстах, где одни и те же формулы могут повторяться в устойчивых юридико-политических конструкциях.

Объем текста для нормализации определялся по очищенному массиву документа: учитывались содержательные разделы, в которых формулируются внешнеполитические цели, оценки международной среды, принципы и инструменты внешней политики. Из подсчета объема исключались титульные элементы, оглавление, реквизиты нормативного акта, справочные и библиографические блоки, повторы заголовков, номера страниц, электронные ссылки и технические примечания. Такой подход обеспечивает сопоставимость документов разного жанра и объема.

4. Кодировочная книга

Таблица 3. Кодировочная книга контент-анализа

Код	Категория	Кодируемые словоформы	Правило включения	Правило исключения
C1	Мировой порядок / миропорядок	мировой порядок, миропорядок, международный порядок	Употребление описывает структуру или принципы организации международной системы	Не кодируются бытовые или историко-описательные употребления без связи с международной политикой
C2	Мироустройство	мироустройство, мировое устройство, устройство мира	Категория описывает желаемую нормативно-ценностную модель организации мира	Не кодируются общие рассуждения о внутреннем устройстве государства
C3	Многополярность	многополярность, многополярный мир, многополярная система	Употребление связано с распределением силы между несколькими центрами	Не кодируются метафорические употребления вне международных отношений
C4	Полицентричность	полицентричность, полицентричный мир, центры развития	Употребление указывает на множественность центров принятия решений или развития	Не кодируются технические употребления слова «центр»

C5	Многосторонность	многосторонность, многосторонний, многостороннее сотрудничество	Употребление описывает механизм коллективного согласования интересов	Не кодируются обычные двусторонние или административные контексты
C6	Критика однополярности и гегемонии	однополярность, гегемония, диктат, порядок, основанный на правилах	Категория фиксирует оппозиционную рамку по отношению к западноцентричной модели	Не кодируются упоминания без оценочной или системной нагрузки
C7	Цивилизационно-нормативная рамка	цивилизация, государство-цивилизация, культурно-цивилизационное многообразие, традиционные ценности	Употребление связывает мировой порядок с ценностным или цивилизационным многообразием	Не кодируются культурные упоминания без связи с внешней политикой

Источник: составлено автором.

5. Процедура кодирования и проверки результатов

1. Формирование корпуса: отбор официальных нормативных документов и дополнительного корпуса выступлений.
2. Предварительная сегментация: разделение текста на документы, разделы, абзацы и предложения.
3. Первичное кодирование: автоматизированный поиск словоформ по кодировочной книге.
4. Ручная верификация: проверка каждого найденного контекста на соответствие правилам включения и исключения.
5. Подсчет частотности: фиксация количества релевантных употреблений по каждому коду и документу.
6. Нормализация: пересчет общего количества упоминаний на 1000 слов для сопоставления документов разного объема.
7. Событийная привязка: соотнесение изменений частотности и смыслового содержания категорий с ключевыми внешнеполитическими событиями.
8. Интерпретация: сопоставление количественных показателей с контекстными примерами из нормативных документов и выступлений.

Проверка надежности обеспечивалась повторной ручной сверкой спорных контекстов и сохранением единых правил кодирования на всем массиве источников. Поскольку исследование выполнялось одним автором, акцент сделан на процедурной воспроизводимости: открыто указаны корпус, коды, правила исключения, матрица подсчета и способ нормализации.

Повторное кодирование проводилось после временного интервала: на втором проходе проверялись все найденные автоматизированным поиском фрагменты, а также спорные случаи, в которых словоформа могла иметь не внешнеполитическое, а техническое или описательное значение. Спорные контексты заносились в отдельный перечень и включались в итоговую матрицу только при наличии связи с международной системой, внешней политикой, безопасностью или глобальным управлением.

Коэффициенты межкодировочной надежности не рассчитывались, поскольку исследование выполнялось одним автором. Это ограничение компенсировалось прозрачностью процедуры: в приложении раскрыты корпус, коды, словоформы, правила включения и исключения, матрица кодирования, нормализация и временные срезы, что позволяет воспроизвести логику подсчета и проверить спорные решения.

6. Матрица кодирования и частотность

Нормализованная частотность рассчитывалась по формуле: $F = (N / W) \times 1000$, где F - частота употребления категории на 1000 слов, N - количество релевантных упоминаний категории или суммы категорий в документе, W - объем очищенного текста документа в словах. Формула используется для сопоставления документов разного объема и предотвращает завышение значения более крупных текстов.

Таблица 4. Матрица «документ - категория» по основному корпусу

Документ	Год	С 1	С 2	С 3	С 4	С 5	С 6	С 7	Итого
Концепция ВП РФ	2000	2	4	1	0	5	1	0	13
Концепция НБ РФ	2000	0	0	3	0	2	0	0	5

Концепция ВП РФ	2008	2	1	1	1	14	0	8	27
Стратегия НБ РФ	2009	0	1	2	0	7	0	0	10
Концепция ВП РФ	2013	0	1	0	2	16	0	8	27
Стратегия НБ РФ	2015	0	1	0	3	5	0	0	9
Концепция ВП РФ	2016	0	1	0	1	18	0	6	26
Стратегия НБ РФ	2021	1	4	0	2	5	1	2	15
Концепция ВП РФ	2023	3	7	11	1	14	3	10	49

Источник: составлено автором.

Таблица 5. Нормализованная частотность категорий в основном корпусе

Документ	Объем текста, слов	Итого упоминаний	Частота на 1000 слов
Концепция ВП РФ 2000	4 436	13	2,93
Концепция НБ РФ 2000	5 017	5	1,00
Концепция ВП РФ 2008	6 970	27	3,87
Стратегия НБ РФ 2009	6 872	10	1,46
Концепция ВП РФ 2013	8 383	27	3,22
Стратегия НБ РФ 2015	8 056	9	1,12
Концепция ВП РФ 2016	8 279	26	3,14
Стратегия НБ РФ 2021	8 752	15	1,71
Концепция ВП РФ 2023	8 973	49	5,46

Источник: составлено автором.

Таблица 6. Временные срезы контент-анализа

Временной срез	Документы	Объем, слов	Итого упоминаний	Частота на 1000 слов	Доминирующая смысловая рамка
2000-2008	Концепция ВП 2000; Концепция НБ 2000;	16 423	45	2,74	Доминирование многосторонней рамки при наличии ранних элементов

	Концепция ВП 2008				многополярной и антиоднополярной риторики
2009-2016	Стратегия НБ 2009; Концепция ВП 2013; Стратегия НБ 2015; Концепция ВП 2016	31 590	72	2,28	Институционализа ция многосторонности, усиление полицентричной и цивилизационной аргументации
2021-2023	Стратегия НБ 2021; Концепция ВП 2023	17 725	64	3,61	Максимальная интенсивность категорий: мироустройство, многополярность, цивилизационная рамка и критика западноцентрично сти

Источник: составлено автором.

7. Ивент-анализ как контекстуальный слой

Ивент-анализ в данном исследовании используется как вспомогательная процедура, позволяющая соотнести изменения в частотности и содержании категорий с политическими событиями. Единицей ивент-анализа выступает значимое внешнеполитическое событие или принятие программного документа, после которого меняется интенсивность или смысловая нагрузка исследуемых категорий.

К событиям включались: принятие документов стратегического планирования; программные внешнеполитические выступления; крупные

международные кризисы; саммиты и институциональные решения, влияющие на язык описания мирового порядка. Событие включалось в матрицу только в том случае, если оно имело прямую связь с внешнеполитическим дискурсом России и позволяло интерпретировать изменение частотности или смысловой нагрузки кодируемых категорий.

Ивент-анализ не используется как самостоятельный количественный метод прогнозирования событий и не подменяет контент-анализ. Его функция ограничена контекстуализацией временных срезов: он показывает, какие политические обстоятельства сопровождали усиление или изменение исследуемых категорий, но не доказывает прямую причинно-следственную зависимость между событием и частотностью словоупотребления.

Таблица 7. Матрица ивент-анализа для интерпретации временных срезов

Период / событие	Тип события	Связанный корпус	Ожидаемое дискурсивное изменение	Фиксация в анализе
2000-2008: критика однополярности и Мюнхенская речь 2007 г.	Политико-доктринальный поворот	Концепции 2000, 2008; выступление 2007 г.	Закрепление многополярности в политическом контексте и усиление многосторонней рамки в нормативных документах	C3, C5; C6 как контекстный маркер
2013-2016: украинский кризис и усиление конфронтации с Западом	Кризис безопасности и	Концепция 2013; Стратегия 2015; Концепция 2016	Усиление полицентричности, многосторонних механизмов и цивилизационной аргументации без заметного роста прямой критики	C4, C5, C7

			гегемонии в основном корпусе	
2021-2023: кризис либерального порядка и новая Концепция внешней политики	Нормативно - цивилизационный поворот	Стратегия 2021; Концепция 2023	Рост категорий мироустройства, многополярности, цивилизационного многообразия и критики западноцентричной модели	C2, C3, C6, C7

Источник: составлено автором.

8. Контекстная интерпретация смысловых категорий

Таблица 8. Контекстная интерпретация категорий

Категория	Типичный контекст	Смысловая функция	Интерпретация
Многополярность	Формирование многополярной системы международных отношений	Структурно-геополитическая рамка	Категория фиксирует распределение силы между несколькими центрами влияния; в ранних текстах связана с критикой однополярности, а в поздних - с позитивной моделью мироустройства
Полицентричность	Полицентричная международная система	Структурная рамка	Акцент переносится с числа полюсов на множественность центров принятия решений
Мироустройство	Справедливое и устойчивое мироустройство	Нормативная рамка	Категория описывает желаемую модель организации международной системы
Многосторонность	Механизмы многостороннего взаимодействия	Институциональная рамка	Категория показывает способ согласования интересов
Порядок, основанный на правилах	Критика подмены международного права правилами	Оппозиционная рамка	Фиксирует российскую критику западноцентричной модели

Цивилизационное многообразие	Государство- цивилизация, культурно- цивилизационная самобытность	Ценностная рамка	Связывает модель мирового порядка с правом обществ на самостоятельный путь развития
---------------------------------	---	---------------------	---

Источник: составлено автором.

9. Интерпретация результатов

Матрица кодирования показывает, что наиболее устойчивой категорией всего корпуса является многосторонность (С5): она дает 86 релевантных употреблений из 181, то есть почти половину всех зафиксированных кодов. Второй по выраженности является цивилизационно-нормативная рамка (С7, 34 употребления), далее следуют категории мироустройства (С2, 20), многополярности (С3, 18), полицентричности (С4, 10), мирового порядка / миропорядка (С1, 8) и критики однополярности и гегемонии (С6, 5). Следовательно, количественный результат указывает не столько на доминирование прямой антиоднополярной риторики, сколько на институционализацию многосторонней рамки и постепенное усиление цивилизационно-нормативного описания желаемого мирового порядка.

На уровне отдельных документов наиболее высокая нормализованная интенсивность исследуемых категорий зафиксирована в Концепции внешней политики 2023 г. (5,46 упоминания на 1000 слов), а также в Концепции внешней политики 2008 г. (3,87) и Концепции внешней политики 2013 г. (3,22). В стратегиях национальной безопасности категории мирового порядка встречаются реже, что объясняется иной функциональной направленностью этих документов: они фиксируют угрозы, риски и задачи обеспечения безопасности, а не только желаемую модель международной архитектуры.

Сопоставление временных срезов показывает не линейный рост, а изменение смысловой структуры дискурса. В 2000-2008 гг. количественно доминирует многосторонняя рамка, а многополярность и критика однополярности выступают как значимые, но не преобладающие элементы. В 2009-2016 гг. сохраняется доминирование многосторонности и усиливается полицентричная и цивилизационная аргументация. В 2021-2023 гг. наблюдается максимальная

нормализованная интенсивность исследуемых категорий, при этом заметно возрастает роль мироустройства, многополярности и цивилизационно-нормативного описания мирового порядка.

10. Методологические ограничения

Контент-анализ фиксирует дискурсивный уровень и не является прямым измерением практической реализации внешней политики;

Частотность категории не равна ее политической значимости без учета контекста;

Дополнительный корпус выступлений используется для интерпретации, но не смешивается с основным нормативным корпусом при подсчете;

Ивент-анализ показывает связь дискурсивных изменений с событиями, но не доказывает прямую причинно-следственную зависимость.

Показатели частотности следует рассматривать как индикаторы дискурсивной интенсивности, а не как самостоятельное доказательство политической значимости категории без контекстной интерпретации.

11. Выводы

Полученные результаты позволяют говорить о трансформации российского внешнеполитического дискурса от ранней постановки вопроса о преодолении однополярности к более сложной модели, в которой количественно наиболее устойчивой категорией выступает многосторонность, а содержательное усложнение обеспечивается категориями мироустройства, многополярности, полицентричности и цивилизационно-нормативного обоснования мирового порядка. Критика западной конструкции «порядка, основанного на правилах» значима прежде всего как контекстная и оппозиционная рамка, но по частотности уступает институциональным и нормативным категориям. Выявленная неоднородность категорий является самостоятельным политологическим результатом: российский дискурс фиксирует не одну завершенную модель нового мирового порядка, а несколько взаимосвязанных способов его описания.